

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 12 (51)
декабрь, 2020

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вот и увидел свет первый после настоящего юбилея (50 выпусков) номер литературно-исторического журнала «Александръ». Редакция «Александра» сохраняет и охраняет русское литературное слово и одновременно идёт в ногу со временем. Юбилей журнала – это повод оглянуться назад и наметить новые планы и темы публикаций. У «Александра» богатая история, широкая география и верные друзья. Ему есть чем гордиться и всегда везло на талантливых творческих писателей.

Стоит сознаться, что издавать сегодня литературный журнал очень непросто, но перо современных литераторов-патриотов не должно притупляться и простаивать, в первую очередь потому, что именно они пишут историю России и рассказывают о жизни и достойных жителях родной земли.

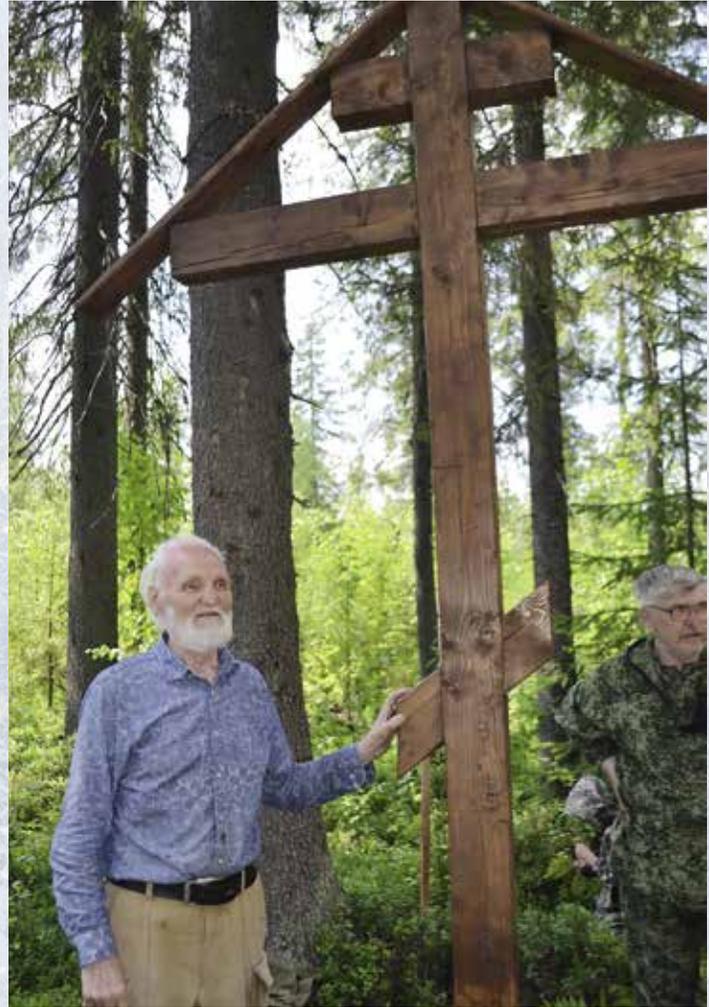
Уходящий год был сложным, но результативным. Произошло много изменений как в общественной и политической жизни страны и мира, так и в литературной сфере. При этом из номера в номер «Александръ» старался затрагивать самые актуальные вопросы, связанные с литературой и историей. Коллектив «Александра» прилагает все усилия, чтобы журнал оставался для вас интересным и полезным, постоянно размещая увлекательные и познавательные материалы – обзоры, публицистику, интервью, прозу и, конечно, поэзию, в том числе на злобу дня.

От всей души поздравляю вас с замечательными праздниками – наступающим Новым годом и Рождеством Христовым!

Новый год – это всегда новые надежды, новые планы и уверенность в том, что завтрашний день будет лучше. Мы рады, что вы были с нами в 2020-м, и надеемся, что останетесь нашими читателями и в наступающем году!

Искренне желаю вам полностью реализоваться и не переставать чувствовать себя счастливыми в наше время стремительных перемен! Успехов и здоровья в новом, 2021 году, исполнения всех планов и добрых начинаний, стабильности и семейного благополучия!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сказать, что отстоявший свою вахту год был тяжёлым, конечно, можно. Но это и так все знают. А говорить, что следующий год будет ещё тяжелее, не хочется, но придётся. Не хочется быть предсказателем новых испытаний, но куда денешься: они будут. Во-первых, мы их заслужили. Во-вторых, они нас сделают ещё сильнее и окончательно вразумят: Россия осталась в этом мире одинокой, и всё зло мира поднимается на неё. Почему? Потому что, несмотря ни на что, Россия – последнее пристанище Иисуса Христа на Земле. И если бы мы понимали эту доверенную нам радость, мы бы с лёгкостью несли свою судьбу. А пока мы всё скулим, и огорчаемся, и ждём непонятно за что снисхождения. А за что? В России властвует диктатура воровства, школа убивается, разорвана связь между уходящими и приходящими поколениями, молодёжь считает стариков отжившими. Не все, конечно, но общая тенденция такова. Информационная война нами постоянно проигрывается. Убийство тиражей книг и журналов ведёт общество к поглупению.

Диву даёшься, как мы ещё живы. Только Господь Бог нас хранит. Ещё жалеет нас и на нас надеется. А живы те, кто греет свои души и сердца около Слова Божия. Слова, произнесённого и написанного в веках и идущего через века. Вот наше главное достояние.

Всё хорошо, братья и сёстры. Кто нам мешает молиться Христу?

Владимир КРУПИН,
сопредседатель Союза писателей России

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУТЬ

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 12 (51), декабрь 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.12.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

На обложке: Designed by photographeasia / Freepik

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6** Владимир Крупин.
«Крестный ход – это прививка
от чёрствости сердца...»
- 13 Слово о кресте
- 14 О державной иконе

ЮБИЛЕЙ

- 17** Анатолий Труба.
Корабли Ларисы Васильевой
- 18** Борис Жаров.
Мы из без вести пропавших...
- 21** Валентина Дорожкина.
Мозаика лет Валерия Аршанского

ПОЭЗИЯ

- 26** Александр Орлов
- 29** Андрей Новиков
- ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА**
- 32** Татьяна Никитина.
Миру ходатаица. Икона Божией
Матери «Знамение»

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

- 38** Алла Новикова-Строганова.
Алое сердце Диккенса

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- 47** Натали Биссо.
Что за печали

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 50** Валерий Мазманян.
Налепит ветер белых птиц

ПАМЯТЬ

- 53** Василий Киляков.
Предстояние

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 63** Геннадий Халдин.
«Поэтические души говорят...»
- 66** Валерий Румянцев

ВЕРСИЯ

- 68** Александр Ралот.
Проходимец

БЕЗ ГРАНИЦ

- 71** Лилия Высоцкая
- 73** Екатерина Писаренко
- 75** Ольга Карташова

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ

- 77** Игорь Мартынов.
Александр Невский – великий
полководец, правитель и святой

ВДОХНОВЕНИЕ

- 84** Ульяна Корчагина
- 86** Дина Бабайцева

ДЕТСТВО

- 87** Владислав Бахревский.
Мальчик, который слушал море
- 90** Анатолий Южанин.
Детство

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Анатолий Труба.
Мичуринцы в Звёздном
- 95** День древонасаждения

На вопросы вятского писателя Виктора Бакина отвечает первый лауреат Патриаршей литературной премии, почётный гражданин Кировской области, замечательный русский писатель Владимир Крупин.

«КРЕСТНЫЙ ХОД – ЭТО ПРИВИВКА ОТ ЧЁРСТВОСТИ СЕРДЦА...»

❓ **В.Б.:** – Владимир Николаевич, на дворе осень высокосного года – года непросто-го, горестного. Для меня вообще высокосные годы в последнее время выйдут тягостные, несчастливые – в 2016 году похоронил отца, инвалида войны, которому было 95 лет, ныне в феврале случилась операция у жены, а едва поправившись, она вообще сломала ногу... Я уж не говорю про коронавирус и связанные с ним небывалые ограничения, которые коснулись практически каждой семьи. Как вы переживаете нынешнее лихолетье? Откуда такая напасть?

В.К.: – Виктор Семёнович, а за что нам не напасти? За что радости? И как ещё только

Господь нас терпит и пока не стряхнул с Земли по нашим грехам? Високосный год – он такой же, как и другие, это такое просто поверье – Касьянов год. Отец ваш прожил достойную жизнь, нам бы так.

А для меня год нынешний, карантинный – год даже радостный: много работал. Закончил начатую в Вятке в святочные дни повесть «Громкая читка». И ещё продолжал свои коротышки-крупинки, которые в основном легко посмотреть, идут на сайте Русской народной линии. Они не самоцель, а на злобу дня. Отклики на происходящие события. А события всё невесёлые: нашествие на Россию, её культуру, язык, традиции, образование усиливается. Идут таранные удары по славянскому единению, подрывается вера православная, насильственно

рвётся связь поколений, молодёжь оболванивается... как тут молчать? Нельзя думать, что от нас ничего не зависит. Неправда, зависит. Видишь мерзость, она возмущает твоё сердце, оскорбляет разум – не молчи! Зло боится обличения. Подлость прячется от света.

Так что отвечаю на вопрос так: лихолетье – оно нами заслужено. Давно сказано: что в народе, то в погоде. Это и к «погоде» в общественной жизни применимо.

? В. Б.: – Лихолетье нами заслужено, говорите вы. А отцов и матерей наших разве миновало лихолетье, разве «тепло и светло» они жили? А деды наши, а прадеды? Да какой период отечественной истории ни возьмёшь – всё худо, всё лихо. Что так, отчего? Есть у вас тому объяснение?

В. К.: – Объяснение одно. Оно библейское. С момента распятия Христа на Голгофе мир разделился: одни за Христа, другие против Христа. Это главное деление мировой истории. Россия приняла христианство, и теперь она единственное и последнее прибежище Христа на этой планете. Отсюда и ненависть к ней.

Родители, деды, прадеды жили тяжело, тяжелее нашего, но в них действовала живительная сила инерции православной жизни. Эта инерция и в Великую Отечественную помогла победить. Сейчас заметно затухание её.

Вроде всё есть для спасения души: храмы открыты, а в храмы не идут. Но больно же было верующим, которых, к сожалению, стало меньше, когда нынче Пасху Христову встречали у телевизора. Ужасно – на церкви замок. Это отрезвляло даже и неверующих, но и не враждебно настроенных.

? В. Б.: – Вот-вот: на церкви замок. Службы в онлайн-формате. Великорецкий крестный ход практически под запретом. Помнится, и вы призывали ныне поостеречься, по возможности не ходить на реку Великую. Что так?

В. К.: – Накануне Великорецкого крестного хода я написал обращение, которое было растиражировано в ряде изданий, в том числе вятских. Вот его содержание:

«Крестоходцы великорецкие! Братья и сёстры мои дорогие! Надо мужественно, со спокойной душой пережить то, что в нынешний год наш вековечный ход будет иным. Надо это понять и принять. Что делать – нашествие заразы. И она послана нам по нашим грехам, и мы молимся Господу об избавлении от неё. Прислушаемся к священноначалию, пребудем в послушании. Никто не запрещает молиться святителю Николаю в дни крестного хода.

Этот ход – одно из главных событий в моей жизни. С 1991 года двадцать лет участвовал в нём. И потом старался всегда проводить его. Когда он идёт, мысленно иду вместе с ним, ибо знаю все его дороги, остановки, ночлеги. Помню церкви Макарья, Бобино, Монастырское, Медян, Мурыгино в развалинах, запущенное Горохово, искалеченное Великорецкое. Как болело сердце, как истово читали мы акафист Святителю, как верили, что мы, с истёртыми в кровь ногами, искусанные комарами, недосыпавшие, недоедавшие, будем услышаны. Да, так и случилось. Смотрите: возвысились храмы, гремят колокола, слышится пение хора, звучит пастырская проповедь.

И как мало мы ценили такую великую Божию милость.

Будем смиреннее и мудрее. Усилим келейную молитву. Услышим друг друга. Сердца наши бьются в унисон. И как всегда, «единым сердцем, едиными устами» обратимся ко Господу и к любимому нашему святому, святителю Николаю Великорецкому.

Он никогда не оставлял нас. Не оставит и нынче. И Богохранимую нашу Вятку, и всю Россию.

Раб Божий Владимир Крупин»

Вот таким было моё слово, мой призыв быть смиреннее и мудрее.

Первого июня, буквально за день до начала хода, когда с одной стороны слышались

возгласы: «А мы всё равно пойдём!», а с другой стороны, от местных жителей, поступило заявление: «Встретим паломников закрытыми дверями», я вновь решился на вразумление:

«Братья и сестры, великорецкие паломники-крестоходцы! Особенно те горячие головы, которые заявляют: "А мы всё равно пойдём! А вот мы всегда ходили! А мы сильнее всех верим в Бога!" – и будут считать, что они такие смелые, нежели те, кто слушается пастырского благословения.

Милые мои, самочиние – это самая настоящая гордыня, мать грехов. Мы, православные, живём из послушания. В послушании наша сила, это главное качество души, путь ко смирению. Вы хотите спасти душу? Так что же вы такие бодливые овцы? Вам говорят: молитесь келейно, дома. Разве нет у вас икон в красном углу или нет акафиста святителю Николаю?

И в какое положение вы ставите наших пастырей, любимых батюшек, владыку? Они что, вам плохого желают?

Или они все эти годы не шли вместе с нами? Их не кусали комары? Их не на руках несли, и страдали они больше любого из нас. Давайте их пожалеем и поймём.

И успокойтесь, дорогие мои! У Бога дней много, ещё потопчем великорецкие дорожки, дадим им годок отдохнуть.

Но самое горькое для меня, вятского уроженца, – вот эти письма с нежеланием принимать у себя крестоходцев. Это поражает в самое сердце. Увы, многие годы ходил я на Великую и замечал, что в крестном ходе уже больше приехавших из других мест, нежели вятских. Что ж вы такие? И как рука поднималась ставить подпись? Это, простите меня, трусость и шкурничество. Вот оттого-то у нас не Богоспасаемая знаменитая Вятка, а обычный малоизвестный областной город Киров.

Вспомните настоящих вятских, которые, особенно в хрущёвские времена, спасали крестный ход. Они были бы рады пожить в наши времена, слушаться пастырей, ибо послушание – это и есть вера в Бога.

*С любовью, ветеран-крестоходец,
раб Божий Владимир Николаевич Крупин»*

Впрочем, я прекрасно понимал: несмотря ни на что, ни на какие коронавирусы и запреты, паломники всё равно пойдут на Великую... Так и случилось.

И тогда я написал ещё одно обращение, точнее, послесловие к Великорецкому крестному ходу, о котором мало известно:

«Братья-крестоходцы! Все дни Великорецкого крестного хода я мысленно, как уже много лет, и так, видимо, уже останется до окончания моего века, шёл с вами. Нынче много было и видео, и аудиоматериалов плюс постоянные разговоры по телефону.

Честно скажу, всё время испытывал чувство радости за вас и упрёки себе: чего ради я уговаривал вас не ходить на крестный ход? Я же знал, что вы всё равно пойдёте. Но писал свои обращения искренне и ничуть не раскисаюсь в написанном. Священноначалие, не благословляя паломников идти в этот год, брало на себя молитвы за них. Почему было не поверить настоящикам?

Кто главный в мире? Господь Бог. А на земле? Слуги его, священство. Но, видите, как получилось, что нынче священство было подмято госслужащими, а те – санитарными врачами. Объяснить последним про верховенство Высшей власти было просто некому, командовали они. Приказали – носим маски, указали – сидим дома.

О, как оживились, как возликовали в вирусное время безбожники всех мастей! Как походили они в нынешний год на большевиков и коммунистов, гнавших крестоходцев при советской власти. Очень многих я ещё застал: и легендарных Прокония Ивановича, и Маргаритушку – многих.

О крестном ходе написал я три повести: «Крестный ход», «Великорецкая купель» и «Неделя в раю». И отца Леонида помню ещё просто Леонидом Сафроновым. И наши разговоры со старухами на остановках. И их рассказы о гонениях. Но то гонение было явным, распоясанным: выслеживали, вытряхивали из заплечных мешочков на дорогу жалкие припасы, насильно сажали в кузова машин, увозили подальше и высаживали. Теперешнее демократическое гонение изоцирённое: оказывается, о нас забо-

тятся, о нашем здоровье. Как заботятся? Тем, что заставляют жителей не пускать ночевать, закрывают магазины, не обрабатывают дороги от клещей, загораживают лестницы к реке, закрывают купель?

Причём начальство не хуже меня знало, что люди всё равно пойдут. Значит, как они рассуждали: ну и идите, если не слушаетесь, идите, замерзайте, пусть вас клещи кусают, пусть вам есть будет нечего, и врачи вас не будут сопровождать, мы же о вас заботимся. Такое отношение запуганного начальства я даже мог и понять, хотя ничем не оправдываю. Но более всего меня до боли сердечной поразили письма жителей, которые отказывались принимать в свои дома паломников. Боятся заразы? Но есть же баня, дровяник, сарай, хлев, крыша какая-никакая. Они не паломников не пускали, они Христа не принимали. А в хрущёвские времена приютили бы обязательно. Наказывали за это, списывали трудодни, лишали 13-й зарплаты, переносили отпуск с лета на зиму, но шли же, но находили же приют.

И страшные слова приходится вымолвить: вера в Бога слабеет, Россия гибнет.

Но крестный ход шёл – Россия жива!

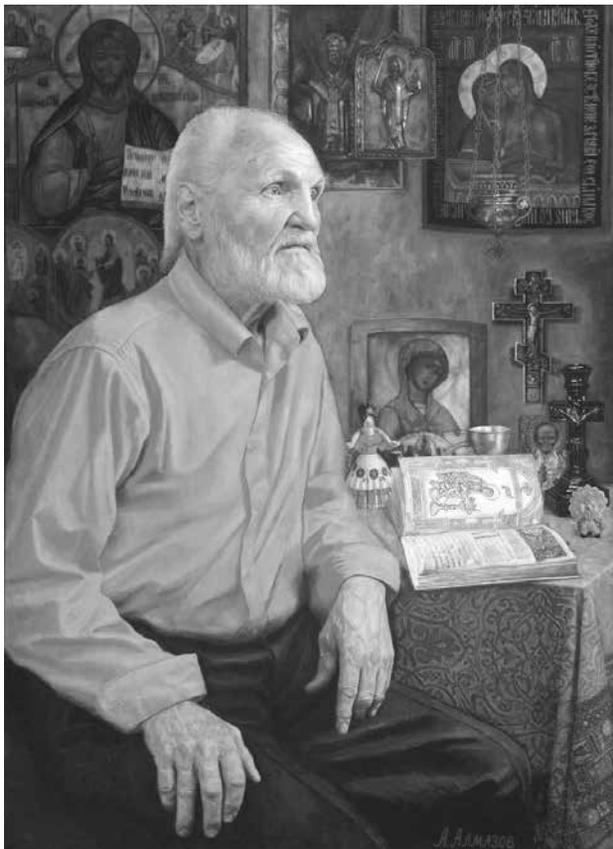
И в этих словах нет противоречия. Сердечно винюсь перед вами, братья мои и сёстры. Если кого в чём огорчил, простите. Очень благодарен вам. И за меня помолитесь, чтобы дал мне Господь сил на старости лет дожить до будущего июня и хоть как-то поучаствовать в крестном ходе.

И вместе помолимся за наших власть предержащих, сами они молиться не умеют, но ведь тоже люди. А в отношении священноначалия есть такое правило: нравится тебе священник – молись за него, не нравится – тем более молись, чтобы Господь его вразумил.

Последнее: всё-таки, придя на исповедь, покайтесь в самочинии. Думаю, батюшки поймут. И епитрахили покроют ваши головы.

С поклоном, раб Божий Владимир Крупин»

Вот здесь я всё сказал, добавить нечего.

? **В.Б.:** – Великорецкий крестный ход вы прошли памятью, воспоминанием, заочно. Но месяц спустя, в середине июля, случился уже очный крестный ход в Ярском районе Удмуртии – на исток реки Вятки, где был установлен Поклонный крест. Расскажите об этом памятном событии, Владимир Николаевич. Крест-то мы вместе устанавливали, но какая подготовка этому предшествовала? Как возникла самая идея установить этот крест?

В.К.: – Что предшествовало? Как было, так и скажу. Думаю, не у меня одного мысли о кресте на истоке были. Они у меня были всегда, но резко овладели мною после посещения истока Камы в Кезском районе. Залюбуешься! Камнем отделано, часовня, в перспективе купель. Конечно, им легче, там болота нет. Но чем же наша Вятка милая хуже? Обе они, сестрички, главные питательницы Волги, как их не отметить? А Вятка только и дождалась от людей языческих скульптур. Да

это и не в осуждение говорю: делали люди от души. Но не Баба же яга начальный родник создавала – Господь Бог его к нам вывел. Этот дар самое достойное чем отметить? Конечно, крестом! Тогда же и высказал нашу вятскую печаль владыке Виктору Глазовскому и Бalezинскому. И далее это его всецело заслуга. Звонят в мае: крест готов. Созванивались и с отцом Валерием Ярским, и с Романом Бalezинским. Чаше через нашего давнего знакомого, крестоходца Александра Чиркова, великого трудягу. Выбирали время. Тут всякие страхи из-за этого вируса. Но если сдвинуть на осень, там вообще не пройдёшь. Владыка благословил на 13 июля, день Святых апостолов. Дальше вы сами знаете. Меня и Сашу от Яра посадили на дрезину, на которой везли крест, и мы пешком не шли (жалели, видно, мою старость), а прикатили, как баре, к знаку «Исток Вятки», а оттуда уже со всеми шли по болоту, это километра полтора, самые трудные. Мне Саша нашёл сапоги, но иногда вода заливалась через голенища. Но всё прошло прекрасно. Как песню спели. И это согласное молитвенное пение: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» Поочерёдное братьев и сестёр, забываемо. Конечно, кусали комары, грызли паузы, но и это сейчас вспоминается с радостью. Ещё же каждый нёс камень для фундамента под крест. Помню мальчика, который тащил тяжёлый камень, но не бросил его. Ему, бедному, даже и комаров нечем было отогнать: руки заняты. И дотащил. И уселся у истока, весь искусанный, еле дыхание переводит, но такой счастливый! Вот наше будущее.

? **В.Б.:** – Помнится, об этом мальчишке вы даже короткий рассказ написали, памятную мне «коротышку». Думаю, не будете возражать, если мы его в наш разговор вставим?

В.К.: – Не буду, конечно.

МАЛЬЧИК И КАМЕНЬ

Мы устанавливали крест на истоке реки Вятки. Мужчины несли огромный крест, иконы и хоругви, а всех остальных батюшка просил

взять по камню, чтобы укрепить крест. Исток был на болоте.

И навсегда запомню мальчишку, который выбрал камень, даже по виду тяжёлый, и потащил. Пожалев его, я сказал: «Возьми камень полегче». – «Донесу», – ответил он.

И когда шли по болоту, а это долго и трудно, проваливались в воду, насекомые тучами жужжали и кусали, я иногда оглядывался и видел, что мальчику тяжело: у него же руки заняты, его тоже кусают, и не отгонишь этих кровососущих, а он идёт и идёт. И даже подпеваает молитвам.

Дошёл, миленький! Положил свой камень ко кресту, напился и умылся из истока реки своей родины. Сел на траву, глубоко дышал и радостно улыбался.

Этот мальчишка для меня – символ моей будущей России.

И символ, и пример. Он терпел жару, усталость, укусы насекомых, жажду, но шёл, нёс свой камень к подножию креста.

Будем подражать этому мальчику, понесём камни своих трудов ко Христу. Да, тяжело, да, много гнуса вокруг. Но всё равно же надо идти и дойти. И жажду утолим, и усталость пройдёт. А следы укусов – это награды...

❓ **В.Б.:** – Что поразило... На месте истока реки Вятки нас встретили языческие истуканы. И получалось, что Вятка берёт своё начало практически из-под юбки деревянной бабы. При этом над истоком ещё парила в ступе Баба-яга... Ну куда это годится? Кошунство какое-то!.. Естественно, этих истуканов мы убрали. Но потом слышал, что вас даже обвиняли: как это вы посмели тронуть эти изваяния? Мол, не вами поставлены, не вам и убирать. Это на самом деле так?

В.К.: – Видите, Виктор Семёнович, те, кто устанавливал фигуры, вовсе никакие не злодеи, не кошунники, они искренне думали, что это хорошо – персонажи мифологии. Я уже извинялся

пред ними, но стою на своём: мы поступили правильно. Исток Вятки – Божие достояние. А Бог для нас Иисус Христос. А Христос – это крест нашего спасения. И вспомните историю, святых Стефана Пермского, Трифона Вятского, уничтожавших идолов. Мы, кстати, фигуры эти не рубили, не сжигали, оставили в сторону. А скульптуры лесовичков, искусно сделанные, оставили стоять: они вышли из леса полюбоваться на исток... Да и потом, хорошо бы взяты были героические персонажи русских сказок, былин, удмуртского эпоса. А Баба-яга никак не рифмуется с Божьим даром – живой водой.

А с главной бабой, украшенной национальным узором, тоже проблема. Не из-под юбки вытекал исток, а из её широко разинутого рта. Зрелище более чем неприглядное. Да и её мы не тронули, аккуратно положили в сторонке. А разговоры уже и утикли.

❓ **В.Б.:** – Один из батюшек, который шёл вместе с нами к истоку Вятки, заметил после молебна: «Установка поклонного креста – хорошее и большое дело. Но всё же это не всё. Далеко не всё. Теперь мы не вправе забывать о нём. Надо ежегодно 13 июля приходить сюда с молитвой...» Как думаете, сложится ли такая традиция крестного хода к истоку реки Вятки?

В.К.: – Очень бы хотелось. Этот батюшка, отец Валерий из Ярской церкви, забыть о таком дне не даст. Я это понял, стоя с его прихожанами на благодарственном молебне по случаю установки креста. Единоустное пение, истовые поклоны, то, что называется «единым сердцем и устами», в приходе его очень высокое.

Да и нам дай Бог приезжать в этот день.

❓ **В.Б.:** – Великорецкий крестный ход... Крестный ход на исток реки Вятки... Как-то вы обмолвились, что русскому человеку, а уж тем более русскому писателю, непременно надо сходить в крестный ход, чтобы многое понять, почувствовать...

В.К.: – Да, так. Крестный ход – школа любви и молитвы, крестный ход – аккумулятор для зарядки нашей духовной и душевной энергии, крестный ход – дорога ко спасению.

Россия спасается крестными ходами – не мои слова, но с радостью их повторяю. Даже кратенький Пасхальный крестный ход вокруг храма необычайно впечатляет.

Да, а уж русскому писателю, поэту – это прививка от чёрствости сердца, ключ к познанию русского характера. Как без этого? Приятно заметить: Вятка – это пример участия пишущей братии в крестном ходе. Наша «гороховская бригада» сплошь почти писатели.

❓ **В.Б.:** – **Коронавирусная инфекция накладывает свои ограничения на общение, передвижение. А вы в последние месяцы и в Удмуртии побывали, и в Вятку съездили, и в Дагестан слетали. Не жалуете себя, Владимир Николаевич, не бережёте...**

В.К.: – Нет, я из себя не изображаю супермена, соблюдаю санитарные правила поведения. Но всегда знаю, что не они оберегут, а Господь не оставит. Об этой инфекции могу только сказать, что какая-то лихорадочная поспешность с этой вакциной против неё очень меня настораживает. Сразу видно, что прививка не очень-то добровольная. Начнут с силовых структур, а они и не пикнут. Потом за нас возьмутся...

А что касается поездок... Об Удмуртии мы поговорили. Теперь о Дагестане. Неужели я мог прожить жизнь и не побывать в Дагестане? Нет, это невозможно. Я только что с трапа самолёта. После южной жары вдыхаю московский холод, как хорошо! А в благодарной памяти солнечные дни гамзатовского праздника «Белые журавли». Лица людей, которые внимали выступлениям поэтов, съехавшихся отовсюду, как на ежегодный экзамен верности Поэзии. Стихи на разных языках в переводе на русский звучали. Русский, как никакой другой, избран свыше для выражения чувств и мыслей разноязычной нашей российской семьи. Странно даже видеть потуги деятелей во властных структурах объявить английский

языком общения в России. Английский – деловой язык, язык торговли, в нём Пушкина, Тютчева, Лермонтова нет, нет и Некрасова, и Есенина, души нашей в английском нет. Его просто мало для выражения вечных понятий любви и сострадания. И не только. В нём есть нечто захватническое: где он появляется, там колонизация, сырьевая база, где русский – там единение людей.

Распахнутый простор над родиной автора «Журавлей», над его могилой. Вот и занял дорогой наш поэт место в строю защитников мировой культуры. Не печалью веет от надгробных молитв, торжественностью и радостью оттого, что мы – современники – жили во время создания им оставленных нам произведений.

Помню освежающее впечатление от книги «Мой Дагестан». И не случайно перелагал её на русский язык поэт Владимир Солоухин. Расул Гамзатов уже тогда был знаменит, считалось за честь переводить его. Но выбрал он Солоухина. Они были синхронны сердцами в главном, в сьновней любви к родине. К тому времени были широко известны и знамениты солоухинские «Владимирские просёлки». Кто, как не он, почувствовал братскую любовь аварского собрата к рассветам и закатам этих суровых и прекрасных мест, к этим много перестрадавшим людям?

И вообще надо вот что заметить. Мы всё говорим о влиянии русской литературы на литературу народов и Советского Союза, и теперешней России. Но есть же влияние и литературы этих народов на русскую. Есть, и непременно. Расул Гамзатов здесь чёткое этому доказательство.

«Мой Дагестан» очень благотворно повлиял на всплеск обращения русских авторов к своим истокам. Напрямую или косвенно повлиял. Выстраивается такой ряд: «Лад» Василия Белова – изумительные очерки о культуре вологодской земли, распутинская «Сибирь-Сибирь», абрамовская «Трава-мурава», лихоносовская «Тоска-кручина», потанинские «Пристань» и «Над зыбкой», астафьевские «Затеси», личутинская «Русь неизъяснямая», екимовская «Пастушья звезда»... это только то, что сразу приходит в голову. Осмелюсь назвать и свою «Вятскую тетрадь». Это литература любви к родине. Именно такая письменность держит нравственный свод над Отечеством, не давая превращать его в территорию проживания, а помогая называть и

СЛОВО О КРЕСТЕ

Русский крест самый тяжёлый и самый лёгкий одновременно. Тяжело нам нести его на русскую Голгофу, но и легко: идём по пути, который проложил Иисус Христос. В Его следы ступаем.

В первые века христианства ни Нерон, ни Диоклетиан не могли искоренить поклонение кресту. Пытали христиан, сжигали, скармливали диким зверям. На смену каждому мученику приходили десятки, сотни уверовавших! Тогда иудеи пошли другим путём. Сделали масоретский перевод Библии, лишив её христологического начала: как можно было убрать ветхозаветного евангелиста пророка Исаяю? Братьев Маккавеев? Искалечить Псалтирь? Потом этот искажённый перевод переложили на латынь и получили Вульгату, по которой живёт западный мир. И от этого между нами не трещина, а пропасть. Ибо Писание без христологии – мёртвая вода. У нас, слава Тебе, Господи, христианское учение во всей полноте, живая вода, вера православная.

Тот, кто ходил в крестные ходы, знает: идёшь – ноги тяжелеют, давно ничего не ел, сейчас свалишься без сил или, того хуже, праздные разговоры заведёшь – и вдруг опомнишься, перекрестишься и начинаешь молиться! И не сразу, потихоньку, но обязательно обретаешь помощь.

Крестная сила, она и духовная, она и физическая. В какие бы ни попадал передраги, крест спасёт.

Русский крест – великое счастье. Счастливым тем, что я из православной семьи. Моя любимая мама, дай Бог ей вечного Царствия Небесного, Варвара Семёновна, шагу не ступала без Бога. Только и слышишь: «Слава Богу – коровку купили!», «Слава Богу – сена заготовили!», «Слава Богу, картошки накопили, даст Бог, перезимуем». И всегда напутствия в дорогу: «Идите со Христом! Живите с Богом». Эти материнские слова освещали всё моё детство и ушли со мною в дальнейшую жизнь.

Когда я рос, у нас в селе церкви уже не было, из неё к тому времени клуб сделали. Кладбищенскую церковь сожгли, а священника и дьякона сослали. Ближайший храм был за рекой в 60 км. Но дома всегда была икона. Для меня приход к Господу был естественен.

В армии, в сержантской школе, я был уже кандидат в члены партии, меня, ещё до присяги, отпустили в увольнение, чтобы встал на партийный учёт. Первое, что сделал, – побежал на Красную площадь в храм Василия Блаженного. Что-то же вело именно в Божий храм.

И всю жизнь прожил со крестом. А без него уже бы и не жил. То есть срок земной жизни мог и продлеваться, но без креста это была бы не жизнь, а растительное существование. И она всё равно бы была конечной. И пришла бы смерть во всей своей безотрадности и безобразности. А для идущих за Христом и со крестом смерти нет. На пасхальном богослужении всегда торжественно звучат пророческие слова:

«Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа?»

Чем дальше, тем тяжелее будет жизнь в России, ставшей одинокой в мире. Не о санкциях говорю, их легко перенести, о захвате душ мракобесием. Выдержим и это, зная, что зло будет поражено. Но чтобы поразить зло во всей его полноте, оно должно открыться до конца. Именно сейчас началось время окончательного его обнажения. Надо перетерпеть это время – вот и всё. А терпеть мы умеем, враги научи-

ли. Матронушка Московская говорила: «Что вы боитесь антихриста? Возьмёшь земельку и насытишься!»

Бояться нам нечего. Православный крест во спасение дан! Нести его, спастись им – это единственное счастье в этом мире? И единственная возможность так прожить земную жизнь, чтобы заработать вечную.

Залог этого – нательный крестик на груди. Он нас ведёт, мы идём за ним, за Христом!

О ДЕРЖАВНОЙ ИКОНЕ

100 лет назад была явлена державная икона Матери Божией. К этому юбилею необходимо построить или хотя бы заложить женский монастырь в Коломенском. Потому что когда Божия Матерь явилась Евдокии Адриановой из Перервы, Она сказала ей: «Найдите чёрную икону, сделайте красной и молитесь». А молитвы-то сейчас нет у этой иконы! Хотя именно Матерь Божия у нас в стране Царица и чудеса являет от державной иконы Своей. Немногие заметили, что Крым присоединился на день

памяти державной иконы Божией Матерью. 15 марта празднуем обретение образа, а первая-то литургия была совершена 16-го. В этот день Крым и вернулся в Россию.

Столетие Февральской революции будут праздновать либералы, демократы, западники, столетие Октябрьской – коммунисты (пойдут к трупу возлагать цветы), а нам надо возрадоваться столетию явления державной иконы. Мы не оставлены Божией Матерью!

Раб Божий Владимир КРУПИН

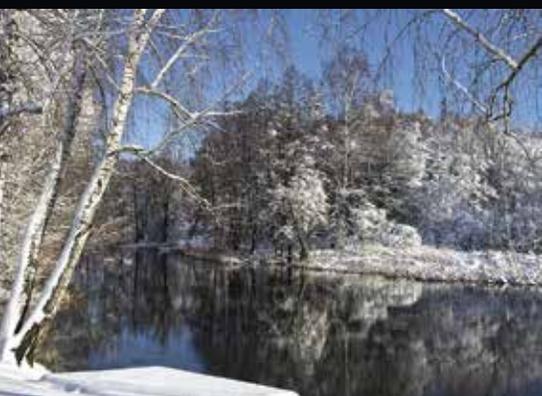

Фото Наталии Барановой

Корабли Ларисы Васильевой

23 ноября исполнилось бы 85 лет со дня рождения русской поэтессы Ларисы Васильевой.

Стремительно и смело войдя в русскую литературу, меняя литературные направления, она стала примером и учителем для писателей, пришедших за ней к творчеству.

В то же время Лариса не примыкала ни к каким группам писателей, в том числе не относилась к «шестидесятникам», объясняя этот термин как определённое направление в литературе. Настаивала, что была в стороне от литературных групп, никогда не ощущала себя кем-то в литературном процессе, но его в себе ощущала как данность.

Бессмертные литературные произведения, музей танка Т-34, более 20 поэтических сборников, участие в качестве главного редактора во многих литературных альманахах – это краткий список реализованных проектов. В юбилейный день хотелось бы отметить ещё один проект, успешно реализуемый в настоящее время, – литературно-исторический журнал «Александръ».

С горечью наблюдая образовавшуюся литературную пустыню, Лариса понимала, что некоторые денежные вливания не спасут литературные журналы и библиотеки. Лишь ненадолго продлят агонию. Заставить людей читать и подписываться на журналы невозможно. Спасти же литературные журналы может только решительная их перезагрузка, объединение всего необъединённого.

Целью данного объединения, по глубокому убеждению Ларисы Николаевны, является возвращение миру забытых событий, имён и фактов богатейшей русской литературы, «ныне засыпанных пеплом и заросших травой забвения». Исследование богатых залежей поэзии Серебряного века, воскрешение ярких имён репрессированных поэтов 20–30-х годов прошлого столетия, публи-

кация пронзительных стихов забытых сегодня поэтов-фронтовиков, возрождение памяти поэтов-шестидесятников и, конечно, современная литература – вот основная цель заботливых людей, способных целеустремлённо сотворить чудо возрождения имён, «людей реального, нетенденциозного осознания тенденций художественного процесса».

Чёткое убеждение Васильевой состояло в том, что многие поколения смогут найти для себя пронзительные откровения среди стихотворений забытых поэтов. Необходимо предоставить им такую возможность.

Ещё одну всерьёз не использованную возможность создать литературный журнал нового, современного типа Лариса Васильева видела в объединении творчества поэтов, прозаиков и авторов разных жанров литературы на основе их принадлежности к русскому языку. При этом не так много нужно, чтобы с помощью современных технических средств объединить страны, где есть творческие люди, которые говорят и пишут по-русски. А фестивальные, конкурсные и семинарские объединения способны будут, помогая друг другу, обрести силу и профессионализм в таком тонком деле, как литературное творчество, участвуя в литературном журнале новой формации.

У Ларисы Васильевой было не менее двух десятков вариантов названия журнала. Приняла же восторженно – «Александръ». Благословив начинание и задав вектор развития, Лариса Николаевна отмечала: «Я вряд ли буду иметь возможность осуществлять идею журнала. Если же он непредвзято возникнет, отдам свои наработки тем, кто поведёт этот корабль».

Память о Ларисе Васильевой в наших сердцах, а «корабли» бороздят просторы русской литературы.

Анатолий ТРУБА

Старейшему луганскому поэту Борису Жарову,
члену Союза писателей России – 90 лет!

Борис Павлович ЖАРОВ

Родился 10 ноября 1930 года в г. Попасная Луганской области, в шахтёрской семье. После окончания средней школы учился в техникуме физической культуры, затем в Луганском педагогическом институте. Более сорока пяти лет отдал руководящей спортивной и педагогической работе. Отличник народного образования Украины. Стихи пишет со школьных лет, печатался в армейской печати, во многих газетах и журналах России и Украины, коллективных сборниках. Член Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России. Лауреат Всесоюзного фестиваля «Салют Победы» (1985), лауреат литературных премий имени Владимира Даля и имени Бориса Гринченко. Автор ряда поэтических сборников. Живёт в г. Луганске Луганской Народной Республики.

МЫ ИЗ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ...

ЗА ВСЁ В ОТВЕТЕ

Нет в мире важней
и прекрасней профессии,
Нет мер, чтоб мы тяжесть
труда её взвесили.
Избравшим её – и признание,
и честь,
Сердец благодарных вовеки
не счесть!
За всё, сколько создано
в мире прекрасного,
За всё, сколько в мире
свершилось ужасного,
Что было, что есть и что будет
на свете –
За всё ты, учитель, в ответе!

Так будь же ты дерзок
в своих начинаньях
И будь терпелив
в бесконечных исканьях.
Будь добрым, будь строгим,
уча, сам учись.
И станут прекрасными
люди и жизнь.

УЧИТЕЛЬ

Тебя по праву чтут,
Приветить всюду рады.
Гордись!
И верность долгу не нарушь.
Тебе народ уже вручил награды,
Доверив миллионы детских душ.
И ты, как скульптор,
В муках и сомненьях,
Твори шедевры весь свой славный век!
Твори и знай,
Твои произведения
Важнее всех на свете –
ЧЕЛОВЕК!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Я из без вести пропавших
На войне в чужом краю.
Не отмечен среди павших
В том отчаянном бою.

На заре, ещё живого,
Завалил землёй снаряд.
Из состава рядового
Исключил меня комбат.

Надо мной прошла пехота,
Танки грозные прошли,
Пронесли в санбат кого-то,
А меня вот не нашли...

Нет меня среди погибших,
Нет меня среди живых.
Так о нас, пропавших, пишут
В донесеньях фронтовых.

На листок, войной пропахший,
Слёз немало пролилось...
«Сын Ваш... без вести пропавший...»
Остальное всё слилось...

Мать-вдова до самой смерти
Вся надеждой извелась:
От сынка ждала конвертик,
Да, увы, не дождалась.

В том родном краю былинном,
Где любовь меня ждала,
Та заветная калина
Уж в который раз цвела.

Фронтовые километры
Утаили мой приют.
Надо мной чужие ветры
Не по-нашему поют.

У подножья обелиска
Пламень вечного огня...
Окажись к нему я близко,
Вдруг согрел бы он меня.

НЕИЗВЕСТНЫМ СОЛДАТАМ

Ни креста, ни надгробья в округе,
Ни фамилий, ни званий, ни дат...
Цепенеет, когда из-под плуга
Обнажатся останки солдат.
Сколько их по окопам, траншеям
В неизвестность ушло навсегда
По дорогам от Волги до Штпрее,
О себе не оставив следа.
Ветеранов и юных героев,
Не встречавших с любимой рассвет...

Нет и тех, кто землю сырую
Их прикрыл под огнём без примет.
Как ни горько, уж нет и державы,
За которую жизнь отдана...
Только память не хочет быть ржавой –
Не осколок, не гильза она.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

Научный подвиг вечного значенья!
Цена ему не орден, не медаль.
Источник всенародного сплоченья
Державе подарил Владимир Даль.

Этнограф, лексикограф и писатель,
Поэт и славный флотский офицер,
Учёный, медик, и всё это, кстати,
В одном лице! Достоинейший пример!

«Казак Луганский», гражданин России,
Родной народ, родную речь любя,
Он, патриот, поверил в свои силы,
Отдавши славной миссии себя.

Венец его трудов – «Словарь толковый»,
Язык ты русский светом озарил.
Он огранил для новой жизни слово,
Как ювелир, и в путь благословил.

Как археолог, слой найдя культурный,
Проник с любовью до его корней.
И русичей язык литературный
Стал ещё краше, чище и родней.

Великий Пушкин – друг его опальный –
На смертном ложе раною зиял.
И в этот час, для всех славян печальный,
У изголовья лекарь Даль стоял.

Пройдут столетья, канут в Лету годы,
Откроет мир сияющую даль...
А в сердце благодарного народа
Навеки будет жив Владимир Даль!

ТРЕНЕРЫ

Нас не так уж и много,
И сомнения нет
В том, что тренер от Бога
Как художник, поэт.
Нам важны для работы
Одержимость, талант,
Чтоб меж капелек пота
Засверкал бриллиант.
Пьедесталы, медали,
Тот неистовый взлёт,
Что смогли – всё отдали,
Измотались, и вот:
В заключительном круге
Угасает кураж.
Семенит друг за другом
В тот последний вираж.
Ну а вот и прямая...
Где же спурт? Где рывок?
Ковыляем хромя
Под всеобщий зевок.
То ль уставшие нервы,
То ль дыханье не то,
То ль на «финише» первым
Быть не хочет никто?
Всё ж горды мы под солнцем,
Наблюдая борьбу,
Когда нашу питомцы
Повторяют судьбу.

НЕ ЗАБУДЕШЬ ТЫ!

Ветерки ласкают седину курганов.
Высоко над степью жаворонка звон.
И встают картины грозных ураганов,
И стучат подковы по вискам времён.

Нет, не может память позабыть то время,
Зарева пожарищ, диких банд разгул.
Новая эпоха ставит ногу в стремя.
На фронтах Гражданской орудийный гул.

Закружилась земля в вихре лютой погони,
И багровый закат рассекали клинки.
И не каждый увидел, как красные кони
Пили красную воду из красной реки.

Здесь на крыльях мчались красные
тачанки, –
Ни снега, ни ливни их не смоют след.
И белеют в поле ветхие останки,
Где металась грива в кумачах побед!

Пусть пройдут столетья, поутихнут войны.
На других планетах зацветут цветы.
Станет мир счастливым, добрым и
спокойным,
Но лихое время не забудешь ты!

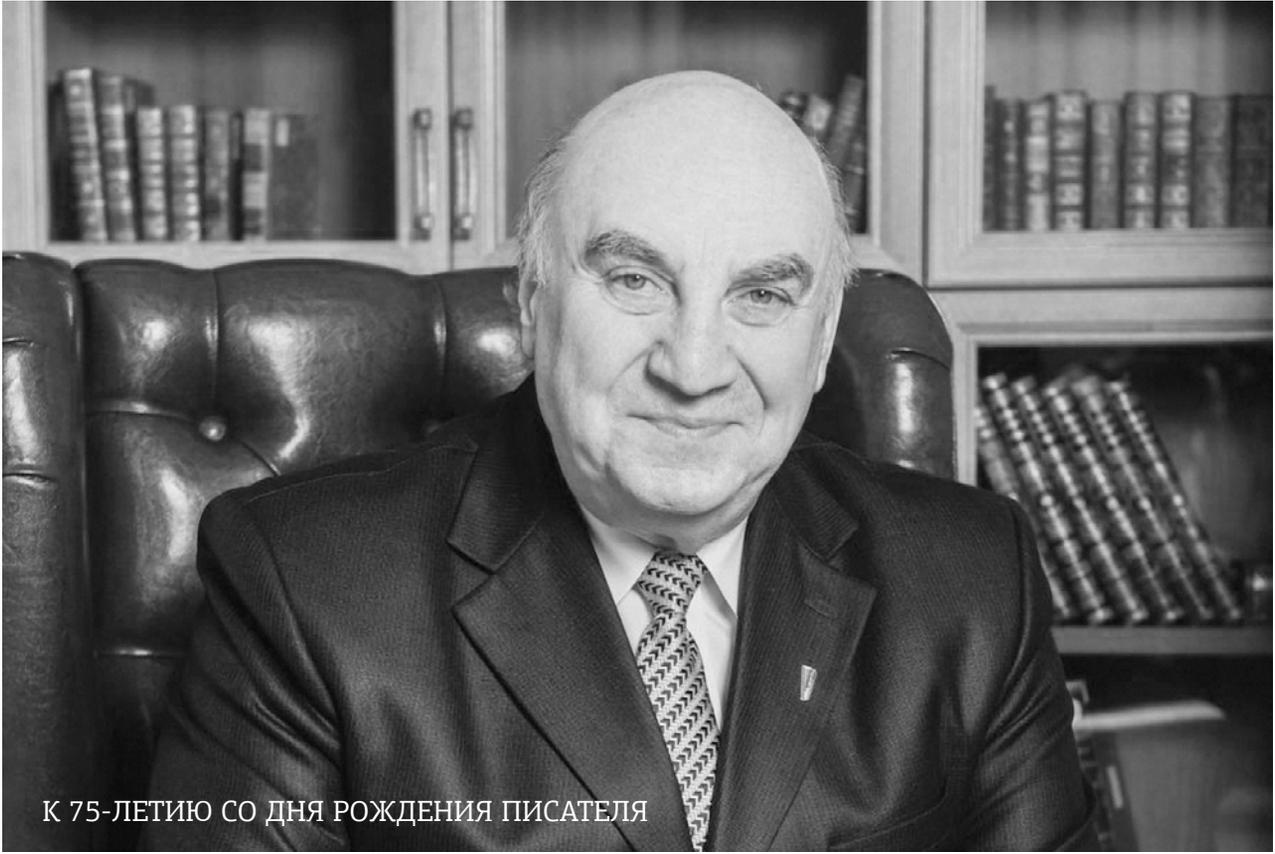
Как кружилась земля в вихре лютой погони
И багровый закат рассекали клинки,
И не каждый увидел, как красные кони
Пили красную воду из красной реки.

ПАМЯТЬ

На курганах седых
Часовыми стоят обелиски,
И печальные стелы
Венчают красу площадей.
Для сердец молодых
Здесь бывшее становится близким.
Благодарным теплом
Наполняются души людей.

Всё, что отдали вы,
Всё, что вы в грозный час испытали, –
Ни гранит и ни бронза
О том не расскажут сполна.
У героев живых
На груди ордена и медали,
А погибших в боях
Под курганы укрыла война.

Бухенвальдский набат,
Не смолкая, звучит так же громко,
И плывут над планетой
Унёсшие души дымы.
На века будет свят
В доброй памяти ваших потомков
Победитель-солдат,
Спасший мир
От фашистской чумы.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

МОЗАИКА ЛЕТ ВАЛЕРИЯ АРШАНСКОГО

Тамбовская земля притягательна. Сколько людей, родившихся в других областях, приезжают сюда, думая, что на временное жительство, а остаются навсегда.

Так случилось и с Валерием Семёновичем Аршанским. Он родился 25 декабря 1945 года в городе Магнитогорске Челябинской области. Окончив школу и строительный техникум на Украине, в областном городе Сумы, он был призван в армию в наши края – в Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Марины Расковой. А отслужив положенные три года, здесь и «бросил якорь».

Кстати, первые пробы пера у него относятся как раз ко времени армейской службы. Уже

тогда в окружной газете МВО «Красный воин», в заметках и информациях молодого корреспондента чувствовалось умение определить тему и заинтересовать ею читателя.

Обосновавшись с семьёй в Мичуринске, Валерий Семёнович шесть лет работал на строительстве магистральных газо- и нефтепроводов, заочно учился на факультете журналистики Воронежского государственного университета. С 1973 года он – в штате городской газеты «Мичуринская правда»: вначале корреспондентом, затем завотделом, заместителем редактора. Его журналистская деятельность не ограничивалась страницами только своего издания. Он охотно печатался в областной «Тамбовской правде»,

его очерки и публицистические статьи получали многочисленные отклики читателей; это во многом способствовало тому, что Аршанского пригласили в областную газету собственным корреспондентом.

Нельзя было не заметить и организаторские способности журналиста, которые особенно проявились тогда, когда он начал работать главным редактором «Мичуринской правды». Эта газета всегда была на хорошем счету, а при Валерии Аршанском вошла в число лучших городских газет страны, о чём свидетельствуют многочисленные грамоты и дипломы за победы в престижных конкурсах журналистского мастерства. Сам Валерий Аршанский за серию очерков о людях труда стал в 1981 году лауреатом премии имени первого редактора газеты «Тамбовская правда» Ивана Андреевича Гаврилова, а затем удостоился и высших журналистских наград – премии СЖ России и почётного знака «За заслуги перед профессиональным сообществом».

Будучи признанным журналистом, Валерий Семёнович утверждал себя и как писатель. Всё чаще в периодике, а там уже и в известном литературно-художественном журнале «Подъём» (Воронеж), наряду с публицистикой появляются его художественные произведения. В 1984 году в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве увидела свет его первая книга – «Дипломная практика», в 1991-м вторая – «Фольклорная экспедиция». Знаменательным для Аршанского оказался 1999 год: в Тамбове вышла очередная книга прозы «Встреча», и молодого литератора приняли в Союз писателей России. Членский билет вручал ему в то время декан Литературного института, замечательный поэт Валентин Васильевич Сорокин.

Каждая новая книга Валерия Семёновича встречается читателями и критикой не просто с большим интересом. Она вызывает желание немедленно откликнуться на прочитанное, потому что в произведениях Аршанского много такого, что близко и дорого каждому равнодушному человеку, каким является сам автор. Кажется, он ничего не выдумывает, а просто рассказывает о том, что пережил сам, его друзья, родные и близкие. Многим знакомо выражение: «Каждый автор

имеет право на вымысел». Есть он в повестях и рассказах Аршанского, и тем не менее, читая их, веришь всему, что написано. Наверное, потому, что все события прошли через сердце писателя, а значит, и читателя они не могут не зацепить, не взволновать.

Особенность повестей Валерия Аршанского ещё и в том, что он, рассказывая о том или ином жизненном событии взрослого героя, часто отправляет его в детство, заставляя вспоминать давно ушедшее, еле видимое сквозь толщу прошедших лет, но всё-таки видимое. И воспоминания героя, а это чаще всего сам автор, раскрывают его образ полнее и художественнее, да и само произведение становится объёмнее.

Такова повесть «Фольклорная экспедиция». В самом начале её герой, от лица которого ведётся повествование, едущий в последнем вагоне поезда, услышав название очередной станции, вспоминает, как именно здесь много-много лет назад он, ребёнок, стоял на перроне с отцом, провожавшим его в деревню, к бабушке с дедушкой. Это были первые послевоенные годы, когда на железнодорожных станциях можно было встретить немало фронтовиков, возвращавшихся домой. Здесь-то и произошла случайная, на первый взгляд, встреча, оставившая след в душе ребёнка:

«Вот не помню я только одного: с какой стороны появился вдруг перед нами молодой, высокий солдат в распахнутой шинели без погон, со сбитой набок пилоткой...»

Весёлый солдат балагурит, рассказывает смешные байки, люди улыбаются; потом он вспоминает о недавней войне, и люди сразу серьёзнеют, хмурятся... Поезд долго стоял на станции, и много ещё успел рассказать фронтовик – то серьёзно, то с шуточками. Но вот состав на соседнем пути приготовился к отправлению, и солдат побежал к своему вагону.

«Бежал он смешно, не по-военному, и даже не так, как обычно бегают мужчины, а по-утиному, переваливаясь с боку на бок, и не в такт взмахивал руками. Я прыснул в рукав, затормозил отца: "Смотри, пап, чего это он катится, как каракатица?"

Отец с негодованием посмотрел на меня, собираясь одёрнуть. Но его опередил старичок,

всем видом своим напоминавший учителя: "Не надо так, мальчик! Солдат-то без ног, на протезах". Как? Где? Да вы что? Неужели? – заволновались и загалдели, вытягивая шеи, не только я, а и другие, ошарашенные этой новостью пассажиры. А солдат тем временем, благополучно поймав поручни своего вагона, привычно втискивался на тамбурную площадку. Поравнявшись по ходу с нашим перроном, он прокричал на прощание что-то весёлое, бесшабашное. И скрылся из виду, чтобы никогда больше не встретиться, но прочно застрял в моей памяти...»

Это и многие другие воспоминания, которые мы читаем по ходу основного повествования, заставляют нас ещё и ещё раз задуматься о судьбах людей военного поколения, испытать чувство горечи от многочисленных потерь и чувство гордости за страну, богатую такими героями, как встретившийся на станции солдат...

Основной сюжет «Фольклорной экспедиции» достаточно прост: студенты едут собирать по деревням и сёлам старинные песни, встречаются с людьми разных поколений и настроений. Постепенно повествование обрастает событиями, разворачивающимися перед нами то небольшие эпизоды, то объёмные картины из жизни отдельного человека, местности, где он живёт. И из всего этого складывается история Родины, любовь к которой, большой и могучей, начинается, как известно, с любви к родине малой, к той местности, где ты родился, где твои корни. Не случайно Валерий Аршанский взял эпиграфом к повести слова писателя Василия Пескова: «Человеку нужно знать свои корни – отдельному человеку, семье, народу, – тогда и воздух, которым мы дышим, будет целебен и вкусен, дорожке будет взрастившая нас земля и легче будет почувствовать назначение и смысл человеческой жизни...»

По мере того как участники фольклорной экспедиции собирают нужный им материал, разговаривают с людьми, вырисовываются характеры каждого из них. Студенты заметно серьёзнее, взрослеют; пожилые люди, беседуя с ними, молодеют. И, может, не во всём и не всегда они понимают друг друга, но резкого конфликта «отцов и детей» всё же нет. Приходу городских гостей хозяйки не удивляются, а радуются, делятся с ними

своими проблемами: «Нам бы корреспондента сюда, пусть бы написал о сельских бедах: огурцов нынче уродило – страсть господняя, а кооператоры и заготовители эти, из заготовконторы, носа к нам не кажут. Мы б уж за бесценнок огурец отдали, только возьмите. Кому их тут сбывать-то, пороссятам? А в городе, небось, за такую зелень в драку...»

Колоритны в повести женские образы – Зинаиды Павловны и Елизаветы Григорьевны. Они, ничуть не смущаясь включённого магнитофона, поют песни, спросив предварительно: «Так какую петь-то, старинную совсем аль поновее?» И звучит песня, которую пели ещё их бабушки:

*На этом поле огонёчек,
Там тихо, плавно дым клубит.
На этом поле одинокий
Покрытый раненый лежит.
Его изрубленные латы,
Пустой колчан его открыт...*

Автор даёт нам возможность насладиться и особенным, колоритным языком сельских жителей. Уже проводив студентов, пожилая хозяйка вспомнила, что не дала им с собой огурцов, кричит, чтоб вернулись: «Дочкья, милая, огурцы-то вы забыли! А как же без сумок-то? Ну, пойдём, я тебе сеточку свою дам...»

Неизменное гостеприимство русского человека, особенно свойственное сельчанину, встречает участников фольклорной экспедиции во все дни их путешествия от подворья к подворью. И привезут они в свой институт не только собранные песни, а нечто большее. На обратном пути, в поезде, студент Толя Кошелев декламирует симоновские строки: «Словно смотришь в бинокль перевернутый, / Всё, что сзади осталось, уменьшено...»

«Нет, – подводит итог экспедиции и всему повествованию автор, – не всё, дорогой Толик, с чем мы прощаемся, уменьшается и сокращается в памяти. Много, как раз вопреки отдаляющемуся расстоянию, становится ещё более выпуклым и более величественным. А опадает, сникает, исчезает и растворяется мелочь, чепуха, всё несущественное, что и не требует запоминания.

А подлинное – помнится. Одним – на годы, другим – навсегда...»

Нельзя не отметить и ещё одну, далеко не второстепенную тему повестей и рассказов Валерия Аршанского – детскую, она даёт возможность ярче высветить проблемы, которые надо решать взрослым. Дети нередко встречаются на страницах произведений писателя, не являясь их главными героями. А рассказ «Странный мальчик» – непосредственно о ребёнке; «странность» его в том, что он находится в «вечном сонном оцепенении». Его привезли отдохнуть в деревню к родственникам из Мурманска.

«Он не знает, что такое смородина. Не знает, как растут огурцы. Не отличает сливу от вишни...» И автору жаль этого северного ребёнка, через великую силу, почти с отвращением евшего крошку и пившего компот, потому что он привык к консервам, импортным бананам и киви, к баночному мультифруктовому соку... Мысленно мальчишка уже в поезде, в уютном вагоне, где всё пластиковое, возвращающее его в родной заснеженный город.

«Там матово отсвечивающие в керамическом кувшине на столике строгие листья искусственных восковых цветов – не чета природным дачно-садовым астрам и георгинам, окружающим в селе тропы и тропиночки. В вагоне полоски света люминесцентных ламп, не сжигающие и не опаляющие, как в деревне безжалостные лучи вечно обозлённого на род людской Ярилы. Что это за радость тут у них такая – солнце, атомная печь, греющая с высоты небес сады, поля, огороды, и всё равно остающееся божеством, идолом для поклонения, людям с Большой земли, с материка? Там, у нас, жизнь! Шпроты, лосось, тунец в баночках-консервах, которые повезут, к радости пассажиров, на тележках по вагонным коридорам тёти из ресторана. А тут?»

Мальчик настолько одинок, что жалость к нему, пробудившаяся у читателя, сменяется мыслью: а ведь это – трагедия! Чтобы ребёнок, приехавший с Севера, не радовался солнцу, цветущему саду, огороду с обилием овощей?! «Странный» мальчик не радуется: он привык ко всему искусственному. И невольно думаешь: не заполнит ли это искусственное всю нашу жизнь?

Читая этот рассказ Валерия Аршанского, вспоминаешь другой рассказ – «Дудочка». Его

герой – Славик, каждое утро бегущий на остановку автобуса, чтобы занять кресло кондуктора и вместо водителя объявлять остановки, предварительно подудев в свою дудочку. Можно понять, что Славик – это мальчик: его мысли и поступки именно детские. Но оказывается, это сорокалетний мужчина, умственное развитие которого осталось на детском уровне. Он добр, всем старушкам помогает в своём послевоенном дворе: кому дрова нарубить, кому в аптеку или в магазин сходить. Его не обижают, приветают, любят. Он всегда накормлен сердобольными соседками, платившими обедами Славику за его работу, и по-своему счастлив: он убеждён, что делает необходимое дело, что без него на городских остановках транспорта не будет такого порядка, какой создаёт он при помощи своей дудочки. И от сознания своей нужности не только соседям, но всем людям вообще Славик даже забывает об одиночестве, которое тяготит его только ночью, когда ему так не хватает мамы, умершей несколько лет назад. Он слышит её голос: «Спи, сынок, спи, родной мой, горюшко ты моё счастливое...»

А утром он уже не вспоминает этот голос. «Да и какие тут могут быть воспоминания, когда нужно спешить, нужно торопиться. Ведь все предприятия города ждут людей, а троллейбусы и автобусы забрать сразу всех пассажиров не в состоянии. И ему нужно сейчас быстрее лететь, помогать, чем только можно, что только зависит от Славика».

Автор заканчивает рассказ «Дудочка» словами, в которых тревога и боль: «...Что ни год, всё больше болит у меня душа за этого беззащитного взрослого мальчика Славика. Храни его Господь!»

Душа писателя болит и за странного мальчика Женю, который одинок среди людей, среди природы. И кто знает, кто из них счастливее – Славик или Женя?..

С приобретением жизненного и литературного опыта произведения Валерия Аршанского становятся ещё глубже, их художественный уровень – всё выше. В 2003 году в Тамбове вышла его книга «Горькая трава марор», состоящая из ранее опубликованных повестей и рассказов и новых. В 2005 году издан солидный том «Мозаика лет»: архивы, дневники, рассказы, очерки, эпизоды. Именно так определил жанр книги сам автор.

Действительно, в ней представлены и художественные произведения писателя, и его воспоминания о встречах с артистами и политическими деятелями, и автобиографические эпизоды, проиллюстрированные сюжетными фотоснимками.

2008 год стал знаменательным для писателя выходом книги «Дети века». Почему знаменательным? Да потому, что именно это издание номинировалось в 2009 году на Бунинскую премию и было включено в число 60 лучших книг, изданных в России...

Книги Валерия Семёновича настолько разнотемны, что невольно возникает вопрос: один ли человек написал их? Положительный ответ дают особенности: язык автора и его героев, публицистичность произведений, не только не снижающая их художественный уровень, а наоборот, подчёркивающая его высоту и высвечивающая гражданскую позицию писателя.

В 2010 году вышли сразу две книги Валерия Аршанского – «Часовой пояс» и «Исповедь Козе-рога». В них – так же как и в предыдущих – чувствуется боль автора за происходящие события. Он предан родной Отчизне, стремится сделать всё, чтобы, как говорится в предисловии к книге, «наша горьковатая действительность была лучше, чище, краше».

Презентации книг Валерия Аршанского проходят, как правило, в библиотеках. Вот и «Девятый вал», и «Бремя Атланта» были представлены на встрече в Центральной городской библиотеке Мичуринска. Читатели называли автора «тонким знатоком психологии человека», отмечали умение «зацепить» внимание и не отпустить его до конца повествования. Что может быть для писателя дороже таких отзывов?

Не остаются незамеченными и не проходят мимо внимания читателей и другие книги Валерия Семёновича Аршанского, вышедшие в последние годы, в том числе и «Гражданский проспект», и «Беловик и черновик». Они включают в себя повести, рассказы, эссе, дневниковые записи и заметки последних лет. Валерий Семёнович тепло вспоминает о встречах с прекрасными писателями – Евгением Евтушенко, Ларисой Васильевой, Юрием Казаковым. С интересом читаются

повести и рассказы, связанные с пребыванием автора в США и Германии, знакомством с великими: виолончелистом Ростиславом Ростроповичем, музыковедом Святославом Бэлзой, художником Михаилом Шемякиным, скульптором Эрнстом Неизвестным и писательницей Бэллой Кауфман. О памятных встречах с каждым из них Валерий Аршанский рассказал в своей новой книге «Беловик и черновик» (Тамбов, 2020).

Юбилейный год для Валерия Семёновича Аршанского ознаменован не только выходом новых книг, но и присвоением ему звания почётного гражданина Тамбовской области. В одном из интервью на вопрос, что он почувствовал, когда узнал о высокой и заслуженной награде, писатель ответил:

«Я был огорошен этой новостью. Это как новый костюм в подарок, к которому надо ещё долго привыкать. Французы говорят, дело не в награде, главное, чтобы ты её был достоин. Вопрос о том, достоин я или нет такого звания, решили 46 депутатов Тамбовской областной Думы. Выдвинул мою кандидатуру Издательский дом "Мичуринск", заручившийся поддержкой многих солидных организаций. Это и московские газеты, и воронежский журнал "Подъём", и областная Общественная палата, где я вот уже второй срок избираюсь в качестве председателя комиссии по информационной политике и свободе слова в СМИ, региональная писательская организация, областной Совет ветеранов, Центральная городская библиотека и наш муниципалитет в лице главы города Максима Харникова. То есть восемь очень авторитетных организаций поддержали мою кандидатуру.

В целом считаю, что эта награда присуждена не только мне, но и всей тамбовской журналистике и литературе. Потому что, точно так же, как младенец сначала не может ходить без помощи взрослых, так и писателями сами по себе не становятся. Ему обязательно нужны в жизни люди, которые будут его поддерживать. Такими людьми для меня стали замечательные журналисты и писатели тамбовской земли...»

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Александр ОРЛОВ

Родился в 1975 году в Москве. Поэт, прозаик, историк. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор пяти стихотворных книг: «Московский кочевник» (2012), «Белоснежная пряжа» (2014), «Время вербы» (2015), «Разнозимье» (2017), «Епифань» (2018), сборника малой прозы «Кравотынь» (2015), книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси» (2015) и книги о роде священномученика Константина Переславского (Снятиновского) «Во власти Бога». Публиковался в широком круге изданий: «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Наши современники», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность» и др. Лауреат всероссийских конкурсов имени А. П. Платонова (2011), имени Ф. Н. Глинки (2012), имени С. С. Бехтеева (2014), имени Н. С. Лескова (2019), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2017 и 2019), обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017). Лауреат открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). Живёт в Москве.

* * *

Фёдору Николаевичу Глинке

Мощны, дремучи, непрерывны,
Господствуют вокруг леса.
Ветра им складывают гимны,
В них слёзы прячут небеса.

Луна и солнце в карауле
При столкновении эпох
Туманы сонные раздули,
Храня всё то, что создал Бог.

И мрак просторами низвергнут,
И над неравенством чащоб
Кружит апостол воли – беркут,
Знаток славянских древних троп.

И дух Смоленщины пасхален,
И время в просеки вросло,
И в просвещённости прогалин
Взмолился холод на тепло.

* * *

Александр Трифоновичу Твардовскому

Я без вести не пропадал под Ржевом,
Не замерзал в мончаловских лесах,
Не побывал на правом и на левом
Омытых кровью волжских берегах.

И не курил в окопах самокрутки,
Не пил из фляги перед боем спирт,
Не отпускал мне Вася Тёркин шутки,
Но смерти мне знаком холодный флирт.

И жизнь моя не сказка, не халява.
Кто скажет мне, что я себя берёт?
Нас всех с годами встретит переправа,
Я для неё давно не новичок.

И в миг, когда начнётся перевозка
И лестницей вдруг станут облака,
Меня поманит из-за солнца тёзка,
Признавший в моём сердце земляка.

* * *

Николаю Ивановичу Рыленкову

От московской незваной гордыни
Становлюсь я нередко свиреп
И спешу на тот берег Смядыни,
Где заколот был юноша Глеб,

Где молитве, как старенькой няне,
Каждый пришлый подвластен вовек,
Где защиту находят смоляне
В теплоте страсготерпца опеки,

Где в года мировых пятилеток,
Неподвластный безбожным властям,

Проезжал мой расстрелянный предок
По дорогам из кочек и ям,

Где округа извечно смолиста,
Где все жили во имя труда,
Где встречали с войны гармониста
Божий крест и победы звезда.

* * *

Мне продали щекастые смолянки,
Стоящие под проливным дождём,
Ржаные, ещё тёплые буханки –
И хмурый вечер показался днём.

Они как две изюмовые сдобы,
И каждая глазами так прижмёт,
Что кажутся родней мне хлебобобы
И чудится мне сватом тестовод.

Я видел, как работают все живо –
Поют, смеются, рассуждают вслух,
В их душах – поспевающая нива,
Прародина плетёнок и краюх.

Они ещё доленинской закваски,
И прячут их помазанные лбы
Пословицы, поверья, песни, сказки,
Коленопреклоненные мольбы.

ДОРОГОБУЖ

*Александру Сергеевичу Орлову
и Сергею Васильевичу Серкову*

Со дна июньских тёплых луж
Тянуло мёдом, льном и кожей,
И вечер, вежливый прохожий,
Нас пригласил в Дорогобуж,

Где дождь, задумчив и покоен,
Кропил торговые ряды,
И большегрузные следы,
И дух усопших маслобоен,

Полки канатной конопля
И залежи пластичной глины,
Мещанских домиков руины
И плинфы кривичей в пыли,

И колченогих стариков
У перекошенной ограды,
Их опалённые награды
За Ржев, Смоленск и Могилёв.

Дождь лил, слоняясь по дворам,
Передохнул в тиши сарая,
Кусты и грядки освежая,
Ушёл к блестящим куполам,

Где жизнь доверчива, мудра,
Щедра, смиренна и упряма,
Сокрыта от Москвы и гама,
Где дремлет солнце возле храма
Петра и Павла,
Павла и Петра.

ГАГАРИН

Вчера я был проездом в Гжатске.
Что мне тебе, друг, рассказать?
Меня там встретили по-братски
Дома, погода, люди, Гжать.

Там помнят всё о космонавте,
О горе, немцах, о войне.
Там жизнь как жизнь, меня отправьте
Туда ещё раз в летнем сне.

Мне будет день людской подарен,
И в полдень встанут все часы.
И солнце сам Юрий Гагарин
Улыбкой скроет от грозы.

И, уезжая, напоследок
Я со слезой стопарь махну,
И водки вкус так будет едок,
Как взгляд ушедших на войну.

ВИСЕЛЬНИК

Василию Михайловичу Серкову

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шёл с оглядкой в Новоспасское:
Хотел увидеть сына, дочь...

За ним леса, поля ржаные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придёт он скоро к Евдокии –
Вот изгородь, вот край избы.

Её он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата –
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошёл его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

Наутро к месту подлой казни
Он шёл по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

* * *

Не жил я в эпоху носильных коммун,
В курганах не взрыл артефакта,
Но слышал, как сладко поёт гамаюн
В чащобах Смоленского тракта.

И, в пенье дремотном красив и блажен,
Явился мне край вечной смоли,
Где люди не терпят плаксивых измен
И лечат в молитвах мозоли,

Где с детства мой дед выходил на покос,
Отца ждал у графского сада
И первой щетиной в отряде оброс,
Смывая кровь немцев с приклада.

Откуда ушёл он, ничто не забыв,
Ушёл навсегда поневоле,
Скрывая на сердце щемящий нарыв
С подсушенным привкусом соли.

КАНОНИЦА

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряжи в платок.
Что тебе снится, родная каноница?
Где твой избранник израненный слёг?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой орудийный затих?
Где же погиб твой весёлый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея,
Ты – словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты приходящих молитвенный тыл.
Вечер пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

Андрей НОВИКОВ

Родился в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области.

Первая серьёзная публикация состоялась в журнале «Подъём» в 1984 году. Стихи публиковались в газетах: «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Слово», «Литературный Крым»; в журналах: «Студенческий меридиан», «Литературная учёба», «Дружба», «Сибирские огни», «Сура», «Симбирскъ», «Южное сияние», «Крым», «Литературная Киргизия», «Петровский мост», «Зинзивер», «Российский колокол», «Подъём», «Метаморфозы»; в альманахах: «Паровозъ», «Истоки», «Поэзия», «День поэзии», «Академия поэзии», «Московский Парнас», «Тверской бульвар, 25». Автор пяти книг. Председатель Липецкого регионального отделения Союза писателей России, секретарь СПР.

ЦВЕТОК ЗЕЛЁНЫЙ

Жизнь устаёт печали мерить
И толковать приметы в путь,
Туда, где створчатые двери
Успеют времена сомкнуть.
Запомни, в этот век железный,
Пока ещё ты молодой,
Дни вытекают бесполезно
Из крана жёсткою водой.
Где распадаются в пределах,
Уходят в наважденье прочь,
Тобой и вечностью без дела
Читаемые день и ночь.
Пусть Млечный Путь нависнет кроной
Над миром, что ужасно прост,
Где в вечности уединённой
Цветок зелёный и погост.

ЗАПАХ МИРА

Светится зелёная ограда,
Тени расплзаются шутя.
Розовыми пятками по саду
Мнёт растенья малое дитя.

Изнывая в первозданном зное,
Ощущают приступ духоты
Брошенные в марево земное
Синие и красные цветы.

Наблюдай за малышом и робко
Ощущай библейскую тщету,
Леденцов душистую коробку,
Запах мира, сада красоту.

ПАШНЯ

Земля жирна, земля черна,
Дымок стоит с утра над пашней,
Она упорно ждёт зерна,
От жатвы отдохнув вчерашней.
Она – покой среди страстей,
Певучих и ещё тревожных,
Живёт надеждой новостей

И жаждой воли невозможной.
Над нею библия ветров
Гуляет и листает время.
Светило с облачных шатров
Целует тракториста в темя.
Он, как дитя, глубоким сном
Спит на промасленном бушлате.
И вечность в воздухе пустом
Сияет в конопатом злате.

РОЗЫ И РАНЫ

Прощальные титры с экрана
Районного кинотеатра,
Любовь начинается рано
И дерзко уйдёт безвозвратно.
Залётная девушка-пчёлка,
Щенячьи и детские страсти,
Беретом укрытая чёлка
И ночи волнующий аспид.
Прекрасна моя незнакомка,
Романов и связей предтеча,
Упрямое время вдогонку
И лечит тебя, и калечит.
Живём в этом воздухе грозном
Летальной верою этой.
Вокруг только раны и розы.
Любовь обжигающим летом.

РАССТАВАНИЕ

Тяжела расставания небыль,
Не спеши уезжать в чьи-то сны.
Погляди в неподъёмное небо,
Устрашившись его глубины.

Стол чужой и от праздника грубый,
Делишь хлеб, да не с теми, не впрок.
Ночь целует, и влажные губы
Разомкнёт сигаретный дымок.

Давит плечи зеркальная робость,
Жгут для шеи держу про запас,
Но меж нами сакральная пропасть
Не должна пролегать в этот час.

Расставанье – безвременья строчка,
Промелькнёт и погаснет вдали,
Остаюсь я с собою – и точка!
В тёмном небе и не у земли.

РАССВЕТ

Дубеют окна на морозе,
Рассвет вдоль холода реки,
И дремлют в полусонной позе
У тёмных лунок рыбаки.

Лишь нежность магниевой вспышкой
Порою не даёт дышать.
Стоишь с термометром под мышкой,
Любить, болеть – тебе решать.

Начало дня ещё неволит,
Смотри в окно, ищи слова.
И выходной не обездолит,
На леньность предъявив права.

Грустят скамейки с птичьим шрифтом,
Пространство сумрачно разжав.
И ветер пользуется лифтом,
В подъезды шумно забежав.

ЗИМНИЕ ДАЛИ

Могущество нежного зренья,
Зимы величавый объём,
Набраться ума и терпенья –
В глазах удержать окоём.

Со временем, мнимо разъятым,
Побудь, и тогда удивит:
Сугроб с совершенным накатом
И мокрый на нём снеговик.

Душой испытай эти дали,
Есть пауза, слово и знак,
Являя простые детали,
Природа расщедрилась так.

Прими, полагаясь на риски,
Тебе эти веси близки,
И станет немислимо близким
Прилив изумлённой тоски.

А небо в молочном сморканье
Предъявит и точно скроит
Холщовой укрытые тканью
Простые желанья твои.

ЛАМПАДА

Снег весенний к полудню растает,
В избу новый придёт человек,
Проворонил я воронов стаю,
Потерял дорогой оберег.

Время выкажет тьму и длинноты,
Заклиная, пронзает насквозь,
Не излечат дела и заботы,
Всё нелепо до одури, врозь.

Печь белили, а в доме разлады,
Не зовут и не примут к столу,
Не зажгут потемневшей лампы
Под иконою в красном углу.

МЕЛКИ НА АСФАЛЬТЕ

На асфальте цветными мелками
Нарисованный домик с трубой,
Неказистый корабль с парусами,
Небосвод небольшой голубой.

Голенастое дитяtko, здравствуй!
Дай вернуться в твой возраст на миг,
У курносого облика странствий
На лице торжествующий блик.

Простота накануне улыбки,
На качелях взлетает восторг,
И кузнечик играет на скрипке
В пестрой клумбе, похожей на торт.

Но упрямое время верстает,
Упрекнув фантазёра во лжи,
Мальчуган дураком вырастает
И, зарёванный, дальше бежит.

Так какой мы помазаны кровью,
Если гостем случайным в дому
Вера общая схожа с любовью?
Но противна хмельному уму.

КРЕСТОМ ОСЕНИВ

Открой деревянные ставни,
Прохладу под вечер ищи.
Земля перемешана с камнем,
Крапива у дома на щи.
Здесь твёрдые помнят ладони
Нехитрый и бережный труд
И лёгкую лодку в затоне,
Где птицы на ветках замрут.

Над дверью прибита подкова,
Но счастье здесь было вчера.
И новая жизнь бестолково
Томится в прихожей с утра.
И дымка, в ней вера и горечь,
И отрок мужской говорок
В словесном попробует соре
И взрослым уйдёт за порог.

А следом и мне – удалиться,
Июня покой обрести,
В него мне осталось влюбиться
И лето осталось спасти.
И дождь неожиданный выждать,
В котором дорога суха,
Крестом осенив себя трижды
Под каверзный крик петуха.

ЯБЛОКО

Снова глупо, вопреки рассудку,
Не туда повесили звезду,
Спрятавшийся в телефонной будке,
Ночи круг печалью обведу.
Быть собой, пусть увеличит в сумме
Искаженья предрассветный час,
Слушая оцепеневший зуммер,
Проходящий глухо через нас.
Над балконом дома из панелей
Млечный Путь из неразрывных уз.
В городском саду юнцы пьянели,
Надрывался в аромате гнус.
И свисало яблоко планетой,
И упасть грозило на траву,
В это разъярившееся лето,
В этот мир, где я ещё живу.

МИРУ ХОДАТАИЦА. ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»

«Итак, Сам Господь даст вам знамение. Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануил» (Исайя, гл. 7, ст. 14). Зримым воплощением этих слов пророка стала одна из древнейших икон православной Руси «Знамение». Прославившее её чудо случилось в Новгороде 27 ноября (10 декабря) 1170 года. Великий князь суздальский Андрей Боголюбский, задумавший образовать на севере русской

земли единую державу, послал своего сына Мстислава вместе с объединившимися с ним 72 князьями осадить не покорившийся ему Новгород Великий, дабы сокрушить его силу и вольность. Опустошив область на триста вёрст вокруг, князья осадили город. Новгородцы, изнемогая в неравной борьбе, всё упование возлагали на Господа. Архиепископ новгородский святитель Иоанн, три дня и три ночи не выхо-

дивший из алтаря соборного храма, слёзно молился перед иконой Спасителя об избавлении города от неприятеля, и вот небесный голос возвестил ему: «Иди в церковь Спаса, что на Ильиной улице, возьми там икону Богородицы, носи её на городские стены – и увидишь чудное спасение». Наутро архиепископ послал духовенство вынести образ из храма, но посланные при всех усилиях никак не могли сдвинуть икону с места. Тогда сам святитель стал служить перед иконой молебн, и когда клир возгласил: «Предстательство христиан непостыдное», икона Богородицы у всех на глазах внезапно сама собою сдвинулась с места.

Поставив образ на древке на наружном укреплении прямо перед осаждавшими, владыка весь день совершал молебное пение. Под вечер осада усилилась, и одна из пущенных стрел ударила в икону Богородицы. Тогда, как повествует предание, Матерь Божия на святой иконе повернула Свой лик к городу и слёзы стали капать из Её глаз. И тут внезапно неизъяснимый ужас объял нападавших, тьма накрыла их, и они стали поражать друг друга. Увидев смятение врага, новгородцы открыли городские ворота и ударили по неприятелю с такой силой, что он бежал. В память об этом событии святитель Иоанн установил 27 ноября (10 декабря) праздник Знамения Божией Матери в Великом Новгороде и назвал его днём избавления Новгорода и днём наказания ратующих против единоверных. Вся Россия приняла этот праздник.

Чудотворная икона 186 лет после этого находилась в Спасо-Преображенской церкви на Ильиной улице. В 1357 году чудотворный образ перенесли в построенную для него церковь во имя Знамения на Ильинке. В 1566 году после крестного хода с иконой прекратился пожар, грозивший уничтожить весь город. В 1611 году Новгород захватили шведы, и начались грабежи и кровопролития. Враги расхищали даже церковное имущество, а иконы бросали на землю и топтали ногами. Несколько воинов хотели ограбить церковь Знамения во время Божественной службы и пытались войти в отворённые западные двери, но невидимая сила

дважды отбросила их назад, и никто из врагов уже не осмелился осквернить храм.

В 1636 году Знаменский храм задумал обворовать Лука Плавильщиков, разорившийся мастер по работе с серебром. Он с вечера притаился в церкви, ночью похитил кружечный сбор, драгоценные священные сосуды и подошёл к чудотворной иконе, чтобы снять с неё украшения и ризу. Но невидимой рукой святотатец был отброшен на пол и впал в беспамятство. Утром его обнаружили церковнослужители. Когда через несколько дней квору вернулись рассудок и речь, он раскаялся и рассказал о случившемся чуде.

После Октябрьской революции, в 1920 году, икона была передана в новгородский музей, а в 90-е годы возвращена Церкви. 15 августа 1991 года чудотворный образ был торжественно перенесён в новгородский Софийский собор. При этом Пресвятая Богородица вновь явила верующим знамение Своего благоволения – радуга окружила кольцом золотой купол Софийского собора, а потом стала подниматься и растворилась в чистом, без единого облачка небе.

30 сентября 2009 года в рамках проекта «Православная экспедиция» по благословению патриарха Московского Кирилла стартовал крестный ход вокруг Земли со Знаменской иконой. Космический корабль «Союз ТМА-16» доставил на борт Международной космической станции образ Пресвятой Богородицы «Знамение». 11 октября крестный ход по околоземной орбите был благополучно завершён. Икона вернулась на Землю, облетев земной шар 176 раз.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» КУРСКАЯ (КОРЕННАЯ)

Явление иконы Божией Матери «Знамение» Курской (Коренной) произошло более 700 лет назад – в 1295 году. Во времена Батыева нашествия Курск с прилегающими землями был разорён и зарос лесом. Один житель города Рыльска, охотясь в тех местах, по берегу реки Тускары, в глухом лесу увидел лежащую при корне дерева икону «Знамение» (почему

она и получила название «Коренная»). При явлении образа совершилось и первое чудо: на месте, где его подняли с земли, забил чистый и многоводный источник. Весть о чуде дошла до рыльского князя Василия Шемяки, и он повелел принести святыню в город. Толпы народа устремились ей навстречу, лишь сам князь Василий уклонился от участия в торжестве, за что тут же был наказан слепотой. Раскаявшись и припав с молитвой к иконе, он прозрел и в благодарность за исцеление соорудил церковь Рождества Пресвятой Богородицы – в этот день был обретен образ. Но поставленная в храме икона не раз возвращалась на место обретения. Тогда здесь построили часовню и назначили священника для отправления молебнов.

В 1383 году напавшие на курскую землю татары взяли в плен встреченного в лесу священника, а часовню решили сжечь. Однако они не могли этого сделать, пока там находилась икона. Тогда варвары разрубили образ, одну половину кинули в огонь, а другую забросили подальше в лес. Иерей Боголюб провёл некоторое время в тяжком плену в Крыму, пока не был выкуплен царскими послами. Вернувшись на место своего служения, он нашёл часть иконы

несгоревшею, в лесу отыскал и другую. Сложенные половинки тут же срослись, только на месте разруба показалась «аки роса».

В 1597 году царь Феодор Иоаннович велел принести чудотворный образ в Москву, царица Ирина украсила его богатой ризой с драгоценными камнями и шитыми золотом пеленами. В том же году икона была возвращена, и усердием царя Феодора на месте часовни построили монастырь – Коренную пустынь.

При нашествии крымских татар святыню перенесли в Курск, а в пустыни оставили список с неё. Царь Борис Годунов из благоговения к святыне, защищавшей Курск от бывшего при нём голода, принёс ей множество пожертвований. Даже самозванец Лжедмитрий по вторжении в Путивль, желая мнимым благочестием привлечь к себе православных, велел принести в свой стан Курскую икону и молился перед ней. Тогда она вторично была взята в Москву и осталась в царских чертогах.

В 1612 году курским гражданам явлена была особенная помощь Божией Матери при осаде города многочисленным войском поляков. Некоторые видели над стенами Жену с двумя светлыми иноками, осеняющую город. Жители неоднократно совершали крестные ходы вокруг Курска и дали обет, если Бог поможет им освободиться от осады, воздвигнуть среди города монастырь в честь Богоматери и поставить в нём чудотворную Её икону по возвращении её из Москвы. Неприятель скоро отступил от города с большими потерями. Во исполнение обета в Курске построили в благодарность Заступнице монастырь во имя иконы «Знамение». В 1615 году, по прошению курских граждан и по повелению царя Михаила Феодоровича, чудотворная икона Курская-Коренная была возвращена из Москвы и поставлена в курском соборном храме. В 1618 году икону перенесли в Знаменский монастырь и ежегодно в пятницу 9-й недели после Пасхи крестным ходом препровождали в Коренную пустынь, где она оставалась до конца сентября. «Нельзя не заметить, – писал один очевидец, – что при совершении крестного хода с чудотворною Курскою иконою в Коренную пустынь богомольцы

сопровожают её в таком количестве, что подобно стечению народа не встретить не только в России, но и во всей Европе. На лицах всех сопровождающих шествие иконы выражается благоговейное умиление, а в сердцах чистая преданность к святыне».

Благодаря этому благочестивому обычаю Курская икона «Знамение» оказалась связана с житием великого русского чудотворца – преподобного Серафима Саровского. В 1767 году, в 9-ю пятницу по Пасхе, крестный ход с чудотворной иконой шёл из Знаменского монастыря в Коренную пустынь. Застигнутое сильным ливнем, шествие свернуло во двор Агафьи Мошной, сын которой, 9-летний Прохор – будущий великий святой, – был болен так сильно, что уже и не надеялись на его выздоровление. Незадолго до того мальчик увидел во сне Божию Матерь, Которая обещала посетить и исцелить его. Приложившись к чудному образу, мальчик пошёл на поправку.

В 1898 году группа революционно настроенных студентов и учеников ремесленного училища попыталась уничтожить чудотворный образ, подложив под него бомбу, храм был сильно повреждён взрывом, но икона осталась невредимой. После революции, 12 апреля 1918 года, святыня была украдена чекистами из собора Знаменского монастыря, её нашли лишь через месяц у заброшенного колодца, уже без драгоценной ризы. В 1919 году, когда Курск был оставлен Добровольческой армией, в сопровождении епископа Курского и Обоянского Феофана (Гаврилова) и нескольких братьев Знаменского монастыря святая икона отправилась в Сербию и четверть века пребывала в Белграде. В 1944 году образ вместе с Архиерейским Синодом был отправлен в Мюнхен, где находился при митрополите Анастасии (Грибановском) до 1951 года, затем владыка переехал в Америку, где основал Новую Коренную пустынь. С 1957 года российская святыня пребывает в посвящённом ей главном храме Архиерейского Синода в Нью-Йорке (один месяц в году проводит в Новой Коренной пустыни). В 1966 году на молитве перед Курской иконой скончался святитель Иоанн (Максимович), архиепископ

Шанхайский и Сан-Францисский (недавно прославленный), который лично доставлял святыню в Сиэтл.

В Россию долгое время чудотворную икону не привозили. Только преодоление многолетнего разделения между Русской церковью Московского патриархата и Русской зарубежной церковью позволило образу посещать родину. С 2009 года икону ежегодно привозят в Курскую Богородичную Коренную пустынь, в которой с 1989 года стала возрождаться монашеская жизнь.

ИКОНА «ЗНАМЕНИЕ» КОРЧЕМНАЯ

Одной из почитаемых икон «Знамение», называемой Корчемной, молятся об избавлении от греха пьянства. Предание повествует о ней следующее. В XIX веке жила в Рязани некая вдова, одержимая недугом пьянства. Продав уже всё, что было у неё дома, женщина взяла икону Пресвятой Богородицы «Знамение» и принесла её в корчму, чтобы обменять на вино. Богобоязненный корчемник, укорив вдову, всё же взял святой образ и поставил в своей божнице. Спустя несколько дней, когда вдова протрезвела и осознала свой грех, она поспешила к корчемнику, отдала ему деньги и упростила

вернуть икону. Придя домой, она поставила её в божницу, но на следующее утро иконы там не было. Корчемник же, к своему великому удивлению, наутро обнаружил этот образ на прежнем месте в своей божнице. Вскоре к нему пришла вдова и рассказала об исчезнувшей святыне. Корчемник показал на святой образ и со слезами благоговения сказал: «Вот Она, Царица Небесная! Сама спроси Её, как Она здесь оказалась». Поражённая произошедшим, женщина на коленях со слезами умоляла Пречистую о прощении своих грехов и с того дня исцелилась от пьянства.

Прослышав о чуде, рязанцы приходили в корчму, чтобы поклониться иконе, получившей в народе наименование «Явленная Корчемная». Сам корчемник постоянно поддерживал огонь в лампаде перед святыней. В 1850 году он закрыл своё питейное заведение, а икона была перенесена в церковь святого Симеона Столпника.

В настоящее время этот чудотворный образ пребывает в Свято-Иоанно-Богословском монастыре Рязанской епархии, а чтимый список с него находится в Николо-Ямском храме г. Рязани, являющемся подворьем обители.

АБАЛАЦКАЯ ИКОНА «ЗНАМЕНИЕ»

Прославилась удивительными чудотворениями и Абалацкая икона Божией Матери – самый почитаемый в Сибири образ – список иконы «Знамение» Новгородской, дополненный образами святителя Николая и преподобной Марии Египетской. Название её происходит от татарского селения Абалак, расположенного в 30 км от Тобольска. В Сказании об Абалацкой иконе «Знамение» сообщается о явлении в 1636 году вдове Марии «в лёгком сне» двух икон – Богоматери «Знамение» и преподобной Марии Египетской – и святителя Николая, «аки жива суща». От иконы Божией Матери был голос, повелевший построить на Абалацком погосте церковь в честь иконы «Знамение» с приделами во имя прп. Марии Египетской и свт. Николая. Архиепископ Нектарий после строгого испытания о видении, сделанного Марии в присутствии духовных и гражданских

лиц, благословил абалацких прихожан строить новый храм.

По промыслу Божию попал в эту церковь и храмовый образ. Некий крестьянин Евфимий, много лет лежавший парализованным, по совету знакомого ему нищего в надежде на исцеление дал обет написать для нового храма икону. В тот же день он начал владеть правой стороной тела. На следующий день, получив благословение архиерея, Евфимий заказал образ лучшему живописцу – протодиакону тобольского Софийского собора Матфею. Ко времени написания иконы Евфимий совершенно выздоровел, сам забрал образ у иконописца и отнёс в собор для освящения. Архиепископ, обрадованный и удивлённый совершившимся чудом, сам отслужил молебен в соборе и окропил икону святой водой, а потом с подобающей честью отпустил в село Абалак. Чудотворная Абалацкая икона служила предметом особенного благоговения не только в Сибири, но и в соседних губерниях, на поклонение ей прибывали издалека. В 1783 году в Абалаке был устроен монастырь.

Осенью 1919 года архиепископ Сильвестр благословил чудотворной Абалацкой иконой Божией Матери приют для детей-сирот и бе-

женцев «Очаг», который создала София Дитерихс, жена генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, бывшего в то время главнокомандующим Восточным фронтом русских армий. Вместе с отставшими русскими войсками икона была увезена на Дальний Восток. Известно, что, когда в январе 1920 года поезд, на котором ехали дети из приюта, потерпел крушение, вагон, где везли чудотворный образ, чудом остался цел. В 1923 году икона вместе с детским приютом оказалась в Шанхае. В 1949 году, после прихода в Китае к власти коммунистов, детский приют, настоятельницей которого была дочь Дитерихсов, переехал в Австралию. Так Абалацкая чудотворная икона Божией Матери оказалась в православном храме в городке Кабрамат, пригороде Сиднея, где находится и до сего дня.

В XVII–XIX веках с Абалацкой иконы было сделано много списков, которые почитались как чудотворные. Одним из самых известных был Семипалатинский образ, вероятно, выполненный тем же самым иконописцем, что и подлинник; его обычно отпускали на поклонение в сибирские города и уезды вместо подлинной иконы. В 1712 году он был принесён на военный корабль, следовавший из Тобольска вверх по Иртышу. После молебна, отслуженного на судне перед иконой, корабль поплыл «сам собою» против течения реки и остановился, дойдя до г. Семипалатинска. Икону поместили в Знаменский собор города, она особенно почиталась военными. После революции 1917 года собор захватили обновленцы, с образа были сняты драгоценные украшения. После взрыва собора в 1919 году сведений об этой иконе нет.

Татьяна НИКИТИНА

Василий КРАСНОВ

ТРОИЦА

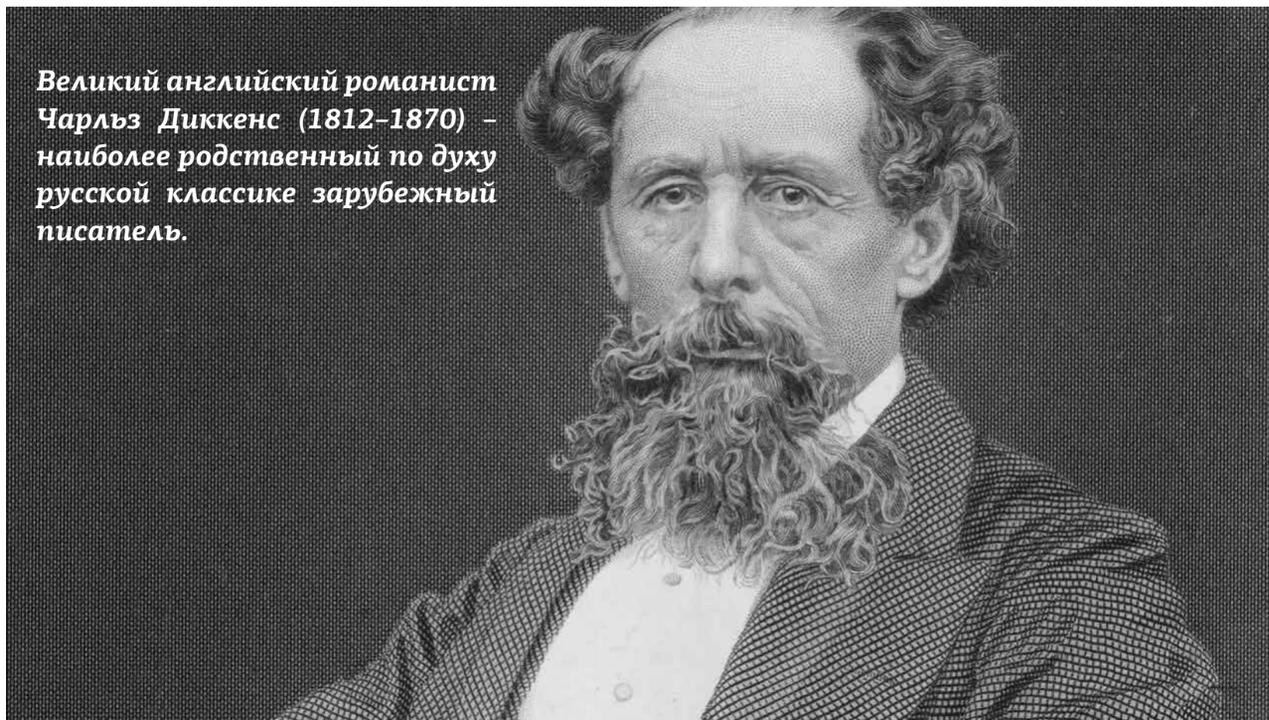
Перекрестившись, кружку кваса
Он залпом выпил, а потом
Потрогал кисть, поправил рясу
И страх оставил за бортом.
Доска, пропитанная грунтом,
Девичей красною ждала.
Вся без зазоринки, без шпунта,
Тиха, как ангел, и светла.
И было первое касанье –
Мазок – божественнейший вдох.
Бессмертное произрастанье
Творения сквозь тьму эпох.
Монахи в келью заходили,
Шептались за спиной, дивясь
Тому, в какой тогда был силе
Андрей – иконописи князь.
А он, измученный постами,
Стеснялся лишней раз вздохнуть,
Между землёй и небесами
Прокладывая людям путь.

Валентина ОСТАНИНА

Памяти Николая Рубцова

В рассветный сумеречный час,
Когда так цепки сновиденья,
Внезапно окликают нас
Души летящей откровенья.
Когда на сумрачной стене
Заговорит динамик глухо,
Слова, пронзая дождь и снег,
Коснутся дремлющего уха.
Разбудит вас меж стен чужих
Сосна, качающая кроной,
И обогреет этажи
Теплом души единокровной.
И станет комната светлей
В том общежитии забытом,
Как будто радуга с полей
Родится над убогим бытом.
Ещё ни лодки, ни весла,
И нет плацкартного билета,
А вас уже навек спасла
Душа, блуждающая где-то.

Великий английский романист Чарльз Диккенс (1812–1870) – наиболее родственный по духу русской классике зарубежный писатель.

ЧАЛОЕ СЕРДЦЕ ДИККЕНСА

К 150-Й ГОДОВЩИНЕ ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ

В России Диккенс стал известен уже с появления первых переводов в 1830-е годы, в «гоголевский период» развития русской литературы. Отечественная критика сразу обратила внимание на общность художественной манеры Н. В. Гоголя и Диккенса. Критик журнала **«Москвитянин»** С. П. Шевырëв, подчеркнув в английском авторе «талант свежий и национальный», одним из первых заметил, что «Диккенс имеет много сходства с Гоголем». Близкое родство талантов отразилось и в таких определениях христианского богослова, славянофила А. С. Хомякова: «два родных брата», «Диккенс, меньшей брат нашего Гоголя».

Деятельная и могучая вера в Бога, умение видеть то, чего, как говорил Гоголь, «не зрят равнодушные очи», сближали Диккенса с

русскими классиками. «Великим христианином» называл английского романиста великий русский писатель-христианин Ф. М. Достоевский. В **«Дневнике писателя»** (1873) он подчёркивал: «Между тем мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же, как и англичане, даже, может быть, со всеми оттенками; даже, может быть, любим его не меньше его соотечественников. А, однако, как типичен, своеобразен и национален Диккенс!» Достоевский признавал благотворное влияние, которое оказывало на него диккенсовское творчество: «Никто меня так не успокаивает и не радуется, как этот мировой писатель».

Л. Н. Толстой ценил Диккенса как писателя безошибочного нравственного чутья.

Н. С. Лесков, шедший в литературе своим самобытным путём «против течений», также высоко оценивал «английского писателя с именем, с которым очень приятно ставить своё имя», узнавал в нём родственную душу, был увлечён его творчеством. Русские писатели были внимательными читателями и знатоками произведений Диккенса, видели в нём своего союзника.

В. Г. Короленко в очерке **«Моё первое знакомство с Диккенсом»** (1912) описал потрясение и восторг, испытанные в отрочестве от прочтения романа **«Домби и сын»** (1848). С. М. Соловьёв – племянник религиозного философа и поэта Вл. Соловьёва, внук историка С. М. Соловьёва – создал цикл стихотворений, навеянных сюжетами и образами романа **«Дэвид Копперфилд»** (1850). Даже в художественном сознании всенародно любимого певца русской деревни, русской природы, русской души Сергея Есенина неожиданно оживает образ главного героя романа **«Оливер Твист»** (1839):

*Мне вспомнилась печальная история –
История об Оливере Твисте.*

(«Русь бесприютная», 1924)

Примеры цитат, реминисценций, ассоциаций с Диккенсом в русской литературе можно продолжить.

Среди произведений английского романиста, которые оказывали глубокое духовное воздействие, облагораживали ум и чувства, призывали к торжеству справедливости, особенно полюбились в России **«Рождественские повести»** (1843–1848), благодаря которым их автор был признан классиком святочной литературы. Диккенс создал образ поющего Рождества, воспел святочную радость, победу над силами зла.

Показательна история восприятия этих повестей русскими читателями. Ещё в 1845 году литературная критика отметила диккенсовский рождественский цикл среди так называемой массовой святочной литературы: «К нынешним Святкам неутомимый Диккенс опять написал повесть <...> Имя Диккенса ручается уже за достоинство ея, и её действи-

тельно никак нельзя смешивать с остальной кучею изданий, которые родятся к празднику и умирают с праздником». Журнал **«Современник»** писал в 1849 году о Диккенсе: «Он как будто пожелал быть ещё более народным, ещё более моральным, лет пять тому назад начал ряд народных сказок, избрав эпохой их появления Святки, самый народный праздник в Англии». Лесков также выделил **«Рождественские повести»** из всего обширного круга святочной литературы: «они, конечно, прекрасны»; признал их «перлом создания».

Диккенс в совершенстве овладел тайной эстетического воспроизведения самого духа празднования Рождества Христова, которому сопутствует особенная, одухотворённо-приподнятая, ликующая атмосфера. Г. К. Честертон – автор одной из лучших книг о Диккенсе – увидел суть праздника Рождества «в соединении веры и веселья <...> с земной, материальной стороны в нём больше уюта, чем блеска; со стороны духовной – больше милосердия, чем экстаза». Ещё в Апостольских Постановлениях (Кн. V, гл. 12) сказано: *«Храните, братия, дни праздничные, и во-первых день Рождества Христова»*. Следует отложить все житейские заботы и попечения, всецело посвятить себя празднику. Молитвенное настроение сочетается в этот святой день и с беззаботным весельем, и с размышлениями о великом событии Священной истории, и со служением тем душеспасительным истинам, которым учит людей Рождество.

Святочная словесность в других странах, в том числе и в России, формировалась и существовала до Диккенса, отличаясь национально своеобразным колоритом, стилистикой, деталями и т. д. До диккенсовского рождественского цикла создал свою дивную **«Ночь перед Рождеством»** (1831) Гоголь. И всё же художественный опыт английского классика повлиял на дальнейшее развитие святочной литературы: в одних случаях вызвал целый шквал ученических подражаний, в других – был освоен и преобразован творчески. Во многом именно от диккенсовской традиции отталкивался Лесков, вступая с мэтром рождественской

беллетристики в творческое состязание, создавая свой цикл **«Святочные рассказы»** (1886).

В цикле повестей Диккенса **«Рождественская песнь в прозе»** (1843) и **«Колокола»** (1844) признавались наиболее значительными с точки зрения их социально-критического, обличительного пафоса, направленного против жестокости и несправедливости, в защиту угнетённых и обездоленных.

Следующие три повести: **«Сверчок за очагом»** (1845), **«Битва жизни»** (1846), **«Одержимый, или Сделка с призраком»** (1848) – написаны более в камерной, «домашней» тональности.

Литературный критик-почвенник Аполлон Григорьев, сопоставляя Диккенса с Гоголем, указывал на «узость» идеалов английского романиста: «Диккенс так же, пожалуй, исполнен любви, как Гоголь, но его идеалы правды, красоты и добра чрезвычайно узки, и его жизненное примирение, по крайней мере, для нас, русских, довольно неудовлетворительно». Но тот же Григорьев, которого не подводят художественное чутьё и литературный вкус, восторженно отозвался о повести **«Сверчок за очагом»**: «...действительно прекрасное, доброе и благородное произведение высокоталантливого Чарлса Диккенса “Домашний сверчок” – это светлая, поэтическая идиллия со своей милой прихотливостью фантазии, со своим вполне человеческим взглядом на вещи, со своим юмором, трогаящим до слёз».

О доброй силе воздействия образов этой повести на зрителя к 200-й постановке **«Сверчка за очагом»** на сцене студии Художественного театра ровно 100 лет назад было написано стихотворение **«Сверчок 200-й, 1917»**.

Вряд ли уместно подразделять **«Рождественские повести»** Диккенса на «социальные» и «домашние». Все они обладают идейно-художественной целостностью, обусловленной единством проблематики, общей для всех повестей атмосферой и главное – авторским замыслом, согласно которому

писатель рассматривал свой цикл как «рождественскую миссию». Уильям Теккерей справедливо назвал Диккенса «человеком, которому святым Провидением назначено наставлять своих братьев на путь истинный».

Начиная с 1843 года Диккенс ежегодно выпускал по одной рождественской повести. Став редактором журнала **«Домашнее чтение»**, он включал в каждый рождественский номер специально написанный рассказ. Писатель был к тому же превосходным актёром и устраивал серию чтений своих **«Рождественских повестей»**, заставляя слушателей то ликовать от восторга, то заливаться слезами от жалости. Так начался его «великий поход в защиту Рождества». Верность ему Диккенс пронёс через весь свой творческий путь.

Рождественская тематика присутствует уже в самом первом художественном творении Диккенса – **«Очерки Боза»** (1834), где есть глава «Рождественский обед». **«Посмертные записки Пиквикского клуба»** (1836–1837), выходявшие как серийное издание, прославили молодого автора настолько, что «к осени 1836 года Пиквик пользовался в Англии большей известностью, чем премьер-министр». И если современные захватывающие сериалы – в лучшем случае короткие антракты среди забот повседневной жизни, то в дни, когда выходил **«Пиквик»**, люди «считали антрактом жизнь между очередными выпусками».

В **«Посмертных записках Пиквикского клуба»** Диккенс снова затронул тему «благодатных Святок». В 28-й «Весёлой рождественской главе...» показан праздник в Дингли Делл с изобильным застольем, танцами, играми, пением рождественского гимна и даже со свадьбой (святочная обрядность у многих народов тесно связана со свадебной), а также с непременным рассказыванием святочной истории о привидениях, которая вплетена в художественную ткань как рассказ в рассказе. В то же время повествование, на первый взгляд – весёлое и беззаботное, метафизически углубляется, уходит корнями в Священное Писание.

В цикле **«Рождественских повестей»** писатель уже был готов не только к красочному изображению любимого праздника. Диккенс последовательно излагает религиозно-нравственные задачи преобразования человека и общества; идеологию, которую он назвал «рождественской». Евангельская идея единения и сплочения во Христе – фундамент этой «рождественской идеологии», заложенный в упомянутой главе **«Записок Пиквикского клуба»**: «много есть сердец, которым Рождество приносит краткие часы счастья и веселья. Сколько семейств, члены коих рассеяны и разбросаны повсюду в неустанной борьбе за жизнь, снова встречаются тогда и соединяются в том счастливом содружестве и доброжелательстве». В «Весёлой рождественской главе» диссонансом к её названию и общей радостной тональности вдруг начинают звучать печальные ноты, неожиданно возникает тема смерти: «Многие сердца, что трепетали тогда так радостно, перестали биться; многие взоры, что сверкали тогда так ярко, перестали сиять; руки, что мы пожимали, стали холодными; глаза, в которые мы глядели, скрыли свой блеск в могиле...» Однако в этих раздумьях заключён рождественский и пасхальный пафос преодоления смерти и христианское чаяние жизни вечной. Рождество Спасителя даёт благодатную возможность живущим сплотиться, а с ушедшими соединиться в памяти. Так что с полным основанием Диккенс может воскликнуть: «Счастливые, счастливые Святки, которые могут вернуть нам иллюзии наших детских дней, воскресить для старика утехи его юности и перенести моряка и путешественника, отделённого многими тысячами миль, к его родному очагу и мирному дому!»

Этот образ подхватывается и углубляется в первой повести рождественского цикла. Здесь автор раздвигает узкие рамки «уютной запертой рождественской комнатки», и мотив сплочения, преодолевая узкосемейный, домашний характер, становится универсальным, приобретает вселенское звучание. **«Рождественская песнь в прозе»** содержит символи-

ческий образ корабля, который под завывание ветра несётся «вперёд во мраке, скользя над бездонной пропастью, столь же неизведанной и таинственной, как сама смерть». Жизнь человеческая, подобно этому кораблю, ненадёжна, но надежда на спасение, уверен писатель, – в человеческом единении на основе любви по Христовой заповеди *«возлюби ближнего твоего, как самого себя»* (Мф. 22: 39). Рождество Христово более других праздников призвано напомнить людям, сколь бы различными они ни казались, об их общей человеческой природе: «И каждый, кто был на корабле, – спящий или бодрствующий, добрый или злой – нашёл в этот день самые тёплые слова для тех, кто был возле, и вспомнил тех, кто и вдали ему был дорог, и порадовался, зная, что им тоже отрадно вспоминать о нём».

Существо «рождественской идеологии» Диккенса составили важнейшие новозаветные идеи: покаяние, искупление, духовно-нравственное возрождение через милосердие и деятельное добро. На этой основе строит писатель свою возвышенную апологию Рождества: «Это радостные дни – дни милосердия, доброты, всепрощения. Это единственные дни во всём календаре, когда люди, словно по молчаливому согласию, свободно раскрывают друг другу сердца и видят в своих ближних – даже неимущих и обездоленных – таких же людей, как они сами, бредущих одной с ними дорогой к могиле, а не каких-то существ иной породы, которым подобает идти другим путём».

В **«Рождественских повестях»** сама атмосфера намного важнее сюжета. Например, **«Рождественская песнь в прозе»**, по замечанию Честертона, «поёт от начала до конца, как поёт счастливый человек по дороге домой <...> Поистине это – рождественская песнь и ничто другое».

Словно песенка, звучит «сказка о семейном счастье» **«Сверчок за очагом»**. Сюжет развивается под мирную мелодию песенок чайника и сверчка, и даже главы называются «Песенка первая», «Песенка вторая»...

А повесть **«Колокола»** – это уже не «песенка» и даже не «рождественская песнь», но

«рождественский боевой гимн. Нигде не обнаруживал Диккенс столько гнева, ярости и презрения» к власти имущим изуверам, угнетателям народа, обрекающим простых людей на голод, нищету, болезни, невежество, бесправие, нравственное вырождение, физическое вымирание. Писатель рисует картины такой «предельной безнадежности, такого жалкого позора» и отчаяния, что читатель будто слышит скорбное зауспокойное пение: «Дух твоей дочери, – сказал колокол, – оплакивает мёртвых и общается с мёртвыми – мёртвыми надеждами, мёртвыми мечтами, мёртвыми грёзами юности».

Диккенс не просто жалел народ и боролся за него. Писатель горячо выступал в защиту народа, потому что сам был неотделимой его частью, «не просто любил народ, в этих делах он сам был народом».

Протест писателя вызывали безбожная жестокость, бесчеловечность властителей в отношении к народу и в других странах, особенно в России с её крепостным правом. В своём журнале «**Домашнее чтение**» Диккенс опубликовал переводы ряда антикрепостнических рассказов И. С. Тургенева из цикла «**Записки охотника**» (1847–1852). В предисловии к публикации высказывалось негодование по поводу «зверств сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской».

Диккенс словно бьёт в набат, призывно звонит во все колокола. Повесть «**Колокола**» венчает открытое авторское слово. Верный своей «рождественской миссии», Диккенс обращается к читателю с пламенной проповедью, стремясь донести её до сердца каждого человека – того, «кто слушал его и всегда оставался ему дорог»: «старайся исправить её (действительность. – А. Н.-С.), улучшить и смягчить. Так пусть же Новый год принесёт тебе счастье, тебе и многим другим, чьё счастье ты можешь составить. Пусть каждый Новый год будет счастливее старого, и все наши братья и сёстры, даже самые смиренные, получат по праву свою долю тех благ, которую определил им Создатель». Колокол – «Духов

церковных часов» – повелительно и настойчиво призывает человечество к совершенствованию: «Голос времени, – сказал Дух, – взывает к человеку: “Иди вперёд!” Время хочет, чтобы он шёл вперёд и совершенствовался; хочет для него больше человеческого достоинства, больше счастья, лучшей жизни; хочет, чтобы он продвигался к цели, которую оно знает и видит, которая была поставлена, когда только началось время и начался человек».

Такое же священное убеждение воодушевляло русских писателей. Та же, что и у Диккенса, горячая вера в конечное торжество добра и правды отразилась в одной из ранних статей Лескова «**С Новым годом!**»: «Взгляните на мир – мир идёт вперёд; взгляните на нашу Русь – и наша Русь идёт вперёд <...> Не приходите в отчаяние от тех сил и бедствий, которые ещё преследуют человечество даже в самых передовых странах мира; не пугайтесь, что ещё далеко не одни нравственные законы правят миром и что произвол и насилие нередко и во многом преобладают в нём <...> рано или поздно кончится торжеством нравственных, *благих* начал».

Мысль, с таким пафосом высказанная «великим христианином» Диккенсом, в начале XX века с новой силой зазвучала у Чехова: «Теперешняя культура – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, может быть, ещё десятки тысяч лет, для того чтобы хотя в далёком будущем человечество познало истину настоящего Бога...»

Диккенс не считал себя обязанным выполнять чью бы то ни было волю, кроме воли Божьей. В марте 1870 года – последнего в жизни писателя – состоялась его встреча с королевой Викторией, которая намеревалась пожаловать прославленному романисту титул баронета. Однако Диккенс заранее отверг все толки о том, что согласится «прицепить к своему имени побрякушку»: «Вы, без сомнения, уже читали, что я будто бы готов стать тем, кем пожелает меня сделать королева, – замечал он в одном из писем. – Но если моё слово что-либо значит для Вас, поверьте, что я

не собираюсь быть никем, кроме самого себя». По утверждению Честертона, сам Диккенс ещё при жизни был признан «королём, которого можно предать, но свергнуть уже нельзя».

В начале 1840-х годов Диккенс сформулировал своё credo: «Я верю и намерен внушить людям веру в то, что на свете существует прекрасное; верю, невзирая на полное вырождение общества, нуждами которого пренебрегают и состояние которого, на первый взгляд, не охарактеризуешь иначе, чем страшной и внушающей ужас перифразой Писания: “Сказал Господь: да будет свет, и не было ничего”». Эта «вера в прекрасное», несмотря на «полное вырождение общества», питала проповеднический энтузиазм английского автора.

Столь же неустанным в своей «художественной проповеди» был в России Лесков. В сюжете его раннего романа **«Обойдённые»** (1865) воспроизводится нравственная коллизия рождественской повести Диккенса **«Битва жизни»**. В развёрнутой метафоре английский писатель представил жизнь человеческую как нескончаемое сражение: «в этой “битве жизни” противники сражаются очень яростно и очень ожесточённо. То и дело рубят, режут и попирают друг друга ногами. Прескверное занятие». Однако Диккенс вместе со своим героем Элфредом – рупором авторских идей – убеждён, что «бывают в битве жизни бесшумные победы и схватки, встречаются великое самопожертвование и благородное геройство <...> Эти подвиги совершаются каждый день в глухих углах и закоулках, в скромных домиках и в сердцах мужчин и женщин; и любой из таких подвигов мог бы примирить с жизнью самого сурового человека и внушить ему веру и надежду».

Зримые и незримые «битвы жизни» показал Диккенс в историческом романе **«Повесть о двух городах»** (1859), изобразив Лондон и Париж в грозную эпоху французской революции конца XVIII века, залившей страну реками крови.

«Великое самопожертвование и благородное геройство» во имя любви проявил Сидни Картон, добровольно взошедший на гильотину

вместо приговорённого к казни мужа Люси, в которую Картон был безответно влюблён.

«Я так остро пережил и перечувствовал всё то, что выстрадано и пережито на этих страницах, как если бы я действительно испытал это сам», – признавался Диккенс в предисловии к роману.

Основная идея повести **«Битва жизни»** и романа **«Повесть о двух городах»** – евангельская: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой».

В согласии с новозаветной заповедью *«И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»* (Лк. 6: 31) внёс и Лесков в свою записную книжку следующую запись: «Всё, что желаете, чтобы делали для вас люди, то делайте им».

«Семейными писателями» назвал академик Д. С. Лихачёв Диккенса и Лескова: «Лесков как бы “русский Диккенс”. Не потому что он похож на Диккенса вообще, в манере своего письма, а потому, что оба – и Диккенс, и Лесков – “семейные писатели” <...> которых читали в семье, обсуждали всей семьёй, писатели, которые имеют огромное значение для нравственного формирования человека».

Лесков призывал созидать, «беречь свою семью не только от дурных мыслей и намерений, привносимых в неё пустомысленными друзьями, но и от собственного нашего суемыслия, порождающего хаос в понятиях всех чад и домочадцев».

Будучи главой большого семейства, в котором росли десять детей, Диккенс задумал сплотить в единую обширную семью своих читателей. В обращении к ним в диккенсовском еженедельнике **«Домашнее чтение»** были такие слова: «Мы смиренно мечтаем о том, чтобы обрести доступ к домашнему очагу наших читателей, быть приобщёнными к их домашнему кругу». Атмосфера «семейной поэзии» художественного мира Диккенса имеет особое очарование. Критик журнала **«Современник»** А. И. Кронеберг в статье **«Святочные рассказы Диккенса»** верно отметил: «Основной тон всего рассказа – непереводаемый английский *home*».

Говоря о доме, писатель всегда использует превосходную степень: «самый счастливый дом»; его обитатели – «самый лучший, самый внимательный, самый любящий из всех мужей на свете», его «маленькая жёнушка» и домашний сверчок как символ семейного благополучия: «Когда за очагом заведётся сверчок, это самая хорошая примета!» Открытый огонь домашнего очага – «алое сердце дома» – выступает в рождественской повести прообразом «материального и духовного Солнца», Христа.

Дом, семья у Диккенса становятся священным местом, вмещают целую Вселенную: потолок – это свои «родные домашние небеса», по которым плывут облачка от дыхания чайника; очаг – «алтарь», дом – «храм». Добрый свет очага украшает незамысловатый быт простых тружеников, преображает самих героев. Так, Джон уверен, что «хозяйюшка сверчка» – «сама для него сверчок, который приносит ему счастье». В итоге выходит, что не сверчок, и не феи, и не призраки огня, а сами они – Джон и Мэри – главные хранители своего семейного благополучия.

«Мы <...> радуемся теплу, – писал Честертон о повести, – исходящему от неё, как от горящих поленьев». Рождественский дух повестей Диккенса (даже самой «домашней» из них) не умилительно-примиряющий, но активный, даже в каком-то смысле наступательный. В самом идеале уюта, восплаемого Диккенсом, различима, по выражению Честертонна, «вызывающая, почти воинственная нота – он связан с защитой: дом осадили град и снег, пир идёт в крепости <...> дом как снабжённое всем необходимым и укреплённое убежище <...> Ощущение это особенно сильно в ненастную зимнюю ночь... Отсюда следует, что уют – отвлечённое понятие, принцип». Чудо и благодать разлиты в самой атмосфере этих рождественских историй: «Очаг истинной радости освещает и согревает всех героев, и очаг этот – сердце Диккенса». В его книгах постоянно ощущается живое присутствие автора: «...я мысленно стою у вас за плечом, мой читатель». Диккенс умеет создать неповтори-

мую обстановку дружеского общения, доверительной беседы автора с обширной семьёй его читателей, устроившихся в ненастный вечер у камелька: «Ох, помилуй нас, Господи, мы так уютно уселись в кружок у огня».

В то же время каким бы благодушным, на первый взгляд, ни было повествование, оно всегда сопряжено с ощущением шаткости и неблагополучия современной действительности, искажённой греховным произволом сильных мира сего – предателей Христа, служителей бесовского «князя тьмы». Своим ученикам Господь возвестил: «Уже немного Мне говорить с вами; ибо идёт князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин. 14: 30); предающим же Его Христос сказал: «...теперь ваше время и власть тьмы» (Лк. 22: 53).

«Власть тьмы» в произведениях Диккенса представлена в её многообразных проявлениях и приметах, повсеместно узнаваемых в капиталистическом мире. Это государственная политика, направленная на углубление пропасти между богатством и бедностью, плодящая убожество и невежество, безработицу и нищету, преступность и тюрьмы. Это разросшийся до гигантских размеров аппарат государственных чиновников – «полипов», как называл их Диккенс. Никчёмные, бездарные «полипы», паразитирующие на теле народа, могут только тиражировать вороха бесполезных бумаг, но не способны решить ни одной насущной проблемы. Таково заповенное бездельниками-«полипами» «Министерство волокиты», описанное Диккенсом в романе «Крошка Доррит» (1857).

Писатель гневно выступал против угнетателей и эксплуататоров, мошенников и аферистов, злодеев и хищников всех мастей; обличал их мерзостное моральное уродство, тлетворную власть денег.

Под пером Диккенса оживают образы не знающих жалости капиталистов, использующих рабский, в том числе детский, труд на своих заводах и фабриках, в рабочих домах («Оливер Твист», «Дэвид Копперфилд»).

Бессердечные буржуа, владельцы коммерческих фирм, эгоисты-предпринимате-

ли озабочены только получением прибыли любой ценой. Во имя наживы их сердце окаменело, превратилось в кусок льда даже по отношению к родным и близким (**«Рождественская песнь в прозе», «Домби и сын»**).

Высокомерные, чопорные аристократы, брезгливые по отношению к низшим социальным слоям, тем не менее следуют омерзительному правилу «деньги не пахнут» и не гнушаются принять в своё общество мусорщика, разбогатевшего на бизнесе от мусорных груд и помойных ям (**«Наш общий друг»**, 1865).

Крупные финансовые махинаторы-банкиры под прикрытием государственной власти выстраивают мошеннические схемы-«пирамиды», разоряя тысячи вкладчиков (**«Мартин Чеззлвит»** (1844), **«Крошка Доррит»**).

Ловкие юристы-крючкотворы, продажные адвокаты и сутяжники, преступные в своей сущности, приискивают легальные оправдания криминальным деяниям своих клиентов-толстосумов, плетут интриги и плутни (**«Лавка древностей»** (1841), **«Дэвид Копперфилд»**).

Судейские проволочки тянутся годами и десятилетиями, так что людям порой не хватает целой жизни, чтобы дождаться решения суда. Они умирают, не дожив до окончания судебного процесса (**«Холодный дом»**, 1853).

В школах для бедных преподаватели с повадками чудовищ-людоедов истязают и притесняют беззащитных детей (**«Николас Никльби»**, 1839).

Злобный карлик-садист Квилп преследует маленькую девочку (**«Лавка древностей»**).

Старик-еврей Фейгин – злокозненный главарь лондонского воровского притона – собирает в своём преступном логове бесприютных, обездоленных детей, заставляя их работать на него, обучая уголовному ремеслу, каждый миг грозящему им виселицей (**«Оливер Твист»**). Образ Фейгина был нарисован столь гротескно и в то же время типически, что некоторые читатели даже просили писателя смягчить черты верховода шайки детей-карманников. В итоге гнусный стари-

кашка-совратитель, обращавший детей в преступников, оканчивает свои дни на виселице, как ему и положено, ибо, по словам Христа, *«кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жёрнов на шею и потопили его во глубине морской»*.

Диккенс, как никто, умел понять детскую душу. Детская тема в его творчестве – одна из важнейших. Призыв Христа «будьте как дети»: *«если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»* (Мф. 18: 3) – живёт в художественном мире Диккенса – в мире, где бьётся его собственное сердце, сохранившее детскую непосредственность и веру в чудо.

В маленьких героях своих романов автор отчасти воспроизвёл своё собственное детство, отмеченное суровыми лишениями и тяжкими морально-нравственными испытаниями. Он никогда не забывал своё унижение и отчаяние, когда родители угодили в долговую тюрьму Маршалси; когда маленьким мальчиком ему пришлось работать на фабрике по производству ваксы. Писатель психологически точно сумел передать самую суть детской ранимости: «Мы страдаем в отрочестве так сильно не потому, что беда наша велика, а потому, что мы не знаем истинных её размеров. Раннее несчастье воспринимается как гибель. Заблудившийся ребёнок страдает, словно погибая душа».

Но Оливер Твист и в сиротском приюте, и в воровском притоне сумел сберечь веру в Бога, добрую душу, человеческое достоинство (**«Оливер Твист»**). Маленькая девочка-ангелочек Нелли Трент, бредущая с дедушкой по дорогам Англии, находит в себе силы поддерживать и спасти близкого человека (**«Лавка древностей»**). Отвергнутая родным отцом-буржуа Флоренс Домби сохраняет нежность и чистоту сердца (**«Домби и сын»**). Малютка Эми Доррит, рождённая в долговой тюрьме Маршалси, самоотверженно заботится об отце-узнике и обо всех, кто нуждается в её заботах (**«Крошка Доррит»**). Эти и многие другие герои, добрые душой и кроткие

сердцем, призваны, как и малыш-калека Тим из **«Рождественской песни в прозе»**, напомнить людям о Христе – о Том, «Кто заставил хромым ходить и слепых сделал зрячими».

«Дэвид Копперфилд» – роман, написанный от первого лица, во многом автобиографический, по справедливому отзыву Дж. Б. Пристли, «истинное чудо психологической прозы»: «Главную неиссякаемую силу “Копперфилда” составляет детство Дэвида <...> в литературе и по сей день нет лучшего изображения детства. Здесь есть игра теней и света, присущая началу жизни, зловещей тьмы и лучезарной, снова возникающей надежды, бесчисленные мелочи и тайны, подслушанные у волшебной сказки, – с какой тонкостью и совершенством всё это написано!»

Одна из финальных глав романа, венчающая обширное, масштабное повествование-хронику, называется «Свет озаряет мой путь». Источник света здесь – метафизический. Это духовный свет, кульминация внутреннего возрождения героя после пережитых испытаний: «И в памяти моей возникла длинная-длинная дорога, и, всматриваясь вдаль, я увидел маленького, брошенного на произвол судьбы оборвыша...» Но былой мрак сменяется «светом в конце тоннеля» – такова внутренняя художественная логика произведений Диккенса. Герои наконец обретают полноту счастья: «...сердце моё так полно <...> Мы плакали не о минувших испытаниях, через которые прошли <...> Мы плакали от радости и счастья».

Писателю удалось художественно отобразить евангельские *«полноту сердца»* и *«полноту времён»*, когда происходит встреча человека с Богом, – то состояние, которое лаконично выражено у апостола Павла: «И уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Именно отсюда – счастливые или по крайней мере благополучные финалы творений Диккенса; тот *happy end*, который стал характерной чертой его поэтики. Писатель верил в идеалы Нового Завета, верил, что Добро, Красота и Правда – скрытые пружины жизни,

и наверняка испытывал «особую творческую радость, заставляя медлительное Провидение поторопиться, распорядясь несправедливым миром по закону справедливости», ведь «для Диккенса это словно вопрос чести – не дать победы злу». Таким образом, ставший притчей во языцех диккенсовский *happy end* – не сентиментальный анахронизм, а напротив – решающий духовно-нравственный рывок вперёд.

Надо только открыть книгу, и тогда даже самый предубеждённый читатель почувствует не отталкивание, а магическое притяжение, сможет отогреться душой. Чудом и благодатью своего художественного мира Диккенс способен изменить нас: очерстевшие сердцем смогут смягчиться, скучающие – развеелиться, плачущие – утешиться.

Сегодня книги писателя переиздаются большими тиражами, множатся экранизации его произведений. Причудливый и трогательный диккенсовский «мир истинный, в котором душа наша может жить» (Г. Честертон), на удивление отвечает нашему жизненному стремлению к внутренней гармонии и равновесию, затаённой надежде на то, что мы сможем преодолеть горести, беды и отчаяние, что душа человеческая выстоит, не погибнет.

Мысль эта с особой силой прозвучала в рассказе Честертона **«Любитель Диккенса»**: «...с Диккенсом искателю древностей делать нечего, поскольку Диккенс – не древность. Он смотрит не назад, а вперёд <...> Все его книги – не “Лавка древностей”, а “Большие надежды” <...> Ангел у гроба сказал: “Что ищете Живого между мёртвыми? Его нет здесь. Он воскрес”».

Последние слова завещания «великого христианина» Диккенса – о Христе: «Уповаю на милость Господню, я вверяю свою душу Отцу и Спасителю нашему Иисусу Христу и призываю моих дорогих детей смиренно следовать не букве, но общему духу учения, не полагаясь на чьи-либо узкие и превратные толкования».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России (Москва),
историк литературы

Натали БИССО

Поэт, прозаик, эссеист, поэт-песенник. Автор восьми авторских, более 50 международных сборников и более 100 песен. Член нескольких международных писательских союзов. Кавалер пяти международных литературных медалей, лауреат многих международных литературных и музыкальных конкурсов. Стихи переведены на 14 языков мира.

Что за печали

ЧТО ЗА ПЕЧАЛИ

Ну что за печали душой овладели?
Ты молод и свеж, и тот бес не в ребро,
Когда под шарманку романсы нам пели,
Слова вились золотом и серебром.

Не хватит вина заглушить страсть напитком,
Оставьте попытку упрёка в словах,
Пусть кажутся вам эти лозунги пыткой,
Вы пьёте вино на родных берегах.

Роман с продолжением длится уж вечно...
Полковник! В какой вы попали капкан?
Ах, время! Оно... Оно так быстротечно,
В нём стрелки на судьбах танцуют канкан.

КАК НИКТО НИКОГДА

Пусть кружит звездопад, невпопад покидая
Вселенную,
Пусть обрушится вмиг на планету сиреневый
зной!..

Я пленён навсегда добровольными сладкими
пленами,
Об одном лишь мечтаю: когда-то я буду с тобой!

Нет прекраснее чувств! Успокой мою душу
мятежную!

Если грех так любить – я давно болен этим
грехом!

Лишь в надежде на взгляд и улыбку твою
белоснежную

Я зализывал раны до одури грешным вином.

Чистотою души я влюблён в твою душу
красивую!
Ах, за что же мой Бог в жизни грешной меня
наградил?
Подарил мне твой образ с глазами невинно-
игривыми...
Я люблю тебя так, как никто никогда не любил!

Отмолю все грехи, я сполна нагрешил
на планете сей!
Будут вёсны кружить... Я с надеждою тайною
жил...
Изумлённо поведаю звёздам о новом сюжете я,
Что тебя так люблю, как никто никогда
не любил!

Обожаю тебя чистотой моей грешной души!
Не сравнимо ни с чем волшебство...
и твой голос, твой смех...
Я достиг уж давно самых высших блаженства
вершин.
Ты мой свет! Ты мой Бог! Моя жизнь,
мой причал и мой грех!

ДАВАЙ ЗА ДРУЖБУ

Стой, дружище, останься ещё!
Выпьем горькую нашу – до дна,
Я ещё январём не прощён,
И в душе ещё правит зима.
Знаешь, друг, сколько прожито лет...
В той ядрёной тоске лишь дождит.
Набежавший на чувства рассвет
Мою душу нещадно томит.

ПРИПЕВ:
Давай за дружбу, брат,
Давай за нас, за всех,
И коль нельзя назад –
То можно вверх!

Я с пробитой в бою головой
Умирал под прицельным огнём,
Ты прикрыл моё тело собой
Под свирепым свинцовым дождём.
Зацепился навек в той войне!

Пролетает судьба, словно дым,
Дочь – ровесница скоро тебе,
Ну а ты будешь век молодым!

Мы не виделись тысячу зим,
Пропечаталась в судьбах война,
Ты ушёл в том бою молодым,
У меня на груди ордена.
Стой, дружище! Давай допоём
Нашу песню, что пели тогда.
Я надеялся – мы доползём,
Но под пули внезапно попал.

ЗАВТРА БУДЕТ ИНАЧЕ

Одет в лохмотья душой и телом,
Под напряжением – нервы как струны,
Оберегая от тех, кто в белом,
Луч сверлит насквозь стрелою лунной.
Нанизан ветер на шпиль таверны,
К ней путь неблизок, но ждёт, наверно,
Укромный угол своё мгновенье,
Поможет быстро очистить скверну.

ПРИПЕВ:

Я был и не был, я жил и не жил,
Баталий – небыль, а раны свежи,
Я шёл навстречу – мне били в спину.
Любимым был ли? Любил в надежде.

Налей-ка, братец, мне кружку пива!
Мне б отрезвиться от этой боли!
Я был ли – не был, но жил красиво!
Шагал по жизни по Божьей воле.
И завтра будет вновь всё иначе,
Расправлю крылья, как белый ангел,
Пусть за стеною гитара плачет,
А я заплачу здесь, на бумаге.

БЕЗЫМЯННЫЕ

Мы жестоких ветров надышались
И жестоких кровавых времён,
Мы с любимыми расставались,
Не запомнив ни лиц, ни имён.

Нелегко нам давались победы,
Шли вперёд, не жалея сил,
Наши мамы, отцы и деды
Не увидели наших могил.

ПРИПЕВ:

Годы холодно лживы,
Не могилами лживы,
В вашей памяти вечно мы живы.
В вашей памяти вечно мы живы...
Живы!

Нет фамилий на плитах гранитных,
На полях нет крестов и холмов,
Не читают в церквях молитвы,
Не несут на могилы цветов.

Нет нигде нас теперь в этом мире,
Куст рябины лишь веткой махнул,
Здесь лежит человека четыре,
Ветер шепчет, что нас помянул.

ЗЕРКАЛА

Зеркала, зеркала,
Вы смеётесь в кривом преломлении,
В отраженье стекла
Ходят тени до изнеможения.
Зеркала, зеркала,
Вы живёте отдельными жизнями,
Вас молва предала,
И вы стали намного капризнее.

Зеркала, зеркала,
Вы казните, судьбою играете,
Выжигая дотла,
Вновь в глазах огоньки зажигаете.
Нет сердец в вас, тепла,
Вы и судьи, но вы и свидетели.
Зеркала, зеркала,
Вы злодеи, и вы добродетели.

Отражая печаль,
Вы смеётесь над бедными душами,
Вы уносите вдаль
Всё, что дорого, самое лучшее.

Зеркала, зеркала,
Вы загадочность жизни итожите,
Где тропа пролегла,
Там тропинку на сотни умножите.

И хранят зеркала
То улыбки, то тайные взгляды,
За завесой стекла
Нет сочувствия, нет и пощады.
В зеркалах, в зеркалах
Ты увидишь, что дальше в них будет,
В зеркалах, в зеркалах
Кружит вальс отражением судеб.

С НЕБА ПЁРЫШКОМ

Осень закружила листопадом,
Я брожу по золоту природы,
Мне других красот совсем не надо
В этой новой сказочной свободе.

Клин разрезал небо на рассвете,
Лебединой песней пролетая,
Ветер направленья не приметил,
С неба пёрышком любовь ко мне слетает.

Вот откуда перья золотые
Для сонетов нежности щемящей,
Небо дарит дали голубые
Для созвучий, сказочно манящих.

Ты летаешь в середине мая,
Задыхаясь высотой простора,
И паришь там с лебединой стаей,
Чтобы в осень отыскать мой город.

Ну а город лёгким, нежным вальсом
В осени прекрасной растворился.
С дерзким и упрямым постоянством
Этот сон давно мне ночью снился.

Я простилась с лебединой стаей,
Мне один секрет с вершин раскрылся,
Пусть на юг вся стая улетаёт,
Ведь к моим ногам вожак прибился.

Валерий МАЗМАНЯ

Родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего.

В 1975 году окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков.

Живёт в Москве. Работает в системе образования. Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

Налепит ветер белых птиц

О ВЕЧНОСТИ ЛЕТА ГУДЕЛИ ТРАВЕ ЗОЛОТЫЕ ШМЕЛИ

С начала июня – неделя,
Тюльпаны уже отцвели,
О вечности лета гудели
Траве золотые шмели.

А пышную зелень квартала
Губили не тучи, а зной,
Смотрел, как сирень отцветала,
Со мной одуванчик седой.

Я знал, что меня ты любила
И что не сойтись берегам,
Цветущая ветка рябины
Досталась февральским снегам.

Когда нас бывшее отпустит,
И память, и годы решат...
Мы кто? Только коконы грусти,
А бабочкой станет душа.

НАЛЕПИТ ВЕТЕР БЕЛЫХ ПТИЦ

Ветла проводит битый лёд,
Клин журавлиный встретим мы,
И белой бабочкой вспорхнёт
С весенних трав душа зимы.

Костистый тополь на плечах
Поднимет солнышко в зенит,
И в такт мелодии ручья
Ольха серёжкой зазвенит.

В дремоте чуткой тихий лес,
Февраль – не время птичьих гнёзд,
Но обещание чудес
Таит молчание берёз.

И пусть сегодня нелегко
Заполнить пустоту страниц...
Для нас с тобой из облаков
Налепит ветер белых птиц.

ВРЕМЯ ЛИЛОВЫХ ТУМАНОВ СИРЕНИ

Время лиловых туманов сирени,
Смеха, улыбок и откровений,
Синих ночей и метелей акаций,
Время, в котором нельзя нам остаться.

Звёзды слетятся к окну мотыльками,
Если захочешь, лови их руками,
Солнечный день или пасмурный вечер –
Радость такой же осталась при встрече.

Пух одуванчиков с бабочкой кружит,
Яблони цвет льдинкой плавают в луже,
Время – река без истока и устья,
Дважды войдешь – не расстанешься с грустью.

Следом за зноем – шумные грозы,
Ангелы трав – голубые стрекозы...
Время, которое ловим мы снами,
Знает, что будет по осени с нами.

ВЕТЛА ГРУСТИЛА О БЫЛОМ

Ветла грустила о былом,
Дремала тёмная вода,
Метнулась чайка и крылом
Разбила зеркало пруда.

Затеял рой стрекоз игру,
И ласточка грозу звала,
И ты шептала: «Не к добру,
К печали бьются зеркала».

И свет дневной во мгле пропал,
И росчерк птичьего крыла,
Петляя, нас с тобой тропа
По судьбам разным развела.

Мы друг от друга далеки...
А там, где встретили весну,
Сидят на зорьке рыбаки
И ловят звёзды на блесну.

ГДЕ ЦВЁЛ ШИПОВНИК ЗОРЬКОЙ АЛОЙ

Весь разговор – сплошные штампы,
За каждой паузой – усталость,
На тусклый свет настольной лампы
Ночные мотыльки слетались.

На травы и на сумрак сада
Летел снежок с ветвей акаций,
И всё зависело от взгляда –
Уйти совсем или остаться.

И ночь уже ждала рассвета,
Где цвёл шиповник зорькой алой,
С прощальным поцелуем ветра
Сирень у окон отцветала.

А я чуть было не прослушал
Слова из соловьиной трели,
Что мотыльками стали души
Тех, кто в огне любви сгорели.

**ЧЕРТИЛИ НА ОКНЕ СТРИЖИ
МАРШРУТЫ ТУЧ ПЕРЕД ГРОЗОЙ**

Дни шли привычной чередой –
Дожди, а следом – зной и пыль,
И колокольчик голубой
По травам скошенным звонил.

Чертили на окне стрижи
Маршруты туч перед грозой,
Любовь попробуй удержи
Словами, вздохами, слезой.

Ты торопилась – без плаща,
А у дождя такая прыть,
У двери шёпотом – «Прощай,
Ты научил меня грустить».

Душа поладила с судьбой,
Признал своим привычный быт...
А колокольчик голубой
Ночами в памяти звонит.

И КЛАНЯЛИСЬ, КЛАНЯЛИСЬ ВЕТКИ

Попрятались серые тени
В туманы цветущей сирени,
И кланялись, кланялись ветки
Безродному пришлому ветру.

Боялись во мраке остаться,
Срывались цветочки акаций,
Летели большим белым роєм,
Надеясь, что окна откроем.

Сначала стук тихий и робкий,
Потом – барабанные дробы,
Печалились мокрые ивы –
Опять бесконечные ливни.

А ты на окне запотевшем
Уже написала поспешно,
Под строчки стекло не линую:
«Ну вот и дождались июня».

СТУЧАЛА В ОКНО ВЕТКА КЛЁНА

Стучала в окно ветка клёна:
Ненастные дни – чередой,
Сорвал одуванчик корону –
Стоял перед ветром седой.

А дождь одну песню заладил,
Что грусти отмерено впрок,
И прятала рыжие пряди
Ромашка под белый платок.

Молчала душа виновато,
И мучила память виски,
Тюльпаны, как капли заката,
Роняли в траву лепестки.

Укутала пледом колени,
Вдруг ветка отпрянула прочь...
И облачко майской сирени
Поплыло в лиловую ночь.

ГДЕ ШМЕЛЯ УГОСТИТ ПОДОРОЖНИК

Не грусти, не вздыхай, что скитальцы –
Сновидения, память, душа
И в туманы цветущих акаций
Беззаботная юность ушла.

Не жалею, что уже невозможно
К облакам – через поле – босой,
Где шмеля угостит подорожник
Из зелёной ладошки росой.

И о том, как любила ревниво,
Не стыдясь своих слёз, говори,
Искупавшись, накинула ива
Розоватый платочек зари.

Одуванчик наденет корону...
А сегодня под песню ручья
Для тебя худощавые клёны
Принесли синеву на плечах.

РАЗБУДЯТ ВЕТЕР ДВЕ СИНИЦЫ

Разбудят ветер две синицы –
Закружит майских вишен цвет,
Не седины душа боится,
А памяти ушедших лет.

Пух тополей – метелью белой,
Пройдём и это, не впервой,
И ляжет то, что отболело,
На зорьке скошенной травой.

Дождь пошумел листвою и выпил
Всю синеву одним глотком,
К чему стенания и всхлипы –
Кто говорил, что жить легко?

Багряным пламенем тюльпаны
Горят у окон поутру...
И живы мы, и не пропали,
И устояли на ветру.

К 95-ЛЕТИЮ УЧИТЕЛЯ

Василий КИЛЯКОВ

ПРЕДСТОЯНИЕ

«Духовность – это то, что отозвалось в душе порывами милосердия», – так сказал незадолго до ухода Михаил Петрович Лобанов. Мне передала эти слова его супруга, наперсница и друг, хранитель огромного наследия – лобановского достояния – Татьяна Николаевна Окулова (Лобанова). Эти трагически правдивые слова девяностолетнего старца, как слова молитвы – проникновенной музыкой и тайной подсказкой для жизни, – звучали, не отпуская всю долгую дорогу в ночи из Екшуре до самой Москвы, до метро «Котельники». И даже в ночном московском метро я всё связывал с ними, вспоминал, процеживал сквозь сито этих слов воспоминания о нём. Его улыбку, жесты. Ненавязчивые, но всегда глубочайшие напутствия и советы при прощании.

Вот и теперь, даже покинув этот мир, он давал мне совет. Теперь уже через близкого и дорогого человека. Супругу. Так что же такое жизнь? В самом деле «Луковка» Достоевского? Но как же сурово, жёстко и безжалостно противостоит нынешний мир всем им, классикам нашим: и Достоевскому, и Лобанову, и Астафьеву, и Абрамову, и Распутину... И Бунину, и Куприну. И Льву Толстому даже! Этот «новый мир» противостоит всей нашей русской культуре. Той русской культуре, которая связывала наши малые народы воедино. И в СССР, и рань-

ше. И весь мир читал на русском Гамзатова и Айтматова, Лесю Украинку и Шоту Руставели. Мир осиротел, съёжился. Теперь эти республики, кажется, овдовели... Значит, не только «порывами милосердия» по отношению ко всем людям, к читателю была «та литература». Любовь. И все писания Лобанова как редчайшего её представителя. И вовсе даже и не «луковичкой» они оказались, а чем-то гораздо более важным. Большим. И для мира, и для «малых народов». Но вот уже стали забывать имена великих писателей и принимать навязанные привычки и правила. И вот в этой беспросветной тьме – как яркая лампочка зажглась, как чудо: Дворец культуры в Екшуре имени М. П. Лобанова!

Может быть, он сам, уйдя из земной жизни ровно три года назад, почти день в день, молится о нас. И праведной молитвой его о своей земле и Родине в его родном селе близ Спас-Клепиков случился этот подарок, это напоминание о том, что мы люди. Что у нас много обязанностей, а не только права. И о том, что нужно видеть во всяком человеке, даже незнакомом прохожем – замысел Божий. По слову Достоевского. И любить именно этот Замысел о человеке. Любить человека несмотря ни на что, даже если «по делам его» любить ну никак невозможно!

И мне всё никак не верилось, что в России даже теперь можно назвать район, улицу, Дом

культуры именем не либерального болвана или банкира, проворовавшегося мэра или чиновника, который всю жизнь свою «празднует блистательно», а именем героя, фронтовика, почвенника («русофил» – поганое слово, «русолюб» лучше). Именем человека, вся жизнь которого – Предстояние. Служение Отечеству и культуре. Учителство, литература и нравственное делание. Передача опыта жизненного и литературного. Бескорыстие и молитва.

Как радостно за эту победу среди бесконечной череды поражений и раздора, неприятия друг друга, мести, упрёков в рядах наших. Когда прощались в Екшуре с Татьяной Николаевной, я с тайной радостью (не был прежде знаком с ней лично) любовался ею. Знать, «и один в поле воин, коли ладно скроен!» Дочь фронтовика, участника обороны Сталинграда, – она, конечно, знает, что почём в этой жизни. И трогательная забота её о каждом из нас, обрадовавшихся возможности встречи и участию в освящении, открытии мемориальной доски Михаилу Петровичу, празднику и молитве за «благоденствие и чистоту» екшурского недавно отстроенного ДК...

Родные черты рязанцев, музыка хорошего чистого слова, добросердечие принимавших нашу делегацию в Екшуре. Видишь, слышишь, угадываешь в человеке своего. Глава района Николай Владимирович Крейтин встретил нас с нескрываемой радостью, как дорогих гостей. И эта предупредительная заботливость о всех и каждом большого, богатырского сложения человека была особенно мила и трогательна.

И вот Дом культуры в Екшуре имени Михаила Петровича Лобанова открыт. Дело сделано. Памятная доска (к которой в скором времени добавится мемориальная, с барельефом писателя) гласит: «Муниципальное учреждение культуры "Районный дом культуры муниципального образования – Клепиковский муниципальный район", филиал № 15, Екшурский сельский дом культуры имени М. П. Лобанова, 391022, Рязанская область, Клепиковский район, Екшур, ул. Красный Октябрь, д. 15/6».

Открытие памятной доски на новом ДК освятил и благословил священник отец Геннадий, один из лучших учеников Лобанова.

Есть в этом глубокий смысл, нечто провиденциальное: ученик-писатель освящает Дом культуры имени своего учителя. О. Геннадий Рязанцев-Седогин – член Союза писателей России, председатель правления Липецкой писательской организации Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств, член-корреспондент Академии российской поэзии, лауреат литературной премии имени Евгения Замятина, протоиерей. Я время от времени открывал в полутьме автобуса подаренную им книгу, читал первое, что открывала рука, читал из его нового романа: «Становящийся смысл» – это строящийся храм, место на земле, через которое проходит ось мироздания. Вся полнота жизни и земной и небесной вращается вокруг этого таинственного сооружения, а между тем люди, душой и телом привязанные только к земному, не замечают присутствия глубины, которая, впрочем, не умаляется от этого». Такая переключка с книгой «Внутреннее и внешнее» Лобанова поразила меня. Рукоположенный священник, протоиерей, настоятель храма Михаила Архангела в Липецке (который построил он помощью Божией и тщанием прихожан) взял груз со всей тяжестью его. И вот – несёт опыт учителя. Дальше, в будущее.

«По делам их узнаете их». По делам учеников познаётся величие учителя. И тотчас вспомнилась давняя, начала 2000-х годов, переписка Лобанова, опубликованная в его книге «Твердыня духа», с отцом Фёдором, монахом Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, который теперь уже и сам наставник. С каким уважением, даже почтением в этой переписке Лобанов-учитель обращается в ученику-монаху. Как высоко ставил он веру, духовный сан! Переписка их исповедална.

А нам на семинарах, уже в 1991-м, он разъяснял суть атак времени. На священников, на военных-офицеров в ту «пригорбачёвскую» бытность. Нападки на церковь и храмы в прессе. Он говорил так: «Во-первых, необходимо отделять саму веру от персоналий (и в героическом строю попадают неважные воины). Во-вторых, они, священники, рукоположены. А это значит,

что те, кто оступился (из священноначалия), по иному счёту сами за своё ответят перед Богом. Ответят на суровом суде иначе, чем миряне. И, наконец, ещё одно, и главное: даже из ржавого крана течёт святая вода».

...Вечер памяти Лобанова в Спас-Клепиках открыл глава Екшурского сельского поселения Олег Викторович Закалюкин. На вечере выступил глава администрации Клепиковского муниципального района Николай Владимирович Крейтин и многие другие. Много и хорошо говорили, тревожа аудиторию самыми насущными проблемами писателей и читателей.

Николай Дорошенко говорил об эстафете поколений, которая так много значила для Лобанова. От «Русского леса» и первой работы о нём Михаила Петровича до последнего его романа «Пирамида». Вспоминал Михаила Петровича и Александр Евсюков, молодой, но давно уже крепко, уверенно пишущий автор. Он вспоминал учителя, его *опыты духовной биографии* «В сражении и любви». Прочёл свой рассказ «Один», посвящённый соловецкому острову Анзер. Подписал книгу в фонд музея Екшура при ДК. А вслед за ним легко и свободно выступала и читала свои рассказы Софья Гуськова, актриса Театра Российской армии и тоже ученица Лобанова. Выступали и многие другие. Читали стихи и исполняли песни на стихи Сергея Есенина. Русские сарафаны, замечательные светлые лица. Праздник, даже при многочисленности приглашённых и присутствовавших в зале, получился камерным, уютным, почти семейным. Из родных в зале присутствовали: брат по материнской линии Николай Агапов, дочь Михаила Петровича Марина Могутина и его внук Глеб, сказавший много хороших слов об открытии Дома культуры.

Впечатления остались самые добрые. И не только потому, что здание ДК на родине Лобанова так ново, так чисто и уютно. Построен и оборудован корпус на перспективу для встреч с писателями от СП России, желающими поехать в Екшур. С будущими посланниками, которые пойдут теми же дорогами от ДК Лобанова, к храму. Теми путями, где хаживал Михаил Петрович. Сердце утешалось в Екшуре этим ми-

лым мягким гласным рязанским протяжным наречием. Так много «е» и «а». Округляют, бегут словеса, катятся. Освежают интонациями. Удобряют речь рязанцы метким народным словечком. Метафорой, пословицей. Щедро, даже с избытком порой. Так заметны, памятливы мне эти говоры с детства. Особенно в присказках и поговорках.

Я впервые в Спас-Клепиках. Припомнились записи Михаила Петровича, где он говорит о своей родине из поездок, с чужбины. Записывает он из какой-то азиатской страны примерно так: дождь, дождь и дождь. Несколько дней. Включил телевизор. Там прыгающая цветная обезьяна. Скорее выключить. Почему так просится душа домой, на родину, в чём дело? А дело в том, что память здесь, на чужбине, пуста. Не цепляется, не может ухватиться за события. На родине всё узнаваемо. Увидел куст – там бегал в детстве босиком. Там всегда помнится сокровенно, как вон у тех кустов мама обморозила ноги, когда рубили дрова в лесу. Всё цепляет, всё тревожит и наполняет воспоминаниями душу. За границей же, среди пальм, нет родовой памяти. Оттого и тянет так домой, к полноте сердца.

...Теперь и я побывал в тех местах его родных, о которых он говорил с такой любовью. Здесь он родился, здесь жил. К этой земле так сердечно был привязан. «На родной сторонущке – рад своей воронушке», метко замечали в народе. Даже вороне-«воронушке» и то рад. Михаил Петрович если и отъезжал за границу, то всегда ненадолго и стремился скорее вернуться домой.

Уверен, что рано или поздно Россия вернётся к подлинному осмыслению и переосмыслению наследия писателя, критика, публициста Михаила Петровича Лобанова. Переписка его с В. И. Беловым, В. П. Астафьевым, В. Г. Распутиным часто цитируется и издаётся. «Капитан Тушин», «боец на передовой» – по слову Юрия Павлова. Так жил, таковым и ушёл. Последние годы были особенно тяжелы. Быть может, если бы он продолжил преподавание в Литинституте и дальше, то и дни жизни продлились бы. Уверен, дело всей его жизни: обучение, воспитание

(воспитание духовное) молодёжи – было прервано намеренно. Кто, по чьему замыслу и умыслу вынудил его, профессора, руководителя творческого семинара кафедры творчества Литературного института с 51-летним стажем, заслуженного работника высшей школы России, почётного работника культуры города Москвы, написать в августе 2014 года это «заявление» на имя и. о. ректора? Эту «просьбу» «в связи со сложившимися обстоятельствами» *освободить его от занимаемой должности руководителя творческого семинара* «по собственному желанию». «Просьбу», ознаменовавшую наступление для Литинститута *новых времён* после ухода с поста ректора Б. Н. Тарасова и так дорого стоившую ему – фронтовику, наставнику с более чем полувековым преподавательским служением. С любовью к делу, к своим «семинаристам» – и их любовью к нему, с его абсолютным литературным слухом... Горько.

Я часто беру его книги с дарственными надписями и разговариваю с ним через его строки. С живым. «Василию Килякову, который собирался впопыхах, а оказался на Олимпе. Г. Владимир, 2 апреля 1996 года. Приём в СП России». Такая вот, с юмором, дарственная надпись на его книге «В сражении и любви». Вся жизнь его – сражение и любовь. Оставалось ощущение, что он отдаёт всего себя, без остатка. Не соотносил себя с людьми, как теперешние «волчата-писатели», «с их плебейской, мутной и безотрадной прозой» (его выражение), а именно жил, проживал судьбу каждого ученика. Он набирал семинары, искал талантливых. Талант был главным критерием его оценки. О его всепрощении ходили легенды. Никогда не забыть, как он здоровался. Крепко, внимательно брал за руку. Глядел прямо в душу. Не выпрашивал, но каждое слово он видел. Именно видел, а не только слышал... Или такая дарственная запись на книге «Твердыня духа»: «Дорогому Василию Килякову с сердечной благодарностью за внимание к моей литературной работе, что меня и трогает, и воодушевляет. Ваш Михаил Лобанов. 21 апреля 2011 года. Литинститут».

Он был твёрд. Не «умел быть твёрдым», а именно был таковым. Мягким же казался

только от любви, даже нежности к людям. Но жёсткость была для него не характерна. Помню, как он подписывал мне «Оболганную империю» с некоторой застенчивостью умудрённого человека, для которого борьба – всё-таки не самое главное в жизни. А главное – Литература (Литература, которую ещё во время дискуссии «Классика и мы» в 1977 году он, единственный из писателей, по словам Юрия Павлова, трактовал через категорию тайны как высшей потребности души). Культура. Творчество. Чувство родины. Принимать Человека как «сколок» образа Божьего – вот что было важным в его жизни. Понять эту тайну Божью – Человека. Разоблачив, преодолеть эту пропасть между величием и низостью человеческой. Да разве же разоблачению этой тайны не стоит посвятить жизнь, и в самом деле?! Величие человека – в его мечте, в стремлениях сердца.

...Что за тайна – он сам? Откуда вообще в русском народе эти вспышки-явления великих праведников и святых? Эти таланты из недр народных? Эти явления Духа? Среди нищеты, кромешного голода рождается в селе Иншаково в рязанской глуши мальчик. Под крышей из дырявой щепы или соломы, продуваемой всеми ветрами. Мальчик, который сам находит и выбирает, что ему прочесть, чтобы сформировать и «огранить» характер. Пишет первые рассказы в четырнадцать лет. А после войны, фронта, уже студентом, посылает последнюю краюху хлеба родным, матери и малолетним сводным братьям. В пять лет он остался без отца (мать, имея двоих детей, вышла замуж ещё раз – за вдовца, у которого было и своих пятеро, чтобы родить ему ещё четверых). По свидетельству родных, он сам, младовоин, еле-еле стоял на ногах от постоянного недоедания. А средний сводный брат Валентин иногда, путаясь, называл его папой. В письмах ему он так и писал: «Остаюсь, твой сын Валя...»

Что и как он читал в то время, о чём размышлял? И что это было за время, дальше, почти былинное, когда к семерым – среди беспросветного труда и недорода, голода – рождали ещё четверых? И жили! И при этом – гордость его, Лобанова, за нацию, за «цементирующую

все народы и республики» силу. Любимое слово его и высшая похвала поступка или писателя: «Настоящий русак!» С 90-х годов я слышал эту его похвалу подвигу того или иного человека, писателя, совсем нечасто. Мало кого он удостоивал таким званием, произнося эти слова. И как же оскорбляло его нынешнее засилье и эта дикарская «игра» – война на литературном поле – ныне живущих, повторяю, молодых «волчат» в литературе и в жизни. Помню, с каким недоумением – может же такое вообще случиться! – передал он мне однажды книгу «Десятка», в которой разве только Захар Прилепин не выпустил матерный рассказ, избежал этого. Как он, мастер литературного слова, был поражен, изумлен! Будто при нём поругали его святыню.

Литература была для него на втором месте среди святынь. И вдруг такое... Что же оставалось? Ему самому написать разгром на этих «волчат», тем самым давая им рекламу своим именем? Он выбрал другой путь – в противовес выпустил сборник своих выпускников «В шесть часов вечера каждый вторник». В этом сборнике под эгидой Литинститута он собрал прозу многих своих дипломников. В июле 2013 года книга вышла в свет (помощницей в литературной работе была супруга, Татьяна Николаевна). Ответ был достойный. Сверх того – явная, «чистая» победа через книгу в этом споре о нравственности. Не заочно, а делом – в этом весь М. П. Лобанов. Ответить, дать отпор, но ответить нравственно, достойно. Сопротивляться всячески «просвещённому мещанству» и особенно – непросвещённому.

Продолжим вспоминать под мемориальной доской в Екшуре. Первые рассказы Лобанов публикует в четырнадцать лет в газете «Колхозная постройка» (эти рассказы 1940–1941 годов были представлены в лобановской экспозиции в фойе ДК. Их разыскала, как я узнал, старейшая сотрудница Спас-Клепиковской районной библиотеки Г. Н. Ликий). В 1943-м – спецкурсы под Уфой и отправка из пулемётного училища стрелком на фронт. Август того же сорок третьего, Брянский фронт. Курская дуга. Разрыв мины и тяжелейшее ранение при наступлении. По его собственным воспоминаниям, правую руку он,

едва живой после атаки, «нёс как ребенка», от нестерпимой боли прижимая к груди. С трудом выбрался – повреждена кость. В конце войны, после увольнения из армии, этот мальчик из Иншаково девятнадцати лет поступает на филфак МГУ, который окончит с отличием. Однако в 1949-м он выберет не литературоведческие штудии, а совершенно иной путь. Получит назначение в ростовскую газету «Молот» – этого он и добивался.

Ростов. Вёшенская. Михаил Шолохов. Первая супруга с младенцем отказывается следовать за Лобановым и съезжать от матери «на пустую кочку».

Потрясённый «Тихим Доном», он собирает материалы для исследования о великом романе. Встречается с Шолоховым, которому напоминает, что тот по матери – тоже рязанский. «Не, – ответил гордо Михаил Александрович, – нет, я казак! Во мне нет мужицкой крови». И смешно, и трогательно... И ростовские степи, и Дон очаровали Лобанова совершенно. С трепетом из окна поезда разглядывал он те места, где Гришка Мелехов сажал хлеб и воевал. И там, в Ростове, происходит главное событие его жизни, о котором он напишет в книге «В сражении и любви». В одиночестве, обессиленный голодом и ослабленный ранением, переживает он тяжёлую форму туберкулёза. Не было сил пройти насквозь маленькую съёмную комнату, просто пройти от стены до стены. Из редакции его изредка посещали, приносили немного еды. Кровь шла горлом. Необычайная слабость из-за голода, едва ли не исход. И вдруг открываются высшие, непостижимые сферы. Об этом он говорил мне и писал гораздо позже, переосмысляя произошедшее, в той же книге – «В сражении и любви». «Благодать», – изречёт, вспоминая об этой грани жизни и смерти. И навсегда это чувство останется с ним, станет его путеводной звездой.

В самое жестокое для страны время 1991–1996 годов студенты учились у него стойкости, «непробиваемой» выдержке, стоической в православном понимании. Самое суровое время, если отсчитывать от окончания прошлой войны, – это 91–96 годы. Из далёкого пригорода, из самой Электростали, я ехал, шёл по метро, по этим

улицам великого града Московского, превращённого в помойку, мимо угрюмого памятника Пушкину, с немым укором склонившего голову, шёл к Литинституту. Каждый вторник, в шесть вечера. К Лобанову. На семинары. В душе – смятение. Столько ропота и недовольства... А главное – зачем жить?! «Василий, пиши». «Ты должен, обязан писать, несмотря ни на что. Пиши из себя, своё». Он словно отмывал, отстирывал и бережно отжимал наши души. И они снова вспыхивали, как ландыши, по есенинскому слову... Духовная баня. Этот жест его искалеченной на фронте правой руки, жест вперёд, как бы отдающий всего себя, – разве его забудешь?! Он как будто отдавал нам, отнимая что-то от себя, быть может, снова последнее. Как прежде мальчишкой – инвалидом Отечественной войны посылал свой паёк младшим братьям, так теперь он делился с нами хлебом своим духовным. Как и прежде, в военное и послевоенное время, отдавал последнее сводным братьям, так и теперь – ученику-«семинаристу» Василию Килякову.

Вижу его, как держит очки за дужку. Плечистый серый рябенький пиджачок. Отеческий взгляд с таким порой состраданием, от которого сжималось сердце, – таким, что и не передать словом. Всех выслушает, а затем взвешенно, с высоты огромного опыта, даст своё заключение. И тогда такие тончайшие пружины жизни становились отчётливо скрипучи, слышны и зримы. И оторопь брала: как же я-то этого не заметил? И вроде бы знал и видел то же, что и Лобанов. Но – не так цепко смотрел, что ли... Акцентировать, обобщать не умел? Прошёл мимо. И за «пустяки» почёл многое, за что-то не достойное внимания. А вот он, Лобанов, посмотрел и – увидел. Он словно с другой стороны показывал предмет, со стороны совсем неожиданной. И тогда мы, ученики, обмирали от внутренней радости, от понятного, раскрытого нам во всей полноте Предмета.

«Предмет, предметность». Он любил это слово – «предмет». Предмет как Божье изделие. Предмет как фактура – не выдуманное, а пережитое. Божье попущение или же – веление. Пережитое, обдуманное, внутренним жаром опалённое. Высказанное на бумаге становится

полновесным и только твоим. Слово благодатное, лобановское, слово *большого художника*. Любое, грубое и тонкое, он чувствовал. Надо возвращаться, возвращаться как можно чаще к его наследию. Бывать на его родине, непременно. Строг он был и к себе, и к «писательскому цеху» необычайно. Как тонко и со знанием дела, как пристально наблюдал он – до самых мелочей. И слова, и поступки оценивал. И как же русские писатели дорожили его мнением!

В. П. Астафьев просил его написать предисловие к своей книге «Последний поклон». Его переписка с В. Г. Распутиным, В. И. Беловым – бесценна... Уверен, не было писателя, который не желал бы, чтобы о нём написал сам Михаил Петрович Лобанов. С содроганием думаю, сколько потеряла литература оттого, что он был загнан в «ЖЗЛ». Но вот – написал «А. Н. Островского», «С. Т. Аксакова» – и опять промыслительный подарок. Это не просто биографии «русофилов», любимых писателей. Они связаны, навечно стянуты с насущным временем через «идеологическую борьбу между либералами, западниками и почвенниками». Издавна тлела эта война и необычайно ярко вспыхнула в начале 90-х. И всё же – литература превыше этого... Выше только сам Христос.

Лобанов выслушивал нас. Он знал, что в августе 1992-го радиостанцией «Немецкая волна» за литературный конкурс, объявленный «Дойче Велле» в газете «Труд», я был приглашён в Германию и два месяца учился языку в Гёте-институте. Такая была объявлена мне «награда». Интересный «подход» у немцев: обучить лауреата-писателя своему языку, показать свою культуру русскому молодому писателю. Это же не просто посыл. Тут всё с дальним прицелом: влюбить в себя, очаровать... А мы свой язык в школах и вузах сокращаем. Может быть, мы уже завоёваны? «Как же ты выдержал? – спросил Лобанов при первой встрече. – Я и двух недель там не прожил бы, в этом "погружении в чужбину"»...

И попал в самую точку. Пришлось признать, как я был поражён обилием пищи и вещей, особенно в западной части. Обилием совершенно ненужным. Излишеством, которое

некуда деть. Сорок пар носков одного размера и всяческой раскраски. В это же время в нашей стране – крупа была по карточкам, по два кило в руки, мыло по куску в месяц. Водка и табак только у спекулянтов с шестизначными астрономическими ценниками. А там – сияющие бронзовым и золотым отливом здания. Блистающие машины на промытых с шампунем шоссе.

А затем я поделился наблюдением, что при всей их сытости... глаза у них пустые. Как пластмассовые пуговицы на пальто. Улыбки натянутые. Доброжелательность фальшивая. И я так соскучился по родине, что нашёл уголок на Хайденбергштрассе с берёзкой и небом. Снимал ботинки и садился босиком на траву у берёзки, чтобы не было видно небоскрёбов, чтобы сердце отошло. Ах, Рязань, Рязань моя... Как же я заболел ностальгией. Эта ностальгия тяжелее всех болезней – даже и с COVID-19 – вместе взятых. Я купил приёмник и держал его под подушкой. Частушки Трухиной меня лечили, помогали хотя бы заснуть.

Никогда не забыть тот взгляд, с которым он слушал. Он был чуток к людям. К ученикам в особенности. И это тот человек, который нашёл и выбрал для учёбы в своём мастер-классе даже и Виктора Пелевина! Разве это не демократизм? Подлинный, честный. Казалось бы, что у них общего? В его духовных теплицах росли и согревались всякие, даже самые причудливые и необычные цветы. Лишь бы жила теплица среди мороза. Пусть и по-гаршински с *Attalea princeps*! Лишь бы был плод. Думаю, мы увидели бы совсем иного Пелевина, если бы он доучился у Лобанова. Ярче, содержательней, глубже.

Михаил Петрович был скромн удивительно. Никаких подношений не терпел, не брал. Однажды один из нас, дипломников, «просачковал», не принёс преддипломную работу, что было обязательным. Тогда студент «догадался»: купил дорогой японский кассетник-магнитофон, записал беседу трёх старух в электричке. Переписал-переложил их диалог, чуть отредактировал и принёс Михаилу Петровичу, выдав за «эксклюзив». Я никогда не видел прежде учителя таким рассерженным. «Что это? –

спрашивал он, возмущаясь. – Это что?» – «Повесть», – робея, отвечал студент. «У вас защита на носу, а вы приносите мне записку какого-то обывательского партсобрания!» Тогда студент не нашёл ничего лучше, как предложить: «Михаил Петрович, а можно я вам свой дорогой кассетник принесу? Чудо, что за магнитофон! Настоящий японец!» Взрыв ещё большего негодования потряс стены аудитории: «Конечно, несите, да поторапливайтесь. Ваш магнитофон. Но в бумаге, в виде хорошей повести или – расказами! Вот ещё выдумал! Магнитофон!»

Однажды был я свидетелем, как заочники, собравшись во вторник, разложили ужин. Сухую колбасу, хлеб... Удивительно совпало. Все работали и учились заочно. Один привёз горячие батоны с пекарни на Новослободской. Другой – колбасу сухую черкизовскую. Третий – молоко лианозовское. Пир горой. Я с удовольствием кусал, ломал, резал и жевал с моими гостеприимными друзьями. Михаил Петрович, в очках, лицом к нам, просматривал рассказы и повести к предстоящему обсуждению. Снедь была до того вкусна, что я не удержался, нарезал бутерброд, налил чаю из термоса, принёс и поставил перед ним. Он молча посмотрел на меня и вновь углубился в чтение. Ребята поняли мой жест доброй воли по-своему. И вот уже угощением был заставлен первый стол, и мы с радостью ждали похвалы. Как же, поделиться – первое дело. Не тому ли учил он нас всегда? Каково же было наше удивление, когда, дочитав рукописи, глядя пристально нам в лица, он несколько рассерженно и деловито сказал: «Так, всё? Всех присутствующих переписать в журнал. И убрать всё это! Какое-то паломничество, честное слово!» Это его точное: «паломничество» – никогда не забыть.

Позже приходил к нам на семинары о. Дмитрия Дудко. Невысокий, необычайной крепости и энергии священник... В широкой в пол епитрахили. Семинар в день первой нашей встречи длился часа четыре... О. Дмитрий пыливо и молодо переходил, почти перебегал от парты к парте, к каждому студенту в аудитории Литинститута, отдельно каждого спрашивал сам. И отвечал на вопросы с шутками, чем всех нас

сразу очаровал. Вразумлял нас, молодых осто-
лопов. Реагировал мгновенно. Это в его-то годы,
которые принято называть «преклонными».

М. П. однажды рассказывал, как в конце
80-х годов оказался с выпускником своего се-
минара Женей Булиным (ныне протоиерей отец
Евгений, настоятель храма Михаила Архангела
в селе Загорново в Подмоскowie) и Николаем
Тетеновым из США в подмосковном Черкизо-
во, где служил в храме и проводил беседы с
молодыми прихожанами священник Дмитрий
Дудко. «Устали в тот день смертельно, – рас-
сказывал Михаил Петрович, – после долгого
ночного разговора лёг я на диван в небольшой
комнатке батюшки, за тонкой дощатой перебор-
кой, отделявшей нас. Так устали от переездов
и выступлений – словом, "вряд до места", как
говорят, до кровати добраться бы. Проснулся
вдруг от какого-то еле уловимого движения,
шёпота. Отец Дмитрий подождал, пока все за-
снут, утомлённые заботами и хлопотами дня.
Встал – и молится, молится, молится...»

Затем я прочитал об этом эпизоде в его
книге «Твердыня духа». И здесь он уже не говорит
про усталость. Сколько скромности в этом эпи-
зоде о «недостижимости» священника нам, миря-
нам, в духовном надмирном плане. Священник,
который, молясь, как бы перемещается в высшие
сферы – в сферы Духа. Как непритворно уважал
он сан иерейский, монашество, благоговел перед
подлинным старчеством. И как чужд был сам
всякой гордыни, превозношения. Вот эти стро-
ки – сосредоточенная «внутренняя» сокровенная
интонация его, которую, конечно, почувствует и
читатель: *«Уже в конце 80-х годов мы втроем –
выпускник Литературного института Женя
Булин (ныне отец Евгений), Николай Тетенов из
США, редактор журнала «Русское самосознание»,
и я приехали в подмосковное Черкизово, где слу-
жил в храме Димитрий Дудко. После вечернего
богослужения, трапезы с участием большой
группы молодёжи – духовных детей батюшки –
мы отправились на ночлег. Я лежал на диване, а
за перегородкой стоял отец Димитрий и полу-
шёпотом читал молитвы. Днём мы прогулива-
лись с ним по берегу Москвы-реки, удивительно
широкой здесь, разговаривали на разные мирские*

*темы, для меня он был Дмитрием Сергеевичем,
чуть ли не коллегой по литературе. И вот те-
перь, слушая за перегородкой молитвы отца
Димитрия, я почувствовал недостижимость его
для меня, и все наши недавние дневные разговоры
были как будто с другим человеком. Было уже
за полночь, глаза мои слипались, одолевал сон,
я со всё меньшим вниманием прислушивался, а
он всё молился, молился, молился...»* («Твердыня
духа», стр. 940)

Творческий конкурс в Литинститут
в 1991-м был, к моему удивлению, пройден
сразу на два потока: к Евгению Сидорову на
критику и к Лобанову на прозу. Собеседование
было последним из пяти. И решающим – ма-
стер сам выбирал учеников. «...Так у кого же
ты желаешь учиться?» – был задан вопрос на
этом экзамене. По результатам творческого
конкурса и этого последнего экзамена пре-
подаватели, включая «оппонентов», пытливо
присматривались к каждому студенту. В ту
пору литература и сами писатели были в боль-
шой цене. Писатели были интересны, ценимы,
уважаемы, они задавали тон и направление
мысли, к ним прислушивались. На них на-
страивались. А. Б. Чаковский – и тот собирал
огромные залы. Теперь его вряд ли кто вспо-
мнит, а тогда...

Пройдя творческий конкурс, сдав экзамены,
я задумался. А подумать было о чём. Вспомнил
«синтез», синтетику Сидорова, какое-то много-
словие, от которого в душе ничего не осталось.
И полнокровные, полные энергии и жизни книги
Лобанова. Конечно, я мечтал печататься. И ясно
было, что Сидоров (в случае поступления к нему)
может открыть широкие врата в издательства.
А Лобанов? Лобанов научит писать. И тебя не
напечатают, наверное... И, конечно, ты будешь
сам биться в редакции. Такому человеку не ска-
жешь: помоги, устрой рукопись.

– У Лобанова. Только у Лобанова, – сказал
я приёмной комиссии.

«Оппоненты» Мариетта Чудакова и Ана-
толий Приставкин недовольно переглянулись,
заёрзали за широким столом, крытым зелёным
сукном:

– А почему?

– Я хочу быть плотником. Учеником плотника. – Я намекал на Писание.

– А столяром? – парировал Приставкин.

– Столяр – это иное... Не о столярном рубанке и клее речь...

И я увидел, как он, Михаил Петрович Лобанов, сидя с краю и улыбаясь, подмигивает мне, но так, чтобы никто не мог увидеть. Тем глазом, который обращён ко мне, в мою сторону... Но так скрыто и задорно, что и мне самому стало весело. Подмигнул мне, чтобы никто не заметил! Было в этом нечто от пушкинской шутки и от есенинского озорства... Какая-то забота отца была в этом забавном подмигивании. Теперь-то понимаю, что я волновался перед столь представительной комиссией, в которой не знал и половины докторов наук и профессоров... И запомнил его заключительные слова, сразу снявшие напряжение:

– Хороший плотник, он же и столяр. И критику не оставим, и прозу подтянем. Берём!

Он учил, что литература – не забава, а сама жизнь. Точнее, ток этой жизни, её кровь – Литература (именно так, с большой буквы. Не игра в «сюр» и «пост», поиск самого фермента, наблюдение, способность убеждать образами). Литература – то, на чём воспитываются поколения. Как на его любимом «Тихом Доне», не случайно он и перед самым своим уходом вернулся именно к этой книге. Отними у нас классику: музыку, поэзию, прозу – и мы никто. Не нация. Не оттого ли немцы рассеивают по всему миру свои языковые центры, «Гёте-институты», перевербовывают в свою веру, добиваются поклонения своей культуре?..

...Однажды он пришёл на семинар чернее тучи. Из лазарета больничного. Было это так. Семинар во вторник накануне отменили, случай – редчайший. Лобанов был во вторник всегда, вёл семинары, что называется, «без дураков». Приди я один или любой из нас. Он два-три часа, как по обыкновению, вёл бы семинар, не считаясь со временем, для одного. И вот – семинар отменён. Это случилось в канун дня и ночи расстрелов октября 1993-го. Мобильных телефонов тогда не было, а оповещали студенты друг друга по стационарным. И вот известие, горькое: Михаил

Петрович лежит в клинике с серьёзным диагнозом. Лёгкие. Он периодически ложился на диспансеризацию, но тут открывшиеся каверны. Ноябрь, снова затемнение лёгкого. И вот атака на Белый дом – и объявление из деканата: «Лобановцам-семинаристам собраться во вторник на семинар. Непременно». Конечно, тайная радость сначала. «Значит, подлечили...»

И вот вошёл. Высокий. Голова по обыкновению чуть закинута назад, но в тот день более обычного, что значило: он внутренне напряжён. Повесил гороховый плащик на вешалку в аудитории. «Все собрались?» – «Все». И вдруг – вскинув брови, стоя: «Стрельба. В столице! И это – в самом центре Европы! В Москве! По своим. По народу! Я никак не мог понять, что это... – взволнованно говорил он нам. – Какой позор на весь мир! Как в какой-нибудь Замбии или Бангладеш! Что происходит?!»

Оказалось, что там, в больнице (куда он периодически ложился и подлечивал лёгкие, с той давней, из Ростова, болезнью, переросшей в хроническое недомогание, мучавшее его), он по окончании процедур вышел в зал клиники. В стационаре смотрели новости. Он никак не мог понять, отказывался верить, что это будни Москвы октября 1993-го. В тот же день он покинул больницу, не долечившись. Просто ушёл, кашляя и задыхаясь... Он и с нами говорил в тот день, подкашливая... Бледный. Серый лицом.

Но об этом мы узнали лишь спустя годы. После стрельбы по Дому Советов (он не переносил слов «Белый дом» – этакое реверанса Америке). И я через годы снова переживаю, вспоминая об этом. В этом он весь: ушёл из клиники, не завершив поправку своего здоровья, чтобы успокоить нас, своих учеников.

Не все разделяли его убеждения. Даже не так, разделяли – немногие. Не всё было гладко в преподавании, периодически слышались провокационные вопросы от студентов. И как же было стыдно за вопрошающих «с подтекстом». И жаль было его. Он отвечал им порой смущённо, но всегда взвешенно и доходчиво. Очень сдержанно и корректно, явно жалея их самолюбие. Конечно, он мог ответить – отбрыт так, что только держись. Но не уничтожал. Но

тогда собеседник был бы осмеян, взбешён, затаил бы ярость. И носил бы камень за пазухой. Он вообще никогда не довел, не давил, не навязывал своего мнения. Каждый шёл своим путём...

«За всю жизнь мне так и не пришлось встретить человека, который бы с таким чутким вниманием, граничащим с отцовской любовью, относился бы к творчеству своих подопечных. Для него все мы, невзирая на лица и возраст, национальность, убеждения и на меру таланта, были учениками, его студентами, по-родственному близкими, за которых – и это ощущал каждый – он нёс какую-то высшую ответственность, своим собственным примером являя нам исполнение нравственного закона. В то безбожное, полное политического лицемерия время он был для нас евангельским самарянином, который врачевал наши души, возливая на их немощи вино своей мудрости и елей любви». Прочитал недавно в журнале «Славянка» (2018, № 1) эти слова выпускника семинара Михаила Петровича 80-х годов Сергея Тимченко из его статьи «Лобановская твердь» – предисловие главного редактора к открывавшейся в журнале новой рубрике – «Лобановские чтения». Как это верно! Нёс какую-то высшую ответственность, всем примером своим являя её исполнение. «Нравственный закон» – как это точно сказано! Мудрость и такт Лобанова были как будто не от мира сего.

И вот – Екшур, Дом культуры в его родовом селе. Неужели что-то меняется? Неужели мы выбираемся, выходим, выдираем ноги из этого – долгие четверти века сдерживающего нас – болота невежества и халтуры? Но попытки выдраться были и раньше. Я знаю, что президент вручил ему высокую награду. Но, наградив, вылетел в Екатеринбург... открывать Ельцин-центр.

Тайна жизни всякого человека «велика есть». А Михаила Петровича Лобанова – тройне... Всё пытался найти, объяснить себе, в чём кроется эта тайна. Тайна его избранничества. В тяжкой боли и последствиях военного ранения? В туберкулёзе? Откуда ему этот дар и наказание – боль русской души за весь свой народ? Эти мука и благодать... За тяжко прожитую жизнь. От стены до стены в нанятой ростовской квартире – дистанция длиною в жизнь. Оттуда

«Твердыня духа», оттуда «В сражении и любви». Бессребреник. Избранник Божий через страдания. Его сила, его корневая система помогли ему вынести то, что творилось и со страной, и с отдельными людьми. Выдержать то, чего иные и не поняли, протерпели, как терпит растение или животное... Четверть века после той пресловутой «перестройки». Чтобы учеников вытащить и образовать. Не «образованцами» отпустить в жизнь, не «просвещёнными мещанами».

Скольких он вывел из окружения, сохранив и знамя, и честь?! Сколько их было, спасённых им душ, за пятьдесят один год его преподавания в Литинституте?! Из того страшного времени «озверения», окружения он вывел нас за руки, под руки. Никто не сел. Кто не научился писать, тот не пропал. Порукой тому – одно из последних его интервью с крепким и недвусмысленным названием: «Наш народ попал в талмудистскую западню» (газета «Русский вестник», в № 5 за 2015 год – отрывок из большого интервью выдающегося писателя). Поистине «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы».

Иногда живу так, как жил он. Точнее, пробую так жить. Пытаюсь... Так, чтобы, совершив тот или иной поступок в жизни или в писании, видеть и слышать сквозь тусклое стекло... Так, чтобы никогда не было стыдно за содеянное, за сделанное, сказанное или написанное. И тогда я думаю: если здесь и сейчас я поступлю именно так, а не иначе, одобрил бы меня Лобанов? И как же трудно жить без компромиссов. Тогда не жизнь – а Предстояние, служение. Окопная земляная правда под высоким небом, под звёздами. И нет укрытия ни для одной мысли, ни для одного деяния, ни для одного движения души. Очень непросто жить так. Даже если – только временами. В этом вечном движении и кружении жизни забываешь и отпускаешь момент, как монах порой забывает о чётках. Как сложно, как архисложно жить не минутными потребностями, а вечностью, дыханием вечности. Это как стоять в морозную ночь на камне и молиться. Не отпускают обязанности, привязанности и дела. А как же он? А он?..

А он – жил так всегда.

Поэт и художник
Геннадий ХАЛДИН

«Поэтические души говорят...»

ЭТЮДЫ

Этюды – мазками, но пишутся словом,
Картины рисуют о прожитом,
О времени прошлом, о времени новом,
Сцены являют об этом и том.

Травы июньские, буйно растущие,
Стелются плотно листом на восток;
Солнца лучи, уж по-летнему жгущие,
Поздним растениям дали росток.

Корзина полна и прикрыта листвою,
А дух земляники неповторим;
Идёшь по тропинке: летит над тобою
Ярко-зелёный лесной херувим.

Один днём любовался,
Думал думу: как жить?
День благому являлся –
Счастьем всех окружить.

Забелела ромашка,
В черноте белена.
Днём чирикает пташка,
Бдит ночами сова.

Отступило ненастье,
Вёдром тешился день.
Кралось по веси счастье,
Тень бросая в плетень.

А ты вышла на стерню
В платье белом летать,
На главе было терние,
Вышла милость сретать.

ПАССАКАЛИЯ

Вознеси, ветер, радость,
Унеси, туча, скорбь.
У одних цветов – сладость,
У других – горечь, соль.

Закружился листочек
И упал на плетень.
Этот сделал виточек
И прилип на ступень.

Из небес, поклон деля,
Ангел блага слетел,
На чело твоё белое
Позумент он надел.

Наступило говенье,
Благо радости дня,
Отступило смятенье
На душе у тебя.

И взлетели вверх блики
Из берёзовых глаз,
И пролил свет на лики
Милость дарящий Спас.

* * *

Лебединые плечи саней:
Снежный хруст от них издали слышен;
Понукнуть бы по крупам коней,
Прокатиться по Суздаю, выше.

В Боголюбове тишь и покой:
Земля пращуров снегом покрывалась;
На Нерли отразилась главой
Покрова – вроде шалью накрылась.

Её апсиды снежно-белы,
Купол стройный в златистом уборе,
А рельефы на стенах даны
Сказкой каменной в древнем декоре.

Здесь земля по-иному тиха,
Здесь земля не боится угрозы:
Землю эту хранит Покрова;
Здесь лишь зимы и летние грозы.

* * *

Я тебя ощущаю капелью,
Я тебя ощущаю небом
И растущей зелёной елью,
Свежевыпеченным ночью хлебом.

Я тебя ощущаю ветром
И порхающей в выси мыслью.
Я тебя ощущаю метром
В стихе ладном, написанном кистью.

Я тебя ощущаю солнцем,
Неоглядно бегущей далью,
И глядящим чрез воду донцем,
И скрывающей лик вуалью.

Я тебя ощущаю сердцем
И сердечной ночью болью;
Я тебя ощущаю перцем
И посыпанной в рану солью.

КАРИАТИДА

Она устала мраморный держать карниз,
Согрела кровь, из камня в плоть переродилась,
Афине поклонившись, поспешила вниз,
Из стен Акрополя ушла, за фризом скрылась.

Она по долам голубым себя несла,
Ветра трепали каннелюры, солнце грело.
Она изящество фигуры берегла,
Её пропорции, и гибкость бронзы тела.

Её желание – собой украсить мир,
Облагородить зачерствелость серой ткани,
Для стрел сердечных приспособить лучный тир,
А ойкумену отбелить от грязной длани.

Мир был наполнен злобой, ложью знатных виз;
Среди цветов у белены возрастала серость...
Эрехтейон пред ней. Вновь подняла карниз
И замерла пред Никою Аптерос.

РЕНЕССАНС

Своды неба слогом расцвели,
Цветом изумительным и ясным,
И химеры в храмах не плели
Неразумных дев убор напрасно.

С ликом Богородицы взошёл
Дух пространства, просто говорящий,
Против мрака серого нашёл
Свет небесный, серебристый, вящий.

И каменьев тяжкие пуды
Обнажали мраморное тело,
И Петрарки светские труды
Жизнь Лауры пронесли умело.

Фресок известковых, красок век
Прошагал с триумфом, величаво,
И Давид пращу держал, как стек,
Чтоб пустить её во вражье жало.

Там свелись великие умы,
Там весна качалась на качели,
Там прельщенье было у луны,
Как в картинах Сандро Боттичелли.

УЛЫБАЮЩЕЙСЯ

Улыбка Её от лица отделится,
Напишется файлом в пространстве планет;
Улыбка Её крупной цифрой внедрится
В сверхпамять носителя дальних комет.

Улыбка Её все разрушит преграды
В общении между людьми на земле:
Она как подарок, как гость у ограды,
Как солнечный зайчик на чистом стекле.

Желанное благо всему улыбаться
В течение дня и в предутренних снах;
Желанное благо с улыбкой встречаться
Навстречу идущим на ваших губах.

Улыбка Джоконды в загадке нетленна,
Но писана на Возрожденья холсте;
Её же улыбка жива, безвременна
И в Космос уйдёт на кометном хвосте.
Всё так же от ладана розовый лился
Тот свет от младенца к апсидам в крестах,
Когда Симеон к небесам удалился
С такой же улыбкой на ветхих устах.

ПОМИНАНИЕ

Памяти П. А. Флоренского

Над Белым морем чайка красная.
Стране не нужен Леонардо,
Ей нужен крап, ещё кувалда
Да тишина в ночи ужасная.

Да помяни его, загубленный
Народ, безбожный и бесправный!
Преобразись, народ базарный,
В единовый и разумный.

На островах погода серая,
Крестов узоры, в камне холод.
Не дай, Господь, нам страх и голод...
Над Белым морем чайка белая.

* * *

Содержи Россию в чистоте,
Свою душу вымой прежде тела,
Сохрани в российской красоте
Лучшее, что та всегда имела.

Поддержи Россию на витке,
Оборону – в жёстких рукавицах.
А не то окажется в руке
Паутина на вязальных спицах.

Придержи Россию на узде,
Беспредел – карающей ступицей,
Чтоб не появились вновь везде
Только жмых да водка с чечевицей.

Возлюби Россию в простоте
И найди в ней ценное, святое,
Поддержи в извечной правоте,
Вымети наносное, пустое.

* * *

Прилетели снегири,
На оградку сели,
С ясноокиим ангелом
Литию пропели.

И взлетели, как мячи,
Дичку поклевали,
И окно, где свет свечи,
В лоб поцеловали.

А потом, вспорхнув душой,
Вихрем улетели –
На снегу остался пух
Брошенной кудели.

Улетели вверх, туда,
Где Господь трудился,
Где повисли облака,
Небосвод кружится.

Валерий РУМЯНЦЕВ

* * *

Умей ценить весь мир в предельно малом,
 В избытке ценность падает в цене.
 В тайге сибирской ложечка крахмала
 Вдруг воплотится в жидком киселе.
 И примиришься с комариным зудом,
 Глотая ароматное питьё.
 И на тропе стволов упавших груды
 Не так уж будут вызывать нытьё.
 Умей найти и в крошечном усладу –
 И в жизни обретёшь надёжный щит.
 Пинки судьбы считать за благо надо,
 Тогда она плохого не свершит.

* * *

Жизнь проползла улиткою по склону.
 Устав, на миг присела отдохнуть.
 И Ветер, налетая, нежно тронул
 Её тоской наполненную грудь.
 И молвил Ветер: «Ты ведь так устала,
 Усни спокойно. И увидишь сон.
 Всё то, о чём когда-то ты мечтала,
 В явь превратить тебе поможет он.
 Усни спокойно. Время быстротечно.
 Во сне оно течёт ещё быстреей.
 Ты не заметишь, как проходит Вечность,
 И постепенно растворишься в ней».
 От ветра тьма над склоном потянулась,
 Чтобы скорей забыться и заснуть.
 А Жизнь в ответ лишь тихо улыбнулась
 И снова поползла в свой дальний путь.

* * *

Когда бестемье подступает
 Тисками жёсткими к груди,
 И мозг от жажды изнывает,
 И нет просвета впереди,
 Когда звучит в ушах недужно
 Бессмыслиц заунывный хор,
 Судьбу схватить за горло нужно,
 Чтоб прекратить весь этот вздор.
 И, в пальцах ощутив биенье
 Перепугавшейся судьбы,
 Суметь отбросить прочь сомненья
 И не ловить её мольбы.
 Свернуть ей шею, усмехнуться
 И, гордо выпрямясь, идти
 Куда глаза глядят, споткнуться,
 Но вновь надежду обрести.
 Встречать с готовностью проблемы
 И весело кидаться в бой –
 И вот тогда закружат темы,
 Как комары, перед тобой.

* * *

В день, когда был Христос распят
 С наивной верой в свою долю,
 В крови по локоть плыл закат
 Над обездоленной землёю.
 Казалось, был обычный день,
 И ничего не предвещало,
 Что снизойдёт на землю тень,
 Убив надежду как кинжалом.
 Приняв страданья за людей,
 Давая им пример терпенья,
 Христос не думал о вреде,
 Что миру принесёт смиренья.
 Он свято выполнял наказ
 Отца небесного, не зная,
 Что слышит он не Божий глас,
 А это дьявол с ним играет.
 И снова победило Зло,
 Являя власть свою пред миром.
 Но только люди, Злу назло,
 Иисуса сделали кумиром.

* * *

Ночь. Шорох шин. Змеиной шкурой
 Дорога растянулась вдаль.
 Сижу, усталый и понурый,
 И жму сердито на педаль.
 И кто погнал меня средь ночи
 Через чужие города?
 Сидел бы я спокойно в Сочи,
 Нет, мчу неведомо куда.
 Рычит мотор на поворотах,
 Ему бы тоже отдохнуть.
 Но продолжает гнать нас что-то
 Невидимое в дальний путь.
 И так всю жизнь. Без передышки
 К неясной цели мы летим.
 В душе до старости мальчишки,
 Хоть в том признаться не хотим.
 А цель мелькнёт за поворотом,
 Вгоняя сердце снова в дрожь,
 И кажется, что жизнь – охота,
 А вот за чем, не разберёшь.

* * *

В начале всех времён, когда носился Хаос
 В бесцветной круговерти Ничего,
 Уже тогда мне сразу показалось,
 Что, мир создав, я застыжусь его.
 Но усомнился я в своих сомненьях,
 Разрушив бесподобное Ничто.
 А это было, как всегда, прозреньем,
 И вновь я совершил совсем не то.
 Я создал мир. Я за него в ответе.
 Я это даже где-то признаю.
 Но то уже, что в мире Солнце светит,
 Снижает опрометчивость мою.
 И пусть в меня и верят, и не верят,
 Не для молитв я вызвал к жизни Жизнь.
 По сути, жизни – лишь входные двери.
 За ними ждут другие рубежи.

ПТИЦА-ТРОЙКА

Что в России сейчас: перестройка
 Или что-то иное – не знаю,
 Но безумная русская тройка,
 Как и прежде, несётся по краю.
 Слева – пропасть, а справа – болото,
 Лишь по краю и можно промчаться.
 То ли Русь догоняет кого-то,
 То ли с кем-то не хочет встречаться.
 Мчать по краю – привычное дело.
 На авось, как всегда, уповая,
 Русь проносится там, где слетела
 В пропасть сразу бы тройка другая.
 И хранит Провиденье покуда
 Для своей непонятной затеи
 Это страшное русское чудо –
 Птицу-тройку, что мчит всё быстрее.

1993 ГОД

Кругом весною радостные тайны.
 Люблю я страстный лебединый крик,
 Люблю я первый гром, когда случайно
 Сквозь небеса он слышится на миг.
 Кругом веселье, юность и цветенье.
 Ещё в горах возникшая вода
 Несётся вниз с каким-то нетерпением,
 Сбежав от неподвижной жизни льда.
 Кругом весною буйные надежды,
 Мир серый словно красками покрыт.
 Спешит природа в праздничных одеждах
 Будить всё то, что слишком долго спит.

ПРОХОДИМЕЦ

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

У главного героя великих произведений Ильфа и Петрова существовали некоторые разногласия с действующей властью: она желала побыстрее построить социализм, а он нет. Разногласия действующего лица моего рассказа с императором Романовым тоже существовали. Самодержец утверждал, что воровать грешно, Свавов придерживался иного мнения.

* * *

**1887 год. София. Фешенебельный
отель «Лихтенштейн»**

Битый час цирюльник ожидал вызова в президентский люкс. Но настроение от этого хуже не становилось. Ещё бы, ведь именно его, а не кого-нибудь другого пригласили обслужить французского графа де Лортека! Заплатили щедро! А какие могут быть чаевые! Если он сумеет угодить высокородному клиенту! Ещё пара подобных заказов, и можно думать о расширении своего маленького бизнеса.

Но то, что произошло двадцатью минутами позже, не мог представить ни брадобрей, ни клиент.

– Не он! Точно! Подбородок этого господина мне хорошо известен! Я его брил! И не раз! В империи! Он не француз! Это другой человек, из России!

Как и многие из нас, не умел мастер помазка и бритвы держать язык за зубами. А посему остался без щедрого вознаграждения, а несостоявшийся клиент без болгарского трона.

Софийская полиция от греха подальше экстрадировала лжефранцуза в Российскую империю.

**1937 год. Шанхай. Китай.
Полуподвальная каморка**

В этот день Никита Генрихович Свавов разоткровенничался. Виною тому обаятельная журналистка Стефана Бедельсон, прекрасно знавшая своё дело.

– Де Лортек – это, скажем так, ваш профессиональный псевдоним? – Женщина поставила галочку в блокноте, исписанном убористым почерком.

– Вовсе нет. Я потомственный дворянин. Матушка Свавова, в девичестве графиня де Лортек.

С минуту помолчав, журналистка внимательно посмотрела на собеседника и вдруг выпалила:

– А расскажите, с чего всё началось.

– Что началось?

– М-м-м, как это будет по-русски? Грехопадение.

Интервьюируемый нисколько не смутился. Наоборот. Его лицо посветлело, а в глазах забегали чертенята.

– Так назначили же!

– То есть? Не поняла.

– Это история длинная.

Вместо ответа женщина демонстративно перевернула страницу блокнота и приготовилась записывать.

– Я в молодости не обладал даром великого актёра или оратора-политика. Хотя, чего греха таить, Всевышний вложил в меня некие частицы этих ремёсел. Плюс к тому тягу к изучению чужих языков. Знаю их штук десять или двенадцать. И кое-кто это оценил! – Старик ждал вопроса, но журналистка писала не поднимая головы, и он продолжил: – В молодости развил в себе ещё один талант. Обладал способностью чувствовать себя как рыба в воде в аристократическом обществе. Однако для этого требовались немалые деньги и соответствующий прикид.

– И как же решали эту проблему? – поинтересовалась собеседница.

– Элементарно. Вам, наверное, известно, что в те годы я на законных основаниях носил военный мундир офицера. Облачив-

шись в него, посещал мастерскую по пошиву элитной обуви. Просил изготовить дорогую пару модных туфель. После чего поспешал к конкурентам и делал аналогичный заказ. В положенный срок приходил за обновкой и требовал переделки правого ботинка, утверждая, что тот нестерпимо жмёт. При этом левый забирал с собой. В другой мастерской мне уже не нравился левый. И вуаля! Ваш покорный слуга, не заплатив ни копейки, щеголял на балах и светских собраниях в дорогой паре новенькой обуви.

А трюк с засахаренным тараканом, обнаруживаемым в ресторанном десерте, вскорости стал классикой. До сих пор успешно используется авантюристами разных стран. Вы можете не поверить, но я горжусь выдумкой с участием мёртвого насекомого.

– Вы упомянули, что получили приказ из некой секретной службы. Расскажите поподробнее.

– Барышня! Приказать Свавову не может никто! Что помню, поведаю. Извините, ежели детали этого дела запаматовал. Возраст, знаете ли, не тот. Многое забывать стал. Было это, кажется, в феврале 1872 года. Из канцелярии императора в жандармерию переслали письмо, адресованное одному из членов царской семьи. Некая особа по имени Фанни банально соблазняла племянника Александра Второго. Обыденное дело. В Российской империи подобных дамочек пара-тройка сотен същется. Однако шеф жандармов Пётр Шувалов не без основания полагал, что мадемуазель завербована германской разведкой. О моих способностях этому господину было известно многое. Вот он и предложил вашему покорному слуге в обмен на амнистию по прошлым аферам сделать так, чтобы воздыхательница навсегда забыла о существовании богатой дичи для любовной охоты. Деваться некуда. Пришлось стать другом высокопоставленного вельможи и как можно скорее оказаться в его свите.

Журналистка отложила ручку.

– Припоминаю. Об этом писали крупнейшие газеты. Кажется, у матушки молодого князя пропали бриллианты и другие украшения.

Тем не менее доблестная полиция Российской империи быстро отыскала их в ломбарде Санкт-Петербурга. В светских салонах шептались, что высокородный сынок это и организовал. Для бесперебойного финансирования всё возрастающих потребностей некой танцовщицы по имени Фанни. Я ничего не путаю?

Старик кивнул. И продолжил:

– Царская семья быстренько спустила дело на тормозах. Князя объявили больным и сослали куда подальше. Меня же выгнали со службы. Да я об этом нисколько не жалел. Вырученных денег хватало на шикарную жизнь за пределами империи. За сутки мог обзавестись паспортом любой страны и стать доверенным человеком в свите высокопоставленного вельможи.

– А героиню этой авантюры, надеюсь, арестовали?

– Успела удрать за границу. И тут же состряпала книжицу мемуаров. Для убедительности опубликовав в ней полный текст писем опального члена царской фамилии.

– Вы ведь тоже осели в Париже? Не так ли?

– Свободный город. Лёгкие нравы. Выдал себя за идейного политэмигранта. По приезду организовал интервью прикормленным газетчикам. Откровенно поведал, что царские побрякушки реквизирует исключительно для нужд будущей революции. Потом меня перестали пускать в казино Монте-Карло.

– Почему? – Стефана удивлённо вскинула брови. – Проиграли все деньги?

– Нет, конечно. По старой привычке устроил скандал. Орал, что прилюдно разденусь догола, тем самым докажу, что меня обобрали в столь приличном заведении. В качестве компенсации потребовал тысячу франков. И получил! Чуть позже прочёл в газете: «Итальянской армии требуется не один десяток табунов породистых лошадей». В знании особенностей коневодства равных мне не было. Вот и выходит, что сам бог велел развести «макаронников» на многомиллионный аванс. Но заметьте: из этих денег я честно

погасил государственный болгарский долг. Хотел преподнести на блюде «братушек» российской короне. А попутно стать царём Болгарии! Если бы не гнусный брадобрей, то всё бы удалось!

– Кажется, после этого случая за вашу персону взялись основательно. Упрятали в далёкую Сибирь!

Вместо ответа старик с трудом поднялся. Вынул из тумбочки пожелтевшую газету. Протянул гостю.

«Ленский листок» информировал, что гражданин С. умудрился продать местному купцу пять тысяч ведер спирта с завода, существующего исключительно на бумаге.

* * *

Через пару недель после этого интервью «великий комбинатор» очутился в госпитале католической миссии. Цирроз печени не оставлял никаких надежд на благоприятный исход. Поняв это, старик потребовал к себе православного священника. Сердобольные люди отыскали в окрестностях только монаха-единоверца.

Проходимцу пришлось исповедовать-ся ему. Но даже заглядывая в лицо смерти, великий обманщик, мягко скажем, лукавил. Утверждал, что отыскал в Китае сына, которого родила брошенная много лет назад любовница. И последняя, неудавшаяся, афера с продажей вагона часов затеяна исключительно для того, чтобы оказать материальную помощь молодому человеку.

* * *

Вечером Никиту Генриховича уже отпевали в малюсенькой церквушке, приютившейся на окраине большого города. Монах, отпуская в могилу измученное тело, бросил в неё горсть русской земли, привезённой им с далёкой родины.

Александр РАЛОТ

Лилия ВЫСОЦКАЯ

Перевод с украинского Анастасии
Вороницовой

* * *

Я очень запуталась, милый,
Мне так без тебя одиноко.
Мой белый кораблик уныло
Подходит к границе далёкой.
Его капитан одноглазый
С бутылкою рома в кармане...
У ног его, словно алмазы,
Осколки пустых обещаний.
Прошу, стань звездой ночью,
Свети, мне надежду даруя.
Я знаю, не быть нам с тобою,
Но быть без тебя не могу я.

* * *

Когда погаснет жизнь, в тот горький миг,
Когда застынет сердце, леденея,
В небытие уводит проводник,
Вздыхая, что виски уже седеют.
Он с каждым по душам поговорит
И каждого проводит в путь последний.
Никто из мёртвых не благодарит,
Но каждому он дарит утешенье.
Он сед, как дед, который у ворот
Своих внучат встречает шаловливых;
Он синеглаз и ласков, словно кот,
Он в вечность всех ведёт неторопливо.
Вот снова гаснет жизни огонёк,
Но синие глаза глядят спокойно.
Пусть труден путь последний и далёк,
Но нужно и его пройти достойно.

* * *

Я твоих не согрею ладоней
И о чувствах своих промолчу.
Как звезда, на ночном небосклоне
Я взойду и к тебе полечу.
Тихо сяду у края кровати,
Чтоб полёт твоих снов не прервать.
Скоро утро придёт, как проклятье,

Дай во снах мне твоих побывать!
Но уже беспощадное солнце
Отразилось в любимом окне.
Значит, снова прощаться придётся.
Я прошу: не забудь обо мне.
Как же коротко наше общенье!
Провожать не спеши – я дойду.
За визит не прошу свой прощенья.
Вместе мы – лишь во сне и в бреду.
Эта ночь пролетела, как будто
Жизнь моя в одночасье прошла.
Ах, как хочется, чтоб хоть минуту
Наяву я с тобой прожила.

* * *

Вновь встретимся, знаю, хмельные от страсти
И с прежней надеждой в сердцах.
Единственный мой, моё главное счастье,
С тобой я навек, до конца.
Я в мыслях своих лишь тебя обнимала,
К тебе лишь стремилась душой.
Любила, мечтала... Откуда ж я знала,
Что стану тебе я чужой...
Лети, отпускаю! Пора нам проститься,
Ты – вечно в глубинах души.
Но если однажды беда приключится,
Ты сразу ко мне поспеши.
Любовью своей залечу твои раны,
Ведь жить не могу без тебя.
Любовь словно битва, а мы – ветераны;
Мы чуть не погибли любя.
Разорваны в клочья и сердце, и тело,
Но вмиг я тебя исцелю.
Обиды забуду и, чтоб ты ни делал,
Прошу – потому что люблю.

* * *

Я с любовью ещё не встречалась...
Отражается осень в глазах.
Меня синяя вечность качала
На невидимых сильных руках.
И казалось, что я – невесома,
Что над домом кружу я родным,
И со мною – мой давний знакомый –
Кружевной, ускользящий Дым.

Я с любовью ещё не встречалась,
Я о ней не писала стихов,
И мечта моя в небо умчалась,
Дым оставив среди облаков.
Дым, послушай, мне так одиноко...
Не исчезни в дали голубой.
Я пойду за мечтою далёкой,
На край света пойду за тобой!
И с землёй попрощавшись унылой,
Я отправлюсь навстречу любви.
Никогда я ещё не любила...
Дым, на небо меня позови!

* * *

Дорогие четыре стены,
Вы хотя бы со мной говорите.
Почему на исходе весны
Мне так холодно, вы объясните.
Подскажите, как жить мне одной.
Сколько раз мне ещё ошибаться?
Неужели и впрямь без него
Сил не хватит, чтоб счастья дожидаться?
Дорогие четыре стены,
Может, выпить мне яд из бокала?
Прежней жизни счастливые сны
Я храню в своём сердце усталом.
Что мне сделать, чтоб быть рядом с ним?
В темноте задымлю папирасой,
Чтоб наполнил мой дом нежный Дым,
Растворив все земные вопросы.
В четырёх этих грустных стенах
Целый день, от зари до заката,
Я мечусь и рыдаю одна –
За любовь непомерна расплата.
Я запуталась в мыслях своих,
Мне не справиться с этой печалью,
И, наверное, в следующий миг
Вместе с Дымом растаю прощально.

* * *

Настала снова в Глухове весна,
И сердце птичкой в ожиданье бьётся,
А солнце всех целует и смеётся.
Моя весна – так молода она.
Моя весна. Она порой смешна,

Своих желаний и сама не знает.
То снегом и морозами пугает,
То плачет, словно тонкая струна.
Зажглись каштаны сотнями свечей,
Цветы открыли солнцу сердцевину...
И сердце рвётся лишь к тебе, любимый,
Но ты не замечаешь... Ты ничей.
Взгляни, какая нежность у берёз,
Как месяц освещает бархат ночи,
И счастье в роще соловьи пророчат...
Ты всё увидишь, кроме... кроме слёз.
Одна весна, столь разная для всех.
Она звенит тоской необъяснимой.
Я лишь тобою быть хочу любима,
Не полюбить весною – просто грех!
Есть что-то в ней, что чище всех озёр,
Что даже неба выше и просторней,
И даже смеха детского задорней;
Весна – в душе не гаснущий костёр.
Её цветы не вянут никогда:
Что в сердце расцвело, то остаётся –
Пусть даже этот мир перевернётся
И в вечности исчезнет без следа.
Пусть снова будут осень и зима,
И будут хмуриться, озябнув, люди,
Весна – не то, что было или будет,
Подарок настоящего она!
Весна – всегда как будто в первый раз,
А ранняя иль поздняя – неважно.
Она стучится к нам в сердца отважно,
Чтоб вечностью на миг наполнить нас.

* * *

Врежься в память звездой небесною
И застынь на устах поцелуем.
Мне нужна эта боль неизвестная –
Этот путь для меня неминуем.
Для чего мне всё это – не спрашивай.
Сам поймёшь, если в сердце ворвётся
Эта сила нездешняя, страшная,
Что великой любовью зовётся.

* * *

Только шаг – и полёт начинается.
 Словно птица, лечу в небесах.
 Эта радость навеки останется
 Свежим ветром в моих волосах.
 Я с вселенной хочу познакомиться
 И на вальс Млечный Путь пригласить,
 А потом у него, как поклонница,
 На прощанье звезду попросить.
 В небе, сотней галактик украшенном,
 Млечный Путь, напиши мне: «люблю»;
 Только вот о любимом не спрашивай –
 Не тревожь эту тайну мою.
 Млечный Путь, ты красавец невиданный,
 Но никто не сравняется с ним.
 Не печаль свою душу обидами,
 Я навеки люблю только Дым.
 Пусть исчезнет, рассеется снова он,
 Пусть надежда растает, как сон,
 Знаю: встреча нам вновь уготована,
 И я с ним до скончанья времён.

* * *

Как жить без тебя мне? Мутится рассудок,
 И боль, будто обруч, сжимает виски.
 Я словно букет голубых незабудок,
 Который увянет вот-вот от тоски.
 Как жить без тебя мне? Спаси моё сердце.
 Оно не болит – ведь не бьётся уже.
 Как нежным побегам в мороз не согреться,
 Вовек не согреться замёрзшей душе.
 Как жить без тебя мне? Уставшее тело
 Оставит душа, от Земли улетит.
 Она на Земле быть с тобою хотела
 И с неба тебе будет вечно светить.

Екатерина ПИСАРЕНКО

Перевод с украинского Анны ВОРОНИНОЙ

* * *

В воскресенье рыжий Мурзик
 Приготовил вкусный смузи –
 Подсказал ему сосед
 Замечательный рецепт.

За покупками сходил,
 Молоко с клубникой взбил,
 Съел до капли вкусно,
 Сладко стало животу.

А во вторник занимался –
 От калорий избавлялся.
 Он по прессу рекордсмен –
 Мурзик тот ещё спортсмен.

* * *

Спи, малыш мой, баю-бай,
 День уходит, засыпай.
 Успокойся, не вертись,
 Ближе к мамочке прижмись.

С неба звездочки слетают,
 Все печали забирают.
 Поцелует в нос луна,
 Рассмешит тебя она.

Позже папочка придёт,
 Одеяло подоткнёт.
 Засыпай скорей, цветочек,
 Сладких снов, мой ангелочек!

* * *

Сосчитал друзей щенков.
 Раз – лисичка, два – волчок.
 Хватит места всем в квартире.
 Три – петух, индюк – четыре.
 Пять – лягушка, мышка – шесть,
 И друзей в лесу не счесть.
 Кролик – семь, кузнечик – восемь.
 В гости всех сегодня просим.

* * *

Что могу назвать я раем?
Лес, который с детства знаю,
И тропинку в садик наш,
Где на дереве шалаш.

Мамин голос, нежность рук
И часов привычный стук.
Вкусный ужин на столе,
Мир и лад в большой семье.

Солнце, пруд, любимый край
(Сердце, счастья не скрывай!),
Ворох свежего белья
(Помню даже это я),
Рай – где Родина моя!

КАЛИНА

Цветёт калина под окном,
Раскинув ветки вольно.
Тревога заглянула в дом,
От жара сердцу больно.

Цветёт калина на селе
Не год, не два, не три.
Губами припаду к земле,
Проплачу до зари.

Цветёт калина по весне.
Её садил мой дед.
Покой я вижу лишь во сне,
Но сна, однако, нет.

Мы Бога просим об одном –
Спокойствие нам дать.
Одна печаль у нас давно,
И судьб не разорвать.

...Калина слёзы льёт в ночи,
И нет конца слезам.
Ты встань, мой край, и не молчи –
Ответь своим врагам.

ПОЭЗИЯ – ЖИЗНЬ МОЯ

Поэзия – жизнь моя.
Она мой товарищ, друг.
Усердно пишу, строки крою,
Не покладая рук.

Меня так влечёт идея –
Собрать из стихов букет.
Возможно, даже позднее
Напишут, что я поэт.

Услышат мой голос внуки
В посланьях моих стихов,
Их создали эти руки
Из праздников, будней и снов.

Подумаю, что не зря
Свой жизненный путь прошла.
Когда б не писала я,
Судьба бы никчёмной была.

* * *

Мальчик Саша заболел
И в Одессу прилетел:
Море Чёрное, песок,
Пляж, от солнца козырёк.

Ел Сашуля кукурузу,
Видел краба и медузу.
Бегал, плавал и нырял,
Враз окреп, здоровым стал.

Ждём в Одессе вас, ребята,
Саша, Катя, Миша, Злата,
Приезжайте к нам скорей –
Становитесь здоровей.

Ольга КАРТАШОВА
Перевод с украинского Ирины ПЕНЮКОВОЙ

* * *

Перепуганной пташкой в ночи прокричав,
 Я слезою-росой упаду в твою осень,
 Ни челом, ни крылом не коснувшись плеча...
 «Ты любил ли меня?» – сердце скорбное
 спросит.

Словно факел, в груди полыхает печаль,
 В серой хляби очей притаилась обида.
 Ни весны мне, ни лета нисколько не жаль,
 Стала осень милей их цветущего вида.

Истомлюсь, настрадаюсь, увяну в тоске
 И, взалкав чистоты больше чёрного хлеба,
 Не беспомощной чайкой всплесну на реке,
 Обниму белоликой лебёдкую небо!

Чтоб звездой осенять тебя в тёмной ночи
 И крылами крестить тебе утром дорогу.
 Ты иной красоты на земле не ищи,
 Помни: я за тебя предстою перед Богом!

* * *

О душа! Что кричишь ты из бездны
 истерзанной птицей?
 Ты ль не пела иль ранней росы на заре
 не пила?
 Поправляйся скорей! Окрылённым ли
 в пропасть стремиться?
 Ведь была ты счастливой, желанной
 когда-то была!

Или осень-вакханка обратно тебя баламутит,
 Что в огнистые косы беспечно с улыбкой
 вплела
 Не прощанья печаль, а любовь – ту,
 что сердце окрутит,
 Полыхнёт – и оставит лишь два поседевших
 крыла.

Так зачем же, душа, в одиночестве дни
 коротая,

Ожидаешь ты вновь возвращенья бывшего
 тепла?

Это осень, душа! И она твоих слёз не считает,
 Всё, к чему прикоснётся лишь взглядом,
 сгорает дотла.

ЗИМА

Полощется пламя во чреве печурки
 прохладной
 Запахнут дрова, застрекочут
 на сильный мороз.
 Разнеженной, сонной я встану из тёплой
 кровати
 И в зеркальце гляну: «Ой, нет! Что за пакля
 волос!»

Пройдусь гребешком по бедовой головке
 белесой.

Глазёнки протру. Мне ещё бы немного
 поспать!

А папа внесёт со двора дух морозного леса
 И дверью, обшитою войлоком, скрипнет
 опять.

– Папулечка, милый, смотри,
 как от холода зябко!

Не надо мне это!
 – Ай, добрый мороз!

Двадцать пять!
 Поспи-ка, родная! Ступай поскорее
 в кроватьку!

Учёбы не будет.
 Ты можешь подольше поспать!

Растаявший иней слезой покидает ресницы,
 На шапке-ушанке снежку серебрится кайма,
 А в печке аж воеет – то вьюга бездомная
 злится!

Водица дымится в ведре у порога – зима!

Под песню печи вновь зевну безмятежно
 и сладко.

Ох, горюшко-горе! А снег всё сильнее валит!
 Клубочком свернувшись, уютно устроюсь
 в кроватице...

Когда это было? И что же так сердце болит?!

* * *

Всё б дивиться в глаза долгожданные,
Всё б касаться висков поседевших,
Ты, наверно, не скажешь, желанный мой,
Сокровенных слов, наболевших?

И они улетят в никуда,
Чтоб уже никогда не вернуться.
Лишь сухие от ветра уста
Властно тёплой ладони коснутся...

* * *

В непостижимо-сумрачных мирах
Моя любовь растерянно бродила.
Пока сентябрь, как огнекрылый птах,
В больное сердце жар не уронил.

И вот уже, взволнованно-тиха,
Моя душа, полна огнём нетленным,
Рассыпалась в испуганных стихах
Жемчужно-белым бисером бесценным!

По тропам тайным, отстраняя страх
И злую боль всего лишь силой слова,
Моя весна на ста семи ветрах
Следы зимы затаптывает снова.

ВЕЧЕР

Всё воет и воет на улице зимняя стужа.
А дома уютно – здесь мама плачинды печёт.
Уж день соловееет. Пурга заметаёт снаружи.
Наш папа на шахте. Лишь ветер в окошко
сечёт.

Грустим в ожидании. Вдруг чудится:
стукнуло что-то...
Заснеженный папа калиткой скрипит за собой.
Пришёл, слава Богу! Пурга обрывает ворота.
А матушка с нежностью сыплет нам в миски...
любовь.

Ну вот мы и вместе! Втроём вкусноту уплетаем.
А матушка щепочки сверху на печку кладёт.
И кажется, солнышко прямо в печи обитает!
От папиной шапки вверх пар серебристый
идёт.

* * *

Иду тихонько степью наугад
Прочь от села, проснувшись спозаранку.
Стерня росиста. Голени горят –
Жнивье на коже оставляет ранки.

Мир предо мной во всей красе лежит
И в наготе смиренного терпенья.
В белёсом небе жалобно дрожит,
Вдруг пропадая, жаворонка пеньё.

Купаясь в пыльной лета теплоте,
Летят по ветру веточки полыни.
Неторопливо в жаркой полноте
Всплывает солнце средь прозрачной сини.

* * *

В пыли купаясь, звонко воробьи
Чирикают о счастье, полном света.
И сыплет солнце лучики свои
На воробьёв в святой купели этой.

Какое чудо – с миром быть на «ты»,
Когда душа так страстно славит Бога!
Сухой лесок, забытые кресты,
Разбитая колёсами дорога...

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ, ПРАВИТЕЛЬ И СВЯТОЙ

Осень 1941 года, немецкие танки стремительно приближаются к Москве. Каждый день с фронта приходят всё более трагические известия. За три дня боёв противник взял Брянск, Киров и Юхнов. 13 октября пала Вязьма. В плен попало более 600 000 советских солдат. Уже торжествуя победу, Гитлер отдаёт приказ направить в войска парадные мундиры для триумфального шествия по Красной площади. В Европе со дня на день ждут новостей о падении русской столицы. Но происходит невероятное. 7 ноября 1941-го Москва отвечает всему миру, что она не сдаётся, она жива и верит в победу. С трибуны мавзолея Иосиф Сталин первым из советских вождей обращается к патриотическим чувствам русского народа, упоминая Невского и Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова. В тот день среди выдающихся имён русской истории первым было названо имя Александра Невского.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – ЗАСТУПНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В 1941 году на экраны триумфально возвращается кинофильм «Александр Невский». Эту ленту Сергей Эйзенштейн снял ещё в 1938-м. Фильм был утверждён лично Сталиным и имел оглушительный зрительский успех. Но после подписания советско-германского договора о ненападении ленту изъяли из проката, посчитав слишком антинемецкой.

Во время Великой Отечественной гениальное кино обрело вторую жизнь. На фронте и в тылу советские солдаты просили Николая Черкасова, сыгравшего Александра Невского, прочитать что-нибудь из фильма.

Именно профиль артиста Черкасова архитектор Игорь Телятников поместил на новый советский орден «Александр Невский», появившийся во время войны. Этот орден был учреждён 29 июля 1942 года – на второй день после появления знаменитого приказа «Ни шагу назад».

Тогда наша страна вновь оказалась на грани катастрофы. Советские войска отступали, враг рвался к Волге и нефтяным богатствам Кавказа. Первые ордена Невского будут вручены командирам, оборонявшим Сталинград. Всего за время войны этим орденом наградят 42 000 советских офицеров и 1 470 воинских частей. В числе удостоенных этой высокой награды будет и авиаполк «Нормандия-Неман».

ЖИЗНЬ СВЯЩЕННЫМ ПРЕДАНИЕМ

В России подвиги Александра Невского давно стали священным народным преданием. Но история почти не оставила нам подробностей о его мыслях, облике и повседневной жизни. Сведения о земной жизни Александра крайне скупы и небогаты деталями – в первую очередь потому, что до нас дошло очень мало русских документов XIII века. Мы даже не знаем, как выглядел один из самых известных деятелей русской истории. Все известные нам образы князя – это не более чем плод фантазии художников, изображающих его то взрослым, опытным мужем, то былинным русским богатырём.

Одна из немногих вещей, известных нам довольно точно, – это возраст Александра. Ему было 20 или чуть менее лет в битве на Неве и 22 года – в битве на Чудском озере.

Князь Ярослав, его отец, правил в Переславле-Залесском. Согласно истории Татищева, именно здесь в 1220 году и родился будущий победитель шведов и ливонских рыцарей. Некоторые историки считают, что это могло произойти годом позже, но точных данных у нас нет.

Город и Спасо-Преображенский собор были построены по велению прадеда Александра – Юрия Долгорукого. В XIII веке родной город Александра Ярославича был одной из самых мощных и хорошо укрепленных крепостей на Руси. И сегодня здесь можно увидеть остатки земляного вала, который когда-то опоясывал весь город. В древности высота насыпных укреплений достигала 10–16 метров, а их протяженность составляла 2 500 метров. Наверху стояли рубленые стены с двенадцатью башнями, а внизу был выкопан глубокий ров с водой.

Возможно, когда-то маленький князь поднимался на этот вал, чтобы полюбоваться окрестными пейзажами. Во времена Александра это был второй по значению центр Владимирского княжества, где процветали торговля и ремесла. Здесь юный княжич начал учиться читать и писать.

В домонгольской Руси представители правящего слоя были хорошо знакомы с трудами Аристотеля, Платона, Гомера и Вергилия, пришедшими к нам из Византии. Одним из самых популярных героев древности был знаменитый полководец Александр Македонский. О его подвигах русский князь мог узнать из средневекового романа «Александрия», переведённого на славянский.

По мнению историков, скорее всего именно в Спасо-Преображенском соборе произошло одно из важнейших событий в жизни юного Александра Ярославича. Под сводами этого белокаменного храма знаменитый епископ Симон, один из авторов Киево-Печерского патерика, совершил над Александром обряд пострига, который символизировал переход княжича из детства в отрочество.

Это был древний рыцарский обряд, когда ребёнку княжеского рода подстригали волосы и вручали первое оружие. После этого он навсегда покидал терем своей матери и переходил на половину отца, чтобы обучаться воинскому делу и другим наукам, в том числе искусству управления.

Принимая поздравления близких, маленький Александр ещё не предполагал, какие испытания ждут его впереди. В восемнадцать лет он станет свидетелем внезапной и катастрофической гибели того мира, в котором он вырос и который любил. В конце 1237 года орды кочевников под предводительством монгольского хана Батыя обрушат на Русь свой первый опустошительный удар.

Разделённые междоусобной враждой русские княжества гибли одно за другим, несмотря на отчаянное и мужественное сопротивление. Не дойдя всего 100 километров до Новгорода, завоеватели обратили в пепел все основные центры культуры и цивилизации северо-восточной Руси.

В 1240 году Батый нанёс второй сокрушительный удар по Киевскому, Черниговскому, Галицкому и Волынскому княжествам. Описывая гибель очередного города, русские летописцы рисуют одну и ту же апокалиптическую картину. Вся Русь стала похожа на одно огромное братское кладбище. Большинство наших городов лежало в руинах, а их жители были истреблены или угнаны в рабство. Из более чем шестидесяти ремёсел, бытовавших на Руси до прихода монголов, в некоторых местах не сохранилось ни одного. Количество полностью уничтоженных русских городов, от которых не осталось даже названий, археологи исчисляют сотнями.

В культурном отношении разгромленная кочевниками Русь будет отброшена на несколько столетий. Надолго прекратится строительство из камня, исчезнут многоцветная керамика, перегородчатая эмаль, погибнет большинство рукописных памятников. Мозаичное искусство, которым в совершенстве владели древнерусские мастера, будет возрождено усилиями Ломоносова только через пятьсот лет.

Не менее страшной утратой станет для наших предков и потеря национальной независимости. Почти на 250 лет Русь превратится в один из улусов Монгольской империи, а русские князья станут данниками монгольских ханов. В то же время, по словам Пушкина, необъятные просторы России поглотили монгольское нашествие.

Русские первыми из европейцев приняли на себя удар монголов. Если бы они не оказали такого упорного сопротивления, монголы завоевали бы всю Европу. И тогда не было бы ни соборов, ни пап, ни католиков.

НЕВСКАЯ БИТВА

Именно в этот период с запада на Русь обрушилась новая беда. Летом 1240-го в устье Невы вошли шведские суда с разноязыким воинством. Кроме шведских рыцарей, в походе участвовали воины из Норвегии и Финляндии. Главными целями захватчиков были Новгород и его торговля. Захват этого города крестоносцами стал бы концом русской государственности,

это было очевидно даже для современников Александра и, разумеется, для него самого.

Александр самостоятельно княжил в Новгороде с шестнадцати лет. В момент шведского вторжения ему, возможно, не было ещё и двадцати. Ситуация, в которую попал русский князь, казалась безвыходной. Отец далеко, новгородская дружина невелика, а враг опытен и силен.

Александр Ярославич оказался в очень трудном положении. С одной стороны ему угрожали монголо-татары. Возможно, он рассчитывал на помощь других христианских народов в лице римских католиков. Но западные христиане его предали. Шведы и немецкие крестоносцы не только не собирались помогать ему, наоборот, они постарались использовать эту ситуацию для того, чтобы покорить Россию и захватить её западные территории.

Князь, получив шведский ультиматум, вошёл в Софийский собор и, упав на колени перед алтарём, принялся молиться со слезами. Мы можем только догадываться о том, какие чувства и мысли бушевали в душе двадцатилетнего князя. Ведь в тот день история возложила на его плечи ответственность за судьбу не только Великого Новгорода, но и за будущее последнего очага русской цивилизации, не растоптанного монгольскими ордами.

Далее летописец сообщает, что Александр обратился к своей малочисленной дружине с историческими словами: «Бог в правде». После этого бесстрашные новгородцы выступили навстречу врагу. Стремительным маршем, преодолев 150 километров, Александр сумел скрытно подойти к шведскому лагерю. Все его действия были смелыми, быстрыми и хорошо продуманными.

Битва, которая обессмертила имя Александра в русской истории, произошла в 22 километрах от современного Санкт-Петербурга – там, где в Неву впадает Ижора.

15 июля в 11:00 началась внезапная атака, принёсшая русским блистательную победу. Удары были нанесены с трёх сторон. Застигнутые врасплох скандинавы, несмотря на отличную выучку, были разбиты наголову. Сам Александр бился в первых рядах вместе с простыми

воинами. Побросав раненых и убитых, завоеватели с позором отступили. Для униженной и изнемогающей под ударами Батыя Руси эта победа стала лучом надежды. Русские люди по всей стране поверили в то, что Господь ещё не совсем отказался от них, раз дарит им такие триумфы.

Новгород встретил победителей колокольным звоном, а народ присвоил Александру историческое прозвище «Невский». Этот вольнолюбивый город сыграет особую роль в судьбе князя. В XII–XIII веках Новгородская республика отличалась от большинства русских княжеств принципом вольности в князьях. Их приглашали и изгоняли по решению веча. Новгородцы гордились своей демократией и ревниво её оберегали.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Впервые Александр Невский приехал в Великий Новгород вместе с отцом ещё в раннем детстве. Величественный Софийский собор, построенный на сто лет раньше знаменитого собора Парижской Богоматери, уже тогда сиял своими куполами над гладью Волхова.

Когда-то вдоль этих берегов проходил знаменитый путь «из варяг в греки». Исходя из «Повести временных лет», в 862 году сюда по приглашению новгородцев прибыли легендарные братья Рюрик, Трувор и Синеус. Они стали первыми русскими князьями и заложили начало российской государственности.

После смерти Рюрика правителем при его сыне Игоре станет Олег, прозванный Вещим. Он перенёс столицу из Новгорода в Киев. Вместе с христианством сюда придут грамотность и искусства. Найденные во время раскопок берестяные грамоты свидетельствуют о высоком уровне древней новгородской культуры.

В XIII веке Новгород был одним из самых просвещённых и благоустроенных городов Европы. Подтверждения этому археологи находят постоянно, в том числе и на знаменитом Троицком раскопе, существующем с 1973 года. Недавно здесь была разрыта очередная деревянная мостовая, относящаяся к XIII столетию. Такие

мостовые в Новгороде делали для того, чтобы передвижение по улицам города было максимально комфортным и удобным в любое время года. При этом древние новгородские коммунальные службы делали это на очень высоком уровне начиная с X века и вплоть до XVIII.

Отношения Александра с новгородцами складывались по-разному – от взаимной любви до открытого противостояния. Так, во времена ордынского ига князю пришлось силой заставить жителей Новгорода участвовать в монгольской переписи для выплаты дани. Тем не менее Александр Ярославич несколько раз спасал Новгородскую республику фактически от неминуемой гибели.

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

В 1240 году немецкие крестоносцы внезапно атаковали и взяли Изборск. Узнав об этом, жители Пскова немедленно собрали ополчение и выступили под стены Изборска. Битва была упорной, но неудачной для русских. Псковский отряд был разбит более многочисленным немецким войском. Осенью 1240-го, в результате предательства одного из местных жителей, крестоносцам удалось захватить и сам Псков.

Историки считают, что падение мощного, хорошо укрепленного Пскова стало возможным по причине сговора части его боярской верхушки с немцами. Враги сумели использовать давние стремления некоторых местных аристократов к полной политической независимости от Новгорода. После захвата города немцы посадили в нём своих наместников и начали грабить и разорять коренные русские земли.

Александр в это время находился в Переславле, куда он уехал после очередной размолвки с новгородцами. Когда вече отправило к нему посольство с просьбой о помощи, враги уже приблизились к Новгороду на расстояние конного перехода. Возвратившись в Новгород в 1241-м, Александр Невский начинает действовать в своей привычной манере: стремительно, расчётливо и бесстрашно.

Под его командованием полки нанесли Ливонскому ордену несколько болезненных

поражений. Освободив несколько городов, Александр Невский перенесёт войну в чудские земли. Весной 1242-го основные силы немцев и русских сошлись в решающей битве на берегу протока, соединяющего Чудское и Псковское озёра.

Кобылье Городище – населённый пункт, который, по мнению историков, находится ближе всего к месту знаменитой Ледовой битвы. От восточного берега Чудского озера до государственной границы России всего пять километров, а дальше уже начинается Эстония. Именно здесь 5 апреля 1242 года ливонские рыцари, выстроившиеся знаменитым клином, атаковали русские полки.

Жестокая рукопашная схватка закончилась полным разгромом немцев и их союзников из чудских племён. В этот момент русскому полководцу Александру было всего 22 года. Последствия этой победы таковы, что Орден больше не предпринимал полномасштабных наступлений на Новгород и Псков до XVI века, то есть до конца своего существования.

В 1462 году рядом с местом исторической битвы псковские мастера возвели обитель в честь Архистратига Михаила. С тех пор она никогда не закрывалась. Во время Великой Отечественной рядом с церковью появились братские могилы. В них похоронены советские солдаты и офицеры, погибшие здесь в самом начале войны и во время освобождения Прибалтики от гитлеровцев.

Настоятель храма иеромонах Никандр (Чебурахин) – в прошлом пограничник, полковник Советской армии и выпускник Академии Генштаба. Родом из Полтавской области. Советских бойцов он поминает каждый день вместе с воинами Александра Невского. И те и другие для него герои и патриоты, спасшие Россию.

Исторические споры о точном месте Ледового побоища и количестве воинов, участвовавших в битве, продолжаются и сегодня. Особенно много новых гипотез появилось в XX веке после окончания Второй мировой. В начале 1950-х годов в Западной Германии вышла книга немецкого публициста Пауля Рорбаха. В ней он утверждал, что Ледовое побоище – это выдумка

русских летописцев, что Александр Невский в реальности никого не побеждал, что сами русские не знают, где было сражение.

В Советском Союзе эту книгу расценили как очередную провокацию. В ответ Академия наук организовала специальную экспедицию на Чудское озеро для установления более точного места легендарной битвы. Экспедиция работала пять лет – с 1957 по 1962 год. В результате подводных исследований была составлена точная карта береговой линии XIII века. А главное, под водой был обнаружен знаменитый Вороний камень с примыкающими к нему укреплениями времён Александра Невского.

Несмотря на заключение экспертов и дошедшие до нас русские и европейские источники, попытки умалить и принизить значение подвигов Александра Невского продолжают и в наше время. В исторических дискуссиях периодически всплывают утверждения о том, что Ледовое побоище и Невская битва были всего лишь мелкими пограничными стычками, поэтому никаких особых побед русский князь здесь не одерживал.

Как правило, это говорят люди, которые сами ни в одном сражении не участвовали и уж тем более не сходились с врагом лицом к лицу в средневековой рукопашной схватке. Информационные удары наносятся и в сторону других наших национальных героев, и эта тенденция только нарастает.

«ОТ ВАС УЧЕНИЯ НЕ ПРИМЕМ»

Не сумев подчинить русские земли силой, Римская курия перешла к своей излюбленной тактике. Александру Невскому был предложен военно-политический союз с Западом в обмен на отказ от православия. В 1248 году папа Иннокентий IV написал Александру два послания, в которых назвал его «благородным мужем, герцогом Суздальским и королем Новгородским».

В одном из них Иннокентий Четвёртый прямо призвал русского князя признать Римскую церковь и повиноваться её Папе, а также со рвением поощрять к такому же повиновению и своих подданных. Кроме этого, римский

понтифик обещал Александру Ярославичу помощь от Тевтонского ордена и от себя лично в защите христиан от азиатских завоевателей.

В действительности за обещаниями Папы Римского стояло стремление подчинить православных римскому престолу через церковную унию с католиками. Противостояние между русским миром и западноевропейским началось с религиозного конфликта, с церковного раскола на католиков и православных. Сразу после него богословы Рима и Папа лично начали развивать идею о том, что только они обладают истиной, а православные – это заблудшие отступники от веры, схизматики. В это время мы наблюдаем создание идеологической конструкции, объясняющей, что плохие парни всегда живут на Востоке, а хорошие – на Западе. Прямо как сегодня.

Оба послания были доставлены в Новгород из Лиона, где тогда размещалась резиденция Иннокентия IV. В одном из них сообщалось, что князь Ярослав незадолго до своей кончины в Орде якобы согласился принять католичество. Это было похоже на откровенный шантаж. Но Александр Невский остался непреклонен.

В повести «Житие князя» сказано, что его ответ Папе был жёстким и однозначным: «От вас учения не примем». Александр действительно находился перед сложным выбором. Поэтому тот момент, когда он даёт окончательный ответ, можно назвать вторым крещением Руси.

В эти же годы князь совершает первую длительную поездку в Орду. Согласно летописному преданию, в Сарае он увиделся с ханом Батыем. Грозный завоеватель принял его с почётом. Побывал князь и в Каракоруме, столице Монгольской империи, которая его потрясла.

Во времена Александра Невского поездка из Руси в монгольские степи продолжалась 4–5 месяцев. Из Владимира до Сарая было 1 200 километров, а до Каракорума – почти 5 500. Каждый князь должен был обязательно везти с собой многочисленные подарки для хана, его жён и приближённых. Без денег, драгоценностей и мехов ни одного вопроса в Золотой Орде решить было нельзя.

Кроме того, необходимо было иметь большой запас продовольствия, поскольку дорога

часто проходила через безлюдные равнины, брать с собой летнюю и зимнюю одежду. После рязанских земель путь русских караванов проходил под контролем ордынских проводящих через ямы – так назывались дворы со сменными лошадьми. Отсюда в нашем языке и возникло слово «ямщик».

За свою жизнь Александру Невскому придётся четыре раза ездить в Орду, чтобы, по словам современников, «отмолить людей от беды». Каждый раз он вынужден был проявлять весь свой дипломатический талант, поскольку за каждый неправильный шаг здесь расплачивались головой. Своими собственными унижениями он спасал русскую землю.

В отличие от Запада Золотая Орда не претендовала на души покорённых народов. Во всех завоёванных странах монголы освобождали служителей культа от выплаты дани. Эта веротерпимость позволяла уцелевшим жителям сохранять свою веру и церкви.

В 1250 году осторожная и взвешенная политика Александра в отношениях с Ордой неожиданно получила серьёзную поддержку в лице киевского митрополита Кирилла. Кирилл, ближайший соратник самого могущественного князя Южной Руси Даниила Галицкого, вероятнее всего, не одобрял его политику открытого вооружённого противостояния Орде. Вернувшись из Византии, митрополит всея Руси поехал именно во Владимир к Александру, а не остался в Галиче или Киеве.

Переезд киевского митрополита Кирилла из Южной Руси был одним из поворотных моментов русской истории. Здесь Кирилл стал ближайшим сподвижником Александра Ярославича в его государственном и духовном служении. Митрополит полностью поддержал политику князя в отношениях с Ордой. Ведь это позволило сохранить православие как моральную и политическую силу нашего народа, его душу, что, по мнению историка Вернадского, и привело в последующем к чуду возрождения России.

Земная жизнь Александра Невского закончится на берегах Волги в нынешней Нижегородской области. Это произойдёт в Городце во время

его последней поездки в Орду. Тогда над русскими княжествами нависла очередная смертельная опасность. Хан Берке решил забрать в свою армию последних русских воинов для участия в междоусобной монгольской войне. Это было обычной практикой азиатских завоевателей. Но для обескровленной Руси принудительная мобилизация остатков мужского населения означала только одно – демографическую катастрофу и уход в историческое небытие.

Тот же Городец, возможно, никогда бы не возродился, не будь этой поездки великого князя в Орду. За свою историю этот город был дважды полностью вырезан ордами кочевников – сначала хана Батыея, потом хана Едигея. После последнего разорения он даже назывался Пустой Городец.

Немые свидетели тех жестоких и страшных времён хранятся сегодня в местном краеведческом музее. В 1985 году жители Городца отец и сын Мошкины, работая в своём огороде, совершили одну из самых уникальных археологических находок в русской истории. Это воинский шлем XIII–XIV веков, представляющий собой один из пяти типов боевых наголовий, существовавших в Древней Руси. Кто был его хозяин и при каких обстоятельствах закончилась его жизнь – эта тайна до сих пор волнует воображение историков.

Такой же тайной остаётся для исследователей и последняя поездка Александра в Орду. Мы не знаем, какие слова и аргументы использовал русский князь при встрече с могущественным ханом Берке, но отомлить людей ему удалось и на этот раз. Жители русских княжеств были освобождены от участия в монгольской междоусобице, а страна получила ещё одну передышку, важность которой невозможно переоценить. Но самому Александру это стоило жизни.

По одной из версий, он был отравлен в Орде и скончался по пути домой в Фёдоровской обители Городца. Произошло это 14 ноября 1263 года. Перед смертью князь успел принять схиму под именем Алексия. До революции Фёдоровский монастырь пользовался особым почитанием православных верующих. Здесь

побывали Пётр I и Екатерина II. При советской власти монастырские постройки были национализированы. В 1920-е годы, когда монахи были изгнаны, богослужения в нём прекратились.

В 1934 году в бывших монастырских строениях Фёдоровского монастыря была размещена трудовая колония правонарушителей. В соборе Фёдоровской Богоматери устроили электростанцию, а церковь Александра Невского отдали под клуб для перевоспитания преступников. В дальнейшем все храмы Фёдоровского монастыря были разрушены до основания. От прежней обители уцелели только два братских корпуса.

Монастырская жизнь возродилась здесь только в 2009 году, после воссоздания обители в честь Фёдоровской иконы Богоматери. Сегодня здесь действует православный миссионерский центр, ведущий обширную просветительскую и благотворительную деятельность.

В 1547 году Александр Невский канонизирован РПЦ. В памяти народа он навсегда остался символом жертвенного и бескорыстного служения Отечеству.

Игорь МАРТЫНОВ

Ульяна КОРЧАГИНА

* * *

Играет зайчик на стекле,
Не ведая забот печали.
Мой взгляд задумчивый в тоске
Все ищет горизонта дали.
Нам жизнь дарует не спеша
Познанья многоликий опыт.
Сама не стоит и гроша!
Захочет – ввысь, захочет – и потопит.
Мы, балансируя, в пути,
Ища, страдая, искупая.
Хотим проблемы обойти,
Всё больше их собой рождая.
Сражаясь шпагами идей,
Ища ответы на вопросы,
Мы колем до смерти людей,
Коль взгляды их не прямы, косы.
Всё ждём, что вскоре озарит
Нас истины восход великий
И пламя правды возгорит,
Придёт Спаситель многоликий.
Но вот уж жизни грань, черта.
Возврата нет в её значенье.
И ждёт лишь страха чернота
И наконец успокоенье.
И смысл в чём тогда судьбы,
Что нам дарована бездумно?
Мы смерти вечные рабы.
И от того душе так мутно.

* * *

Минуют горести, печали.
Грустинки след теряется в глазах.
Былые беды силу потеряли,
И реже сердце в пламенных мольбах.
Туманом боль укутало сознание,
И память тихо в прошлое зовёт,
Где было горьким с папой расставанье
И вера в то, что вскоре встреча ждёт.
Был долгий путь по жизни скоротечной,
Упорный труд и в частии семья.
Любовь была столь искренней и нежной.
И долгу верные, надёжные друзья.

Теперь смотрю с любовью я на фото.
Поглажу прядь седых уже волос.
И шевельнётся в сердце тихо что-то.
И я отвечу на судьбы вопрос,
Что я люблю тебя всем сердцем и душой,
Что помню я, как жизнь ты проходил.
Я не корю дарованный судьбою
Конец печальный, что ты пережил.
Мы не вольны предвидеть наше завтра,
Но каждый миг вольны определять.
Я верю в то, что будет послезавтра.
И надо с честью время провожать.
Я обещаю, папа, сердцем и душой
Быть верным сыном памяти твоей,
Быть другом, силою мужскою
И убережешь тебя молитвою своей.

* * *

Взгляд напротив растревожил душу.
Тень улыбки на устах влечёт.
Я обет молчания нарушу,
И душа тобою оживёт.
И проснётся романтизм природы,
Слов сплетенье породит узор,
И взлетят счастливые амуры,
Наполняя страстью разговор.
Душ родство вернётся в одночасье.
Тёплых рук касания нежны.
И отступит долгое ненастье.
И лишь мы сейчас и здесь важны.
Теплым взглядом я укурю нежно
То, что дорого так сердцу моему.
Море чувств моих – оно безбрежно.
Я тебя душою обниму.

* * *

Всё дальше горизонт событий.
Всё реже боль пронзает душу мне.
Всё ярче краски мироздания нитей.
Всё реже страх, пугающий во сне.
Уводят мысли суеты заботы.
Бежит песок сквозь решето проблем.
Всё больше власть доверяющей работы,
И нету времени взглянуть назад совсем.
Лишь память болью возвращает сердце,

Дина БАБАЙЦЕВА

КРАЙ ОТЧИЙ

Край отчий – ты великолепноый.
Здесь пахнут нежным ароматом травы.
Здесь небосвод такой прозрачный, светлый
И красотой своей манят дубравы.

Здесь в отблесках зари купает речка
Водою тёплой сонные брега.
Роднее нет уютного местечка,
Где каждая травинка дорога.

А выйдешь за деревню, за околицу,
И всё вокруг – поля, поля, поля...
В руках людей любое дело спорится,
И греет душу русская земля.

А в храмах за здоровье люди молятся.
За упокой души горит свеча.
Живут здесь люди в дружбе и не ссорятся,
Никто вас не обидит сгоряча.

Здесь дышится легко, свободно, просто.
Так дорог мне мой деревенский рай!
Похожий на большой зелёный остров,
Мой хлебосольный, щедрый, добрый край.

ПОЭТУ С. А. ЕСЕНИНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Как много на Руси поэтов?!
Есенин – он один такой.
Поэт деревни, им воспетой,
С открытой русскою душой.
Певец свободной жизни, вольной,
Писал он часто под хмельком.
Души порывы сердобольной
Манят промчаться босиком:
По деревенским тропкам милым,
Чтоб по утрам будить зарю,
Чтоб согревал огонь рябины
В есенинском родном краю.
Он не жалел, не звал, не плакал.
Вся жизнь – как с белых яблонь дым.
С душой, как золотом охваченной,
Остался вечно молодым.

ЖИЗНЬ

Как осень, жёлтой пусть жизнь бывает,
Листочком клёна летит, резвясь,
Весенним солнцем пускай сияет
И бьётся сердце, к добру стремясь.

Пусть жарким летом в роскошном платье,
С веночком пестрым на голове
Шагает жизнь своею статью
По недокошенной траве.

Пусть жизнь зимой бывает нежной,
С еловых лапок сбивает снег,
Сосновой смолкой запахнет снежной
И жизнь продолжит свой белый бег.

Весна и лето, зима и осень –
Такой у жизни круговорот.
Жизнь не игрушка, её не бросишь
И, как конфетку, не сунешь в рот.

Венок мгновений и разных мыслей
Сплела навечно для нас судьба.
Нет ничего дороже жизни,
Ведь жизнь у нас всего одна.

Мальчик, который слушал море

Жил на белом свете Наше Морюшко. Тут ему имечко, тут и прозвище. Отец у Нашего Морюшка был да сплыл. Нанялся матросом на свой, русский, пароход, но шустрые господа пароход продали неведомой малой стране – на карте не сыщешь. Плавал отец Нашего Морюшка тоже неведомо где, вестей о себе не подавал, а детей в семейке было шестеро. Самый малый – самая большая обуза. С годочка сидел Наше Морюшко в гулкой расселине, где море к берегу подступало мелкое, детское. Крабы своих детишек тоже в расселине пестовали.

Игрушками Нашего Морюшка были камушки да крабушки. Поговорить надобно, спросить что – вот тебе море. Море говорливое.

Младенец лепечет, а морю ребячий лепет в радость, само как дитя.

Притомится Морюшко, голову на камушек положит, заслушается баюками прибоя и заснёт.

Старшие братья и сестра раз-другой на дню прибегут поглядеть, не утонул ли козявка? А не утонул, так и ладно. Иногда пожалеют, хлебушка дадут, морковку, яблочко. Водой Нашего Морюшку ручей поил, молоком – коза. Сама приходила к младенцу. А когда подрос, научился плавать, матушка дельфиниха приплывала к нему с дельфинёнком, кормила.

В дождь, в грозу забывали старшие ребята о последыше и на ночь не всегда приводили домой.

Соседские мальчишки играть с Нашим Морюшком не любили. Неинтересно ему мальчиком кидаться, в догонялки носиться. К морю ластился.

Дружбу водил с одной только Тамариской. Девочка-одногодочка цветущий тамариск уж очень любила. Цветущий тамариск, он ведь розовый, в серебре, и ещё какие-то в нём краски, а какие – не скажешь.

Приходила девочка к Нашему Морюшке дружить. А вся дружба, все игры – сидели бок о бок и на море глядели.

Бывало, конечно, солнечных зайчиков ловили с волн. С прибором в шлепки затевались. Кто кого звончей. Из-за ладони даль разглядывали.

Одной Тамариске на каждый день нужен был мальчик Наше Морюшко.

А вот когда ему семь годочков исполнилось, толпой к нему ребяшня прибегала. Окружат и давай тормошить:

– Чего тебе море твоё говорит? Может, скажешь про завтрашний день?

Наше Морюшко поглядит на ребят и как раздарит:

– Тебе книгу купят с картинками. Тебе завтра в город ехать к родне. А тебя отец ремнём выпорет.

Все в хохот, но сказанное обязательно случится.

Семья Нашего Морюшка совсем обнищала. Вот явилась однажды его матушка к морю, черна как туча.

– Дармоед! – кричит. – Семь годов за плечами, пора с моей шеи долой. Сам на хлеб зарабатывай. Не можешь топором да лопатой – на паперть ступай!

Наше Морюшко и говорит:

– Домой поторопись, матушка! Человек от отца пришёл, деньги принёс.

– Ты ещё дурить меня взялся! – отвесила сыну оплеуху и прочь от бездельника.

Прибрела домой в слезах по колено, а дома – гость. Принёс письмо от пропащего и деньги иноземные. Таковую стопочку, что из нищих в единый миг соломенная вдова угодила в богачки. Стала денежней лавочника в их моряцкой слободе.

На радостях рассказала соседям о меньшом сыне, и пошли к Нашему Морюшку люди, как за самим счастьем.

Первой – красавица Лаванда.

– Малыш, – говорит, – я самая пригожая на всём побережье. Что же нет у меня любимого? Есть ли у моря о моей судьбе хоть полсловечка?

Наше Морюшко погладил прикатившуюся волну ладошкой и засмеялся от радости.

– Потерпи маленько! Твой жених прилетит за тобой по небу. Будешь жить на другом берегу моря. Детей у тебя родится больше, чем у моей матушки.

Махнула рукой Лаванда на выдумки злого мальчишки, а через месяц – на тебе! Сел возле их слободы вертолёт – была посадка вынужденная, но счастливая. Лётчик увидел Лаванду и, не раздумывая, подарил ей кольцо. Увёз красавицу за море, где у него был дворец и тысяча человек в услужении.

Молва стоустая. Потянулся народ к гулкой расселине, к мальчику, который море слушал. Ответ был всем, кто бы ни пришёл. Многие уверглись от невзгод, вняв голосу моря. Вода и в бездне прозрачная, правдивая.

В городе, за горой, жил один из шустрых господ. Поглядел он, поглядел на толпы народные. Мальчонка – друг моря – совсем глупый, не берёт с людей ни денег, ни приношений.

Вот и поставил шустряк заставу на дороге. Стал оброк собирать с человеческого счастья и горя.

Послал Наше Морюшко свою маму сказать господину шустрому:

– Море гневается. Не бери с людей денег, тобой не заработанных.

Засмеялся шустрец.

– Погневается твоё море и перестанет.

И дал матери Нашего Морюшки немалые деньги. От таких денег духа не хватило отказаться.

А по морю гладь да синева, ласковее штиля люди побережья за всю жизнь не видели.

Наше Морюшко сердцем радуется красоте несказанной, но к шустрому господину послал старосту слободы.

Слово мальчика, который море слушает, для местной власти не детский лепет.

Приехал староста к шустряку на разбитой развалюхе, уехал на иноземной красавице. Кто же устоит перед иномаркой?

Над морем радуги. Без туч, без облаков. Трое дивных ворот не друг над дружкой, а рядом. Невиданное чудо!

Послал Наше Морюшко детей к шустро-му господину. Не польстились ребята на шоколадки, не захотели на каруселях кататься, представленья в дельфинарии смотреть. И чего добились? Приказал шустряк пинками гнать из города несговорчивых. Но подошла к нему бесстрашная Тамариска и сказала:

– Наше Морюшко напоследок велел сказать тебе: «Если не уберёшь заставу нынче, завтра море придёт на землю и твой дом тоже навестит. Беги, пока не поздно, на гору».

– Да я вашего оракула на цепь посажу! – взъярился шустрый господин.

Воротились дети в слободу ни с чем. Отцы и матери ждали своих чад с надеждой, но котомки-то собрали, на тележки погрузили. Потянулся народ на высокую гору.

Сам Наше Морюшко сел на каменную плитку над морем и в море смотрел. Тамариска к нему прибежала, прижалась, и тут пришла с моря волна. Поднялась вровень с горами и на землю обрушилась. Был рёв, будто зверь подземный с цепи сорвался.

Ничего не осталось от города, где жил шустрый господин и многие иные шустрые. А вот рыбацкая слобода уцелела.

Мальчика с каменной плиты тоже не смыло. Прибежал народ к Нашему Морюшке, окликнули: молчит. Потрогали, а он тот же самый, но каменный. А рядом с ним дивный куст тамариска. Цветущего.

Ужаснулись люди, о себе погоревали: такая жизнь нынче, что только окаменеть.

Но Наше Морюшко хоть и камень, а совсем живой, куст тамариска – зима на дворе – цветёт.

Тут все и услышали голос моря.

– В тот год, в тот день, когда сгинут с вашей земли шустрые господа, оживёт Наше Морюшко, а Тамариске быть ему невестой.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

ДЕТСТВО

«Детство»... Как банально звучит название. Будто подражаешь великому Льву Толстому с его «Детством», «Отрочеством», «Юностью», где герой смотрит на мир созревающими глазами. Ведь детство в любые века проходит в ярких сине-розовых красках. Кто-то больше запоминает дом, родственников, кто-то учёбу, кто-то друзей, кто-то первую любовь... Но детство всегда вспоминается в розовых тонах. Каким бы ни было тяжёлым детство (голод, революция, время войны, детдом) в любой стране мира, в любую эпоху истории, думаю, именно детство – самое счастливое время. Единственное, что всех отличает, – это то, что детство у всех людей заканчивается по-разному и в разное время. У кого в пять лет, у кого в одиннадцать, у кого в пятнадцать, а у кого не заканчивается никогда. У всех национальностей детство заканчивается по-разному. У того, кто первый раз в жизни взял автомат и застрелил или схватился за нож, стал обманывать, стал завидовать, сделал умышленную подлость или обворовал злонамеренно, – именно тогда у него и кончается детство. До этого

**Анатолий ЮЖАНИН
(ШАЛИМОВ)**

Родился в 1960 году в г. Ейске. В 1985 году окончил Медицинский институт в г. Воронеже. Переехал в Мичуринск, работал в городской больнице врачом. Реализовывает свои творческие возможности в надежде быть успешным.

всё радует человека, огорчает, обижает, но это так быстро проходит, что ты не держишь зла на окружающий мир. Если уж появилась злость и месть, желание сделать подлость, специально обидеть близкого человека – то детство заканчивается, и здесь просыпаются чувства взрослого человека. Тогда и получается, что есть люди, у которых и детства не бывает, их мир не в добрых, красочных тонах, а в хитрости, обмане, желании возвыситься над окружающими тебя. Нет, это не свойственно детству.

В детстве человек живёт беззаботно, не задумываясь о жестокости окружающего мира. Взять детей из блокадного Ленинграда. Как бы им тяжело ни было, но, вырастая, они не озлобились, а сохранили тёплые чувства в воспоминаниях о своём тяжёлом детстве. Но человек настолько многогранен и, думаю, предсказуем, что если спросить у него, что он помнит из своего детства, какие радостные для него моменты, когда у него в мозгу вырабатывается гормон удовольствия эндорфин, так уже психологу становится ясно, что это за человек, кто он, где его корни воспитания и бытия и кем этот человек станет в будущем. Если взрослый человек с удовольствием начнёт рассказывать, как он в детстве мучил кота, привязывал банку к хвосту собаки, или украл деньги из кошелька матери, или обманул сверстника и при этом получил удовольствие, то вы догадываетесь, что это будет за человек.

Я обращаюсь к своей любимой теме – что есть законы в человеческих отношениях и поведении, основы которых находятся в детстве. Если вспомнить моменты моего детства, я хочу в старости вернуться именно к этим моментам счастья, вернуться на свою родину, где я родился и вырос. Как бы судьба ни забрасывала человека в разные точки земли, на старости лет, как нерпа или лосось возвращаются в то место, где они родились, так и люди стремятся туда, где прошло их детство, чтобы получить удовольствие от воспоминаний о том, где они были счастливы.

Моё детство начинается лет с трёх, а заканчивается в одиннадцать-двенадцать лет, когда я вынужден был уехать с матерью из собственного дома и стал скитаться по квартирам в надежде найти лучшее будущее, по мнению матери. Городок наш небольшой, находится на полуострове, с одной стороны море, а с другой – лиман. Жили мы возле лимана, метрах в пятидесяти от берега. Вдоль лимана проходила железная дорога, по которой ходили паровозы, а затем тепловозы. Когда они появлялись, мы, мальчишки, услышав свист издали, всегда выбегали их встречать из любопытства. Клади на рельсы мелкие предметы, гвозди, которые

сплющивались под тяжестью паровоза, и получали огромное удовольствие от этой забавы. Так что обнаружить ржавый гвоздь – большая находка.

Самое первое мгновение детства – это казус. Мать завернула меня потеплее в платок, положила на санки и повезла в детский сад. Санки были без бортов, в виде сколоченных досок, и, поднимаясь на взгорок, я выпал из саней в сугроб. Но упал так удачно, спиной на снег, что не испытал никакого дискомфорта и молчал. Мать с санками так и пошла вперёд, проехав два или три квартала, около четырёхсот метров. Только на большом перекрёстке мать поняла, что меня нет в санях. Она, конечно, нашла меня, испугавшись, что я почему-то не кричал. Я вообще по природе был молчун, матери даже пришлось водить меня к врачам, чтобы установить, почему я не разговариваю. Врачи её успокоили и сказали, что так иногда бывает у детей, ведь ребёнок всё понимает, а, чтобы научить ребёнка разговаривать, нужно умышленно не понимать его, чтобы он сам сказал, что ему надо. Наверно, это и было моё самое первое осознанное знакомство с окружающим миром.

Дальше я помню детство урывками. Не помню, как болел, не помню, как мать вынуждена была бросить работу, чтобы сидеть со мной, так как я часто болел в садике. Помню только последний год в детском саду и первый класс, в который я пошёл самостоятельно, так как мать была на работе. Она всучила мне небольшой букет и отправила в школу. Страх я почему-то не испытывал, а больше стеснялся своих грязных, невымытых коленок. В школе учился легко, школа не была для меня обузой. Практически ничего не помню, кроме того, как мы гоняли в футбол на переменах и, запыхавшиеся, мокрые от пота, влетали в класс перед самым началом урока.

Я бы хотел пробежаться по пыльной горячей дороге, горячей пыли, достающей до щиколотки... Какое я испытывал удовольствие! Мягкая как пух, грязно-коричневая, горячая пыль. Кругом солнце, жара – а мне так приятно. Не знаю, все по-разному помнят свой первый

случай получения удовольствия. Солнце в зените печёт, белёсо-голубое небо, ни одного облачка. Кругом стоит тишь, а я брожу по пыли. Со стороны это выглядело бы смешно и полусумасшедше, но я до сих пор ощущаю горячую землю с пылью на своих стопах.

Ещё мне хочется проснуться утром в воскресенье, когда все ещё спят, солнце взошло и только-только начинает припекать, сесть на дамбу у лимана, построенную для того, чтобы берег не размывало море, по которому ходит паровоз к нам в порт. Вода в лимане зелёно-жёлтая, полупрозрачная. В глади лимана отражается яркая дорожка, идущая к солнцу. Такая наступает тишина, нега и удовольствие. День только начинается. Все люди спят, и я первый прибежал и увидел эту красоту. Мои детские воспоминания связаны с лиманом. Какой он летом, зимой, весной, во время дождя, отлива; когда дует верховой или низовой ветер. Лиман по своей природе неглубокий. Чтобы пройти от берега к месту, где можно искупаться и «по шейку» воды, нужно пройти более ста метров.

Сколько рыбы в лимане! Любимым занятием было ловить бычков на «дюбалку». Это короткая палка с леской, крючком и маленьким грузилом. Прибежишь рано утром, переберёшься на лодку, стоящую рядом с берегом, примкнутую к буйку, накопишь червей и «дюзаешь». Можно, лучше утром, сачком наловить рачков возле лодок, а ещё лучше – накопать морских червей. Лопатой копаешь ил в лимане и ищешь в нём длинных, рыхлых, красных червей, похожих на сороконожек. До обеда наловишь на «низку» сто восемьдесят – двести бычков, обмотаешь «низку» вокруг тела и бежишь радостный домой, в надежде похвастаться перед матерью и детишками своим уловом. Однако мою мать не всегда радовал этот улов, потому что его нужно чистить и жарить, пока он свежий, а нам вдвоём этого не осилить. Мать чаще всего делилась бычками с соседями.

По весне, в конце мая, когда бычки мечут икру в камнях у берега лимана, самое большое удовольствие – ловить их руками. Камень ладонями обследуешь, найдёшь вход и выход

из норы и сунешь под него руку. Чувствуешь на донной поверхности камня выложенную икру. Бычок тут, рядом, и охраняет её. Икру надо нежно погладить, и бычок, защищая её, кусает тебя за пальцы. Ты же изворачиваешься и стараешься его поймать. Такое занятие называлось «дёргать бычков». Среди нас попадались такие злодеи, которые умышленно давили икру, специально её уничтожали, чтобы разозлить рыбу. Получается, что среди детей уже тогда зачинались повадки издевательства над природой.

Как хорошо летом ночью, после изнуряющей жары, купаться в лимане. Вынырнешь – а перед тобой огромная, в полнеба, розово-серая луна с одним и тем же лицом, повернутым к Земле. Только на юге есть такой феномен – происходит преломление солнечных лучей, отражающихся от Луны в атмосфере Земли таким образом, что она становится в пятнадцать-двадцать раз больше обычного.

Вспоминается наш морской порт, стоящий со стороны Таганрогского залива, где также мелко для морских больших танкеров и постоянно работают землечерпалки. По размеру он небольшой, пять или восемь «гансов», которым уже по сто лет. «Гансы» стоят на «ходулях», длинных ногах, и скрипят днём и ночью, выгружая и загружая уголь и лес, а затем везут за границу, в Турцию. От пирса до пирса метров сто двадцать – сто пятьдесят. Вечером, в сумерках, при тихой погоде, мы с ребятами украдкой пробираемся в порт и, пугаясь охраны, ныряем с пирса и стараемся переплыть порт у устья. Однажды охранники нас поймали: забрали вещи и стали ждать, пока мы выберемся из воды. Мы, стараясь показать храбрость, стали прятаться в сваях пирса. Однако холод взял своё, и мы, стуча зубами, вылезли из воды. Вся кожа в мурашках. Мы идём босиком по пыльному от угля и песка пирсу в помещение порта. Перед глазами рисуются милиционер, машина, вызов родителей, но страха мы не испытывали, только обиду, что придётся отвечать перед матерью. Всё обошлось благополучно. В помещении порта мы согрелись, оделись. Начальник вызвал нас к себе, пожурил, попросил больше

не купаться в порту и отпустил. Мы с радостью и лёгкостью разбежались по домам.

Вернусь к лиману. Опять он меня притягивает к себе моими детскими воспоминаниями. Наш город – самый солнечный в стране, в нём 295 дней в году светит солнце. Поэтому у нас больше сотни лет назад, ещё при царской власти, и открыли авиационное училище, где в своё время учились многие космонавты. Город солнечный потому, что много ветров, разгоняющих тучи. Так и на лимане: если с востока дует «верховой» ветер, то он изгоняет воду из лимана до самого ила. Чаще всего такое бывает в межсезонье, и мы надеваем сапоги и бродим по дну лимана, ловим крабов и копаем морских червей. Если ветер «низовой», который дует на восток, то он, наоборот, нагоняет в лиман воду вплоть до верхней черты дамбы, до полутора метров. Поэтому можно нырять прямо с бетонной дамбы и купаться. Опасность в том, что можно легко утонуть.

Однажды это чуть не случилось со мной. Верхние слои воды ветром гонятся в даль лимана. На дне течение подгоняет воду к берегу. Купаясь летом, когда дула сильная низовка, я понял, что меня стало сносить в глубину лимана. Я не чувствовал дна и впервые испытал страх, что могу утонуть. Сначала мышцы ослабли от страха, но мне впервые захотелось жить. Я стал грести к берегу, не сильно умея плавать, по-собачьи, захлёбываясь и барахтаясь. Я видел, как берег удаляется от меня, а я ничего не могу сделать. Силы мои тают. С берега стали смеяться надо мной, не ведая, что со мной творится. Видно, сверху есть какая-то сила, которая хранила меня и дала мне шанс «добарахтаться» до дамбы. Я впервые испытал страх умереть, страх того, как это всё происходит легко и быстро. Об этом случае я стеснялся говорить с матерью, а тем более с товарищами. Да... вот тогда и появились первые, незаметные седины на моей белобрысой голове, выгоревшей от солнца.

Зимой ветер часто меняется, лёд то подходит, то отходит от берега, мы начинаем колотить его и кататься на «крыгах», часто падаем по пояс в воду и бежим домой, в тепло и уют, по-

лучая от родителей лёгкие подзатыльники. Как ни приятно прибежать, раздеться, сесть у печки и выпить горячего чаю, но всё равно хочется, чтобы одежда быстрее высохла и можно было бы снова побежать на лиман. В тихую погоду вода замерзает ровной гладью, и наступает время для хоккея. Все завидуют тому, у кого есть хорошая клюшка и коньки-канадки. У нас их не было, поэтому клюшку сделали из двух досок с гвоздями. Кто-то пытался привязать на валенки дешёвые коньки или палки. Все часто падали, подворачивали ноги, но всё это уже забыто, и помнится только азарт.

Как же мне хочется сейчас вернуться в это детство, как хочется вспомнить горячий хлеб с маслом и сахаром, вкуснее его я ничего не ел. Как хочется надыхаться воздухом, тягучим и тёплым, погреться на солнышке, зная, что это моё родное солнце... Сейчас, наверно, всё уже не так. Лиман зарос водорослями, дамбу усилили, рыбаков не стало, как и рыбы, бычков-«кочегаров» (так называли потому, что у них защитная чёрная окраска от ила) никто не «дёргает», да и дорог с горячей пылью по щиколотку уже нет. Кругом один асфальт и щебёнка. Не стало того простора. На каждом свободном квадратном метре построен дом для сдачи «отдыхающим». Изменился говор, стал «кацапским», наш был мягкий, тягучий, русско-украинско-еврейский.

Нет, в старости я обязательно вернусь в свой городок. Сниму квартиру рядом с лиманом и потоскую немного о прожитой в детстве части моей жизни.

МИЧУРИНЦЫ В ЗВЁЗДНОМ

19 сентября в Звёздном городке в рамках проекта «Благодатное кольцо» состоялась закладка сада мира и памяти защитников Отечества, приуроченная к 75-летию Великой Победы, в которой приняли участие жители города Мичуринска: секретарь Союза писателей России Анатолий Труба, депутат Мичуринского горсовета Алексей Верховцев, учёный-селекционер Геннадий Щербенёв, атаман ХКО «Мичуринский» Андрей Бабайцев и воспитанники ТОГАОУ «Промышленно-технологический колледж».

Мероприятие объединило всех жителей городка. И несмотря на мелкий дождик, люди с энтузиазмом приняли участие в посадке, придя с собственным инвентарём.

Перед собравшимися выступили легенда советского спорта Александр Иванович Тихонов, лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор

Валерий Корзун, глава города Евгений Барышевский и главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба, который произнёс приветствие от жителей наукограда.

В качестве подарка Звёздному городку мичуринцы преподнесли 150 кустов боярышника и 10 яблонь, выращенных в ФНЦ имени И. В. Мичурина. Одна мичуринская яблоня была подарена Александру Тихонову, на следующий день он посадил её на своём участке в загородном доме под Минском и снял при этом видеотчёт с обращением к жителям Мичуринска, пообещав посетить наукоград в ближайшее время.

Символичной стала посадка трёх дубов, олицетворяющих Великую, Белую и Малую Русь.

Анатолий ТРУБА

ДЕНЬ ДРЕВОНАСАЖДЕНИЯ

17 октября в Музее-заповеднике М. А. Шолохова прошёл традиционный День древонасаждения, организованный Союзом писателей России и администрацией музея имени Шолохова.

В этот день в саду памяти на усадьбе знаменитого писателя специалисты Научного центра им. И. В. Мичурина и казаки хуторского общества «Мичуринское» под руководством секретаря Союза писателей России Анатолия Трубы высадили саженцы яблони сорта «Шолоховское» и кусты чёрной смородины нового сорта, названного в честь шолоховской героини «Аксинья».

Затем участники акции переехали на территорию лесопарка «Жемчужина Евразии», расположенного по соседству с музейной конюшней. Здесь сотрудники музея и научного центра им. Мичурина, а также писатели Ростовской, Волгоградской, Тамбовской и Воронежской областей из литературного объединения «Вёшенские родники» посадили первые саженцы будущей Аллеи писателей. Кроме смородины сорта «Аксинья», здесь появились яблони уникального сорта «Шолоховское». Такие же молодые яблони, посаженные в день 115-летия Михаила Александровича, успешно пережили своё первое засушливое лето на родине писателя: в саду на усадьбе и на территории старого дома М. А. Шолохова.

Завершающей точкой программы Дня литературного древонасаждения стала посадка

саженцев плодовых деревьев в Саду писателей России имени М. А. Шолохова в станице Каргинской. Этот сад был заложен два года назад на празднике «Каргинская ярмарка на Покрова» известными литераторами, учёными, артистами, сотрудниками Музея-заповедника М. А. Шолохова и жителями станицы Каргинской и уже даёт свои первые плоды, осенью дождалась первых яблок. К уже имеющимся и успешно растущим деревьям были досажены 11 яблонь в счёт естественной убыли и дополнительно два саженца, ознаменовывающих уходящий год.

Шолоховский заповедник и Мичуринский научный центр связывают давние дружеские взаимоотношения, начало которым положил сам Михаил Шолохов: разбить фруктовый сад на своей усадьбе он попросил научного сотрудника института, селекционера Андрея Николаевича Бахарева (личного секретаря И. В. Мичурина). Впоследствии восстановлением и поддержанием сада занимались другие селекционеры из Мичуринска. Мы надеемся, что с годами эта дружба будет только крепнуть, а красивые цветущие сады и парки шолоховского края будут продолжать радовать гостей Музея-заповедника М. А. Шолохова.

Анатолий ТРУБА

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextib.ru